

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО, Н. К. НИКСАНОВА и О. В. ЦЕХНОВИЦЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938

ИЗ СЕМЕЙНОГО ПРОШЛОГО ПРЕДКОВ ПУШКИНА

Публикация П. И. Люблинского.

История супружеских взаимоотношений предков Пушкина служит яркой иллюстрацией положения замужней женщины дворянско-помещичьих кругов в России в XVIII в. Она представляет значительный интерес для историка дворянских нравов того времени и объясняет очень многое в тех воззрениях, которые сам Пушкин имел относительно брака и домашнего воспитания детей. «В России, — пишет он в записке «О народном воспитании», представленной Николаю I при вступлении его на престол в 1826 г., имея в виду воспитание юношества в дворянских семьях, — домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенок окружен одними холопами, видит гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести». И несколько далее, охарактеризовав недостаточность знаний, приобретаемых при домашнем воспитании, Пушкин решительно заключает: «Нечего колебаться: во что бы то ни стало, подавить воспитание частное». А в наброске «Родословной Ганнибалов и Пушкиных», составленном им в 1830—1831 гг., как раз в те месяцы, когда он сватался к своей будущей жене Н. Н. Гончаровой, он, на ряду с рассказом о своих предках, наиболее подробно остановился на их супружеских драмах, о которых он слышал от своих родных.

Исторические разыскания приподняли завесу над некоторыми из этих семейных драм, по крайней мере тех, которые относились к роду Ганнибалов, исправив неточности и значительно дополнив сведения, сообщенные Пушкиным в его «Родословной».

Перед нами отчетливо встают два поколения русского поместного дворянства во всем неприглядном и жестоком их семейном быте, полном самодурства и закорюзлых собственнических интересов.

Представителями первого из этих поколений по отцовской линии были прадед Пушкина, Алек-

сандр Петрович, и единственный сын его — Лев Александрович. Относительно первого из них Пушкин ограничивается кратким упоминанием о том, что, будучи в припадке сумасшествия, он зарезал свою жену, урожд. Головину, находившуюся в родах.¹ О своем деде по отцу он пишет как о человеке пылком и жестоким, подвергшем свою первую жену, урожденную Воейкову, настоящим средневековым мучительствам. По словам Пушкина, «она умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую связь ее с французом, бывшим учителем его сыновей, которого он весьма феодально повесил на черном дворе». «Вторая жена его, урожденная Чичерина, — добавляет он далее, — довольно от него натерпелась». Верны ли эти факты или нет, судить трудно. Сам Пушкин оговаривается, что «все это знаю я довольно темно», а отец поэта, С. Л. Пушкин, после того как «Родословная» появилась в печати (в 1840 г.), уже после смерти его сына, выступил в «Современнике» (т. XIX, стр. 102—106) с опровержением правильности характеристики, данной Пушкиным его деду, хотя в своем письме он исходил скорее из общих соображений, нежели опирался на факты.² Как бы то ни было, в памяти потомков образы деда и прадеда сохранились как типы жестоких женомучителей.

Более точные исторические сведения имеются о прадеде и дяде Пушкина со стороны матери — родоначальнике рода Ганнибалов в России Абраме Петровиче и сыне последнего Осипе Абрамовиче. Историкам удалось розыскать подлинные дела о разводе их с первыми женами и выяснить бытовую сторону их семейной жизни. Об Абраме Петровиче, в течение более двадцати лет всячески мучившем свою первую жену Евдокию Андреевну, урожденную Диопер, мстя ей за супружескую измену, Пушкин дает очень неточные сведения. Но после работ С. И. Оpatович («Евдокия Андреевна Ганнибал — первая жена Абрама Петровича Ганнибала», «Русская Старина», 1877, № 1, стр. 69—78) и В. О. Михневича («Дед

¹ Был ли это припадок сумасшествия или болезненной ревности, относительно этого сомневался сам Пушкин. В написанных тогда же «Критических заметках», повторяя некоторые сведения из своей «Родословной», он пишет о своем прадеде: «он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах».

² Письмо С. Л. Пушкина перепечатано в статье Н. А. Белозерской «Один из предков Пушкина». «Историч. Вестник», 1889, кн. V, стр. 430.

Пушкина», «Историч. Вестник», 1887, № 1, стр. 90—96), мы располагаем ярким описанием драматической истории этого брака.

Познакомившись в конце 1730 г. в Петербурге с семьей капитана галерного флота Андрея Диопера, А. П. Ганнибал уговорил последнего выдать за него его дочь Евдокию против ее желания. Евдокия в то время сблизилась с флотским поручиком Кайсаровым, за которого собиралась выйти замуж. Невзирая на ее протесты, брак состоялся, но перед выходом в замужество девушка отдалась своему возлюбленному Кайсарову.¹ Повенчавшись с нею в самом начале 1731 г., А. П. Ганнибал через месяц уехал с нею на службу в г. Пернов, где молодая женщина, попрежнему не питая влечения к мужу, сошлась с подчиненным мужа, кондуктором Шишковым. Слухи об этом дошли до Ганнибала, и едва лишь прошел год со времени их брака, как он выступил в роли беспощадного мстителя за свою супружескую честь. По его доносу, поданному 28 февраля 1731 г., Перновская канцелярия возбудила дело против Шишкова, который якобы собирался отравить его зельем из аптеки, вступив для того в соглашение с его женой, Евдокией. Но свою жену Ганнибал не сразу предал в руки властей. Он решил предварительно вдоволь натешиться ее мучительством:

«Подав жалобу на своих подчиненных, — пишет С. И. Оpatович, — Ганнибал принялся и за жену, и плохо стало бедной. Он приставил к ней крепкий, надежный караул и неоднократно брал ее к себе в покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки несчастной и ее тело повисало в воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж «бил и мучил несчастную смертельными побоями необычно», принуждая ее, чтобы она на суде при допросах показала, будто «с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить и с ним, Шишковым, блуд чинила». При этом

в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил Евдокию убить».

«После таких внушений в канцелярии (где производилось дело о нарушении супружеской верности и где сам Ганнибал играл роль немаловажную) Евдокия все показала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. В течение месяца она жила у мужа, и только в конце марта того же года взята была в канцелярию. Ее посадили на Госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там под крепким караулом провела она пять лет «пока суды кончались». На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на добродетельные подавания христоролюбцев. На содержание Евдокии Андреевне муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержат ее под караулом. Арестантке не раз приходилось страдать от голода, в ожидании милостыни. Нечего уже и говорить о других условиях быта в Госпитальном дворе».

Продержав совершенно незаконно свою жену в заключении пять лет и тем временем сойдясь и вступив в брак с дочерью капитана перновского полка Христиною Шеберг, А. П. Ганнибал решил окончательно разделиться с своею первою женою, не получив еще от нее развода. Он предписал подчиненным ему перновским офицерам, у которых на рассмотрении находилось дело об Евдокии Андреевне, разобрать его в военном порядке, и гг. офицеры с необычайной исполнительностью вынесли следующую «сентенцию»:

«Прелюбодеице учинить наказание — гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на работу вечно; а Ганнибалу, как невинному, за руками всех присутствующих, выдать аттестат».

Повидимому, дело о покушении Евдокии на отравление Ганнибала оказалось совершенно вздорным, так как об этом обвинении в сентенции «кригсгерихта» не упоминается, но члены его в своем рвении угодить влиятельному просителю

¹ В своем полуисторическом, полубеллетристическом произведении «Арап Петра Великого», написанном еще до «Родословной», в 1827 г. Пушкин, описывая сватовство А. П. Ганнибала к дочери Гаврилы Афанасьевича Ржевского, приводит ряд мыслей об отношении мужей к женам и о поведении жен в позднюю Петровскую эпоху. При ближайшем изучении всей обстановки этого сватовства нетрудно убедиться, что здесь дано изображение сватовства Абрама Ганнибала к его первой жене Евдокии Диопер, а в лице ее возлюбленного «стрелецкого сироты Валериана» изображен флотский поручик Кайсаров. Фамилия Ржевского здесь, очевидно, взята не случайно. На Сарре Юльевне Ржевской был женат другой прадед Пушкина — Алексей Федорович Пушкин, отец бабушки Пушкина по матери, бывший воеводой в Тамбове. Сознательно или невольно, Пушкин смешал здесь сватовство двух своих прадедов. Притом сватовство А. П. Ганнибала к Диопер происходило уже после смерти Петра, в 1730 г. В своем описании беседы Ржевского с воеводой Т. Пушкин дает мастерскую характеристику того, как относились к новому укладу жизни жен, предписанному Петром, старые дворяне, сохранявшие еще домостроевские взгляды на неограниченность мужней власти. Опасаясь гнева царя, они воздерживались пускать в ход плетку против своих жен. После смерти Петра руки их в этом отношении оказались более развязанными.

приняли на себя роль духовного начальства, ведению которого подлежали тогда дела о прелюбодеянии. В указе Петра I от 11 мая 1722 г., при котором были опубликованы «пункты, которые показуются к содержанию духовного правительства и к знанию светского суда приличны», в ведение недавно образованного синода (1721 г.) на ряду с делами «еретическими», «волшебными», «о недоуменных браках и росписаниях совокупающихся сродства», были отнесены и «вины розводов брачных», в числе которых были поименованы: «1) причины прелюбодейства и челобитье о том брачных друг на друга, 2) рассуждение о побегах их и о самовольных друг от друга отлучках, 3) о посягнувших женах во отсутствие мужей за других и о возвращении их прежним мужем, 4) тако же и о мужах в подобных тому винах являющихся». Хотя данный указ и был опубликован во всеобщее сведение, для того «чтобы светские суды, ведая такое его имп. величества определение, в те дела не интересовались», все же перновский кригсгерихт счел возможным принять это дело к своему производству и «волочить его» пять лет, держа молодую женщину на Госпитальном дворе в заключении, а «сентенция», вынесенная им, представляла собою по установленному в ней наказанию своеобразную смесь постановлений «Воинских артикулов» 1716 г. и «Регламента Главному магистрату» 1721 г. В главе XX этого регламента «о смирительных домах и о гошпиталях» предписывалось в городах учреждать смирительные дома «ради таких людей, которые суть непотребного жития и невоздержного». К категории этих людей были отнесены: «сыновья, которые родителям своим тако-ж и учителям явятся не послушны и от злаго жития не престанут», «рабы непотребные», «нищие и гуляки»; «а для непотребного и неистового женского пола, которых должно наказывать таким же образом», в той же статье устанавливались «прядельные дома». И тут же прибавлялось: «А гошпиталям быть ради призрения сирых, убогих, больных и увечных и для самых престарелых людей обоего пола». Перновские администраторы, повидимому ради экономии средств, решили объединить все три эти учреждения вместе, и Госпитальный двор, в котором пять лет содержалась Евдокия Ганнибал и к заключению в котором она была приговорена гг. офицерами «навечно», служил одновременно и смирительным домом, и прядельным домом, и гошпиталем для увечных и престарелых. Однако те же офицеры, повидимому, решили применить, как и полагалось военному суду, также и нака-

зание, установленное «Воинскими Артикулами» для «блудниц». Артикул 175 этого устава гласил:

«Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутца, имеют оные, без рассмотрения особ, чрез профоса роздеты и явно выгнаны быть».

Приговорив Евдокию «гонять по городу лозами» как блудницу, те же судьи выдали Ганнибалу «аттестат невинности», хотя воинский артикул (171) предписывал:

«Кто при живой жене своей на другой браком сочетается, и тако разом две жены иметь будет, оного судить церковным правилом».

Согласно правилам «Краткого изображения процессов», приложенным к тому же «Воинскому уставу», «когда в нижнем суде в пыточном (т. е. уголовном) деле приговор учинен, тогда надлежит прежде фельт-маршалу или командующему генералу подать тот приговор. И когда он мнение свое на оной объявит, прибавит или убавит, по тому и эксекуция отправлена быть имеет». Дело однако не было представлено на дальнейшее утверждение. Евдокия Андреевна все же удалось добиться того, что ее вытребовали в Петербург в фортификационную контору. Здесь она 1 марта 1737 г. подала жалобу в синод на незаконный приговор и просила произвести дело о ней в духовном ведомстве, как того требовал закон, указав вместе с тем, что свои показания в перновской канцелярии она дала под влиянием насилий и угроз мужа.

Потребовалось еще пять лет, чтобы дело ее поступило в синод; тем временем она продолжала сидеть под караулом в Петербурге, числясь за фортификационной конторой. Повидимому, влияние Ганнибала нашло свои пути и среди петербургских военных чиновников. К тому времени и он сам переехал снова в Петербург, получив чин генерал-майора. Синод в 1743 г. передал дело петербургскому епископу Никодиму, который, однако, не спешил с его расследованием. Единственной мерой, облегчившей положение несчастной женщины, было освобождение ее на поруки. Очутившись на свободе, одинокая и измученная, она сошлась с подмастерьем Академии Наук Абрамовым, от которого забеременела. На исповеди, повидимому, она поведала своему духовнику Никифорову, священнику Андреевского собора на Васильевском острове, где она жила, о случившемся «грехе», и тот убедил ее подать в консисторию прошение с раскаянием во всех своих поступках и с указанием на то, что она «такою же своею виною одержима есть, и ныне имеется чревата».¹ В прошении, написан-

¹ Вскоре после того Евдокия родила дочь, названную Агриппиной; ребенок оказался слабым и вскоре умер. Повидимому, это обстоятельство послужило основой для сообщаемой Пушкиным в его «Родословной» версии о рождении женой Ганнибала «белой девочки», ошибочно им называемой Поликсеной.

ном, за ее неграмотностью, самим священником Никифоровым, она просила развести ее с Ганнибалом, указывая на то, что он находится во втором браке, от которого имеет нескольких детей.

Консистория, падкая до подобного рода дел, суливших чиновникам хорошие «прибытки», на этот раз довольно решительно принялась за расследование и послала Ганнибалу «допросные пункты» относительно его второго брака. 17 мая 1746 г. было подано Евдокией Андреевной прошение, а 23 мая, через шесть дней, Ганнибал вместо ответа на присланные ему пункты подал прошение императрице Елизавете Петровне, на милость которой, как дочери своего крестного отца, Петра, он рассчитывал. Однако прошение его императрица препроводила в синод без своей резолюции, а синод переслал его в петербургскую консисторию для приобщения к делу. На этот короткий путь от одного петербургского учреждения в другое потребовалось три года. Повидимому, связи Ганнибала и здесь помогли «волочить дело».

Дело это тянулось бы и дольше, если бы сам Ганнибал, желая узаконить своих многочисленных детей от второго брака, формально считавшихся «незаконнорожденными», не решил продвинуть его к окончанию. 15 сентября 1749 г. Ганнибал сам обратился в консисторию с просьбою о том, «чтобы в рассуждение его долговременной и беспорочной службы и вторичного брака, его всемилостивейше оборонить и бывшую его жену Евдокию взять в консисторию и за чинимое ею прелюбодеяние отрешить от него вовсе, дабы она прелюбодейца долее не называлась его женою и, таскаясь на воле, своими непотребствами еще более его к бесчестию не довела». Решившись на такой шаг, Ганнибал, очевидно, уже успел расположить к себе чиновников консистории и не боялся их суда. В своих расчетах он не ошибся. Архиепископ петербургский Феодосий, бывший судьей в этом деле, вынес решение:

«1) Евдокию Андрееву с Ганнибалом разлучить; 2) по силе указа от 8 января 1744 г., учиня ей наказание,¹ послать в Оренбург или, по рассмотрению синода, на монастырские труды вечно, потому что „таковая сквернодейца в резидующем граде быти не может“; 3) генерал-майору Ганнибалу, к тому второбрачю не малую подала причину сентенция суда о наказании жены и ссылке ее на прядильный двор на работу вечно, что и всякому, не совершенно знающему духовных прав, покажется за действительное разлучение. Сверх же всего, с нынешнею его второбрачною женою в сожитии уже 13 лет и имеет 6 детей, чего ради,

вместо разлучения, снабдить его церковной эпитимиею и, сверх того, денежным штрафом, а с сею его женою брак его утвердить.

«Что-ж военный суд, забыв опубликованный имянной блаженной и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Великого в 1724 г. указ (очевидно здесь описка, указ был издан в 1722 г. — П. Л.), по которому велено прелюбодейным делам быть ведомым в святейшем синоде, не токмо единый суд производили, но и сентенцию над прелюбодейцею утвердили, и тем оному Ганнибалу ко второбрачю оказию дали, и за то присутствующие, кои под аттестатом подписались, подлежат суду».

Желание Ганнибала о расторжении первого брака и о вечной ссылке его первой жены было выполнено; сам он отделался легкой эпитимией и штрафом, от обвинения в двоеженстве был освобожден, а гнев духовного суда обрушился на тех офицеров, которые вынесли сентенцию, нарушающую прерогативы синода. Но решение консистории подлежало ревизии со стороны синода, а тем временем Ганнибал продолжал мстить своей бывшей жене. Он подал в консисторию прошение о том, чтобы «жену его, ради ее непотребств, на поруки не отдавать, а до решения дела в синоде содержать в консистории под караулом». На этот раз он «великодушно» обещал «присылать ей пропитание». Евдокия была посажена вскоре после этого в консисторскую тюрьму, но присылал ли ей что-либо «на пропитание» необычайно скаредный в своих расходах Ганнибал, или нет, неизвестно. Во всяком случае он на этот раз, добившись утверждения своего второго брака и заключения в тюрьму первой жены, не торопил окончательного решения дела. Дело рассмотрено было в Петербургской консистории в начале декабря 1750 г., а окончательное определение по этому делу было вынесено лишь 9 сентября 1753 г., т. е. почти через три года. Тем временем ссылка в Оренбург, введенная в 1740 г., где ссылаемые обращались на работы по сооружению крепости и для разработки пластов илецкой соли, была прекращена, и самая отсылочная комиссия была упразднена в 1751 г. Поэтому назначенное Евдокии наказание пришлось несколько изменить; постановлено было: «препроводить ее в губернскую канцелярию для отсылки куда таковых посылают или в отдаленный монастырь в труды монастырские вечно», взяв с нее подписку, «чтобы она впредь женою Ганнибала не называлась и в новое прелюбодеяние не впадала под опасением наихудшего наказания, а за прежнее свое согрешение

¹ Согласно существовавшим тогда правилам, лица, приговариваемые к ссылке, подвергались предварительно наказанию плетьюми.

принесла покаяние пред отцом духовным и строго исполняла эпитимию, какая ей будет наложена».¹

После выполнения ею эпитимии синодом было постановлено заключить ее в Старо-ладожский монастырь.

«24 января 1754 г., утром, — пишет в заключение С. И. Оpatович, — Евдокию вывели из консисторского заключения, объявили приказ отправляться в монастырь и сдали ее отставному солдату Щеколдину, которому и поручили доставить ее в Новгородскую духовную консисторию. На дорожные расходы выдали Щеколдину 3 рубля и приказали доставить Евдокию бережно. Посадил он ее в сани и повез в Новгород. Там в консистории уже получен был указ синода — дабы Евдокию Андреевну содержать в монастыре неисходно и наблюдать „дабы она, пребывая в покаянии, приходила в церковь к повседневному молитвословию, келейного правила не оставляла и, по возможности, в монастырских послушаниях обращалась неленостно“. Из консистории ее отправили в монастырь, где она и скончалась. Так „окончились суды“».

Картина непрерывно, в течение 23 лет, продолжавшейся мести беззащитной жене, с которой Ганнибал прожил менее года и которая неволей пошла за него, изображенная нами в основном по материалам, собранным Оpatовичем, свидетельствует не только о неукротимом характере «Арапа Петра», но и о судебных порядках того

времени, когда пользующийся влиянием и подкупамы дворянин мог всеми правдами и неправдами добиваться своей жестокой цели, сам оставаясь безнаказанным.

При всей жестокости обращения прадедов Пушкина с их первыми женами, в этом нельзя видеть чего-либо исключительного, могущего быть объясненным только их личными особенностями. Таков был семейный быт высших слоев дворянства в первую половину XVIII в., когда мужья власть не знала себе ограничений и замужняя женщина находилась в совершенно бесправном положении.

Второе поколение Ганнибалов уже в период Екатерины II представлено в семейной хронике дедом Пушкина по матери — Осипом Абрамовичем Ганнибалом и его братом, опекуном над имуществом матери Пушкина Надежды Осиповны, Петром Абрамовичем. Их взаимоотношения с женами вылились в длительные и мучительные для обеих сторон судебные тяжбы из-за вопросов о разводе и о содержании, для разрешения которых обе стороны неоднократно обращались со всевозможными прошениями на царское имя, и тем не менее так и не дождались разрешения их при своей жизни. Эти супружеские тяжбы также являются характерными для семейных взаимоотношений, которые существовали в конце XVIII в. в кругах русского среднего дворянства.

¹ Хотя петровским указом от 22 марта 1723 г. (П. С. З. № 4119) и было воспрещено пострижение жен в монастыри в виде наказания за прелюбодеяние и «другие правильные вины», однако консисторская и синодальная практика восстановили эту меру, толкуя, что запрет этот касается только пострижения в монашество, а не пожизненного содержания в монастыре (ссылки на отдельные дела того времени, закончившиеся заключением в монастыре, см. в изданном Розановым «Описании документов и дел, хранящихся в архиве синода», ч. II, кн. I, прим. 327; там же, кн. 2, прим. 368 и др.). Так под датой 10 марта 1742 г. мы читаем, что за прелюбодеяние «учинено жене в дикастерии (консистории) нещадное плетью наказание и затем она отослана в Хотьков монастырь, в монастырские труды». Любопытно, что в этом деле, относившемся к жене канцелярии Академии Наук секретаря, Петра Ханина, возбуждившего вопрос о наказании за прелюбодеяние жены его, Устины, консистория не вынесла постановления о расторжении брака, «понеже муж развода не искал». И действительно, наказав жену плетью и продержав ее 12 лет в Новодевичьем монастыре, Ханин в 1755 г. вошел в синод с ходатайством о возобновлении его брака с прежней женой, прося «законное супружество и паки сожитие иметь с нею по-прежнему»; просьба его была удовлетворена синодом: «на что, — как говорится в решении синода, — яко закону божию не противное и правилам святых отцов согласное, дозволение учинить без сумнения надлежит» (см. Загоровский, «Развод по русскому праву», М., 1884, стр. 306).

В 1741 г. была сделана попытка восстановить практику посылки прелюбодейц на прядильные дворы, и даже состоялось постановление о постройке в Москве для этой цели особого Прядильного двора (см. в «Описании синодских дел» Розанова, ч. II, кн. I, стр. 327). Мысль эта однако, повидимому, не осуществилась, и осужденных за прелюбодеяние продолжали ссылать в Сибирь, а позднее в Оренбург, на вечную работу, которая иногда для жен дворянского звания заменялась «ссылкой в приданные деревни с обязательством быть там до самой кончины без выхода» (см. Загоровский, цит. соч., стр. 308).

На ряду с таким жестоким наказанием жен, совершивших нарушение долга супружества, мужья за совершенные ими прелюбодеяния, судя по тем же синодским делам, фактически оставались безнаказанными, подвергаясь лишь изредка «смотрению отцов духовных».

Круги среднего дворянства в ту эпоху переживали состояние значительного экономического и морального упадка, несмотря на все меры, принятые Екатериной к поддержанию их престижа. Старшинное родовое дворянство в образе и обиходе своей жизни всячески старалось тянуться за приближенными и фаворитами императрицы, щедро пожалованными ею огромными именными «за особые заслуги» и широко трагившими доходы, извлекаемые из эксплуатации десятков тысяч крестьянских «душ». К влиянию своей «знати» присоединялось и сильное влияние парижских нравов и мод, поддерживавшее страсть к мотовству, к показной роскоши, к азартной игре и пышным нарядам, разорявшее среднее дворянство и заставлявшее его влезать в неплатные долги. «Отчего все в долгах?» — спрашивал Екатерину Фонвизин. — «Оттого, что прожигают более, нежели доходу имеют. Другими словами, роскошь причиною зла». Тот же Фонвизин в своей «Придворной Грамматике» пишет: «Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: „быть должным“». Глагол этот в прошедшем времени спрягается весьма редко: ибо никто долгов своих не платит. А в будущем спряжение его употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу будет, если еще не есть». Комедия и сатира того времени делали эту страсть к мотовству и роскоши и обихай неплатежа долгов излюбленными темами своего изображения. Экономисты изощрялись в рассуждениях о пользе и вреде роскоши для страны. Дидро, посетивший Петербург в 1773 г., был поражен обеднением ряда знатных старинных семей. Он в беседе с Екатериной ставит пред нею вопрос: «Как воспрепятствовать разорению знатных семей?» считая это разорение угрозой для прочности ее царствования, и отвечает сам на этот вопрос так:

«Отвращением к пышности со стороны государя, примером экономности, восхвалением семейных добродетелей, благоволением к хорошим отцам, приближением их к себе, хорошим воспитанием детей, помощью, оказываемой несчастным отцам, и мало ли еще чем. Все средства, которыми располагает человек для поощрения добродетели и для осуждения порока, окажутся здесь пригодными: стол, праздность, игра, но главное — не давать знатым семьям возможности впасть в нищету».

Разорявшееся дворянство с жадностью хваталось за все законные и незаконные источники доходов. Деньги и «души», создававшие своим

трудом богатства, стали предметом безудержной алчности; служба в суде и в администрации сделалась источником обогащения благодаря глубоко вкоренившемуся обычаю взяточничества, разедававшему все управление тогдашней России.

К экономическому разорению и неуверенности в будущем своем положении присоединялся и крайний упадок нравов. Низкопоклонство, тщеславие, ложь, стремление обмануть друг друга и разбогатеть, не разбираясь в средствах для этого, половой разврат стали почти повсеместными среди тогдашнего дворянства. Устойчивый брачный союз, супружеская верность, уважение к женам и забота о детях, об их воспитании и содержании — находились в крайнем упадке. Брак становился способом приобретения приданого, либо средством сближения путем свойства с кем-либо из влиятельных царедворцев. Он все более лишался своего внутреннего содержания. Разводы стали частым явлением. Однако вследствие трудности и медлительности бракоразводной процедуры супруги предпочитали просто расходиться друг с другом, иногда оформляя такое расхождение формальными письмами, предоставлявшими друг другу полную свободу в дальнейшем.

Отражением существовавших в этой области нравов может служить сатирическая «перепись», составленная Екатериной в ее «Былях и Небылицах» по типу модных тогда утопических описаний:

«Лист переписи острова Тихоморе на правой стороне от Твердой земли:

мужей, любящих жен своих, . . .	4
жен, любящих мужей своих, . . .	4
мужей, ушедших от жен, . . .	26
жен, ушедших от мужей, . . .	18
полюбовно разошедшихся . . .	10
судом разведенных	6

В этой «статистике» счастливые браки составляют редкое исключение, браки же фактически расторгнутые дают, как исчислил бы статистик, 94% всего числа. Державин говорит о широко распространенном в это время «модном искусстве между супругами давать друг другу свободу», а М. Щербатов пишет, что в Екатерининскую эпоху разводы и покинутия одного супруга другим «можно сосчитать сотнями».¹ Поводы к формальному расторжению брака через церковные суды были чрезвычайно ограниченными, и это заставляло лиц, желавших вступить во второй брак, для чего требовалось расторжение первого, прибегать ко всевозможным обманам

¹ М. Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России» приводит многочисленные случаи открытого разврата среди высшей екатерининской знати: кн. И. А. Долгорукова (стр. 39—40, изд. 1858 г.), П. И. Шувалова (стр. 71), гр. Орлова (стр. 82) и др. Дополнительными иллюстра-

и ухищрениям. Дидро в беседах своих с Екатериной счел необходимым специально остановиться на печальных последствиях нерасторжимости брака и на церковных разводах:

«Нерасторжимость брака, — говорил он, — противоречит непостоянству, столь естественному у мужчин. Менее чем в один год тело женщины, нам принадлежащей, становится нам столь же близким, как и наше собственное. Тогда утрачивается домашний мир и начинается ад. Из-за розни родителей дети становятся несчастными и развращенными. Добрые нравы изменяются. С браком дело обстоит так, как с существованием бога: первый — это связь, второй — это понятие, созидающее счастье; оба они укрепляют добродетель одного за счет ста других, которых они делают несчастными и развращают... Легкость развода заставляет делать взаимные уступки. Свобода развода приводит к тому, что люди расходятся редко. Допущение развода с согласия гражданских властей влечет за собою переход брака из рук духовных властей в руки публичной власти. В самом деле, не странно ли то, что церковь является хранительницей трех наиболее важных актов жизни, рождения, брака и смерти.

«Высказываясь за развод, я имею в виду и возможность вступления во второй брак. Закон, осуждающий разошедшихся супругов на безбрачие, отвратителен. Он губит нравственность и жены и мужа, разъединяя их. Он более,

чем нерасторжимость брака, благоприятствует распущенности».

Но высказываясь за свободу развода и за передачу его в руки гражданских властей, Дидро считал вместе с тем необходимым оградить при разводе имущественные интересы детей:

«Впрочем, можно легко ограничить многочисленность разводов установлением раздела имущества. Если у родителей будет иметься пятеро детей, то вся масса имущества супругов должна быть разделена на пять частей, из которых три будут принадлежать детям. Правило о разделе имущества не позволит мужу дважды менять жен, а жене дважды менять мужей».

«Но как труден этот вопрос! — добавляет в заключение Дидро. — Ведь развод происходит порою и у государей, и встречаются случаи, когда развода требует только один из супругов».

Противоречие между нравами и законом, допускавшим практически развод только по одному основанию — супружеской измене или «прелюбодеянию», приводило к тому, что желавшие расторгнуть свой брак супруги, когда одного взаимного разлучения было недостаточно, так как оно не давало возможности вступить в другой «законный брак», прибегали к двоеженству и двоемужию или, если они пользовались влиянием при дворе, прибегали к «милости государыни», чтобы юридически расторгнуть свой прежний брак.¹ Не только мужья, но и жены следовали по этому пути.² Статс-дамы и фрейлины, а за ними

циями могут служить сведения, сообщаемые Н. А. Белозерской в ее статье («Историч. Вестник», 1899, кн. 5, стр. 432—434), относительно супружеской жизни трех фельдмаршалов Екатериинской эпохи — А. В. Суворова, М. Ф. Каменского и П. А. Румянцева-Задунайского.

¹ Особенно участились случаи фактических расторжений брака после того, как синод своими указами, изданными в 1730 и 1767 гг., категорически запретил священникам и церковнослужителям выдавать так наз. «разводные или роспускные письма» при согласии обоих супругов на развод. Н. А. Белозерская приводит в своей статье случай прекращения брака на основании посылки супругами друг другу «увольнительных» писем, имевший место между гр. А. С. Строгановым и его женою Анной Михайловной, урожд. Воронцовой. Когда граф М. Воронцов обратился к Екатерине с просьбой о том, чтобы она приняла на себя решение дела о разводе его дочери со Строгановым, Екатерина отвечала ему письмом от 2 декабря 1764 г., в котором, между прочим, писала: «Это — церковное дело, вступаться в него не могу и не буду... гр. Строганов подобную просьбу с месяц назад подавал и тот же ответ получил; и хотя и желательно было, чтоб восстановить законное согласие между сими брачными, но в отсутствие жены его графини Анны Михайловны решено быть не может. С своей стороны в их волю отдаю жить вместе или разводиться: для меня все равно, графиня Анна Михайловна называться будет Строганова или Воронцова». Через некоторое время Строганов дал своей жене бракоразводное письмо от 2 июля 1765 г., скрепленное подписью свидетелей, после чего получил от нее такое же, после чего оба супруга считали свой брак уничтоженным («Один из предков Пушкина», стр. 434). Очевидно, в 1764 г., еще недавно вступив на престол и чувствуя свое положение недостаточно прочным, Екатерина опасалась вызвать неудовольствие высшего духовенства вмешательством в его дела.

² В половине XVIII в. начинают встречаться уже часто среди высшего дворянства дела о вступлении во второй брак жен при жизни их первых мужей, с которыми они еще не были разведены. Таково дело И. Бутурлина, жена которого Анна Семеновна при живом муже вышла замуж за С. Ушакова; дело Е. Раумовской, вышедшей замуж тайно от первого мужа за гр. П. Ф. Апраксина (см. о них

и другие женщины из кругов петербургского дворянства почти открыто сожительствовали, при существовании брака, с другими, и тогдашнее высшее общество не относилось к этому строго, прекрасно зная нравы самих Елизаветы и Екатерины в этом отношении.¹

Если отдельные дела этого рода доходили до суда, то это происходило главным образом из-за различных имущественных взаимоотношений, связанных с фактическим прекращением брака. Имущественные отношения, связанные с расторжением брака, оставались очень неясными, так как случаи разводов в прежнее время были весьма редкими. Крупные и мелкие имущественные тяжбы загромождали суды и тянулись

многими годами, переходя из одной инстанции в другую. «Ябеда» и сутяжничество были теми болезнями, которыми особенно сильно болело русское общество второй половины XVIII в. и против которых нисколько не помогали вновь созданные в 1775 г. губернские судебные учреждения.²

В условиях таких общественных и семейных взаимоотношений в дворянской среде и разыгрываются процессы, относящиеся ко второму поколению Ганнибалов. Из них более подробно мы остановимся лишь на первом — на деле Осипа Абрамовича Ганнибала с первою его женою — Марией Алексеевной Пушкиной.³

у Щербатова, «О повреждении нравов в России», 1858, стр. 74), причем, как замечает Щербатов, «пример таких разводов вскоре многими другими женами был последуем, и после их можно сотнями считать». Карабанов (Статс-дамы русского двора в XVIII в. «Русская Старина», 1871, янв., стр. 40) сообщает о том, что отец известного Потемкина, будучи уже в престарелом возрасте, женился при живой жене на другой — молодой вдове.

¹ Вольность женских нравов в половине и в конце XVIII в. была не менее большою, чем то наблюдалось у мужчин. Двор в лице Елизаветы и Екатерины давал к тому особенно заразные примеры. Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России», изд. 1858 г., стр. 74—78, указывает, что иметь любовников было тогда столь же модно, как и иметь любовниц; внебрачных связей не только не стыдились, но гордились ими, если эти связи были с людьми влиятельными, и нередко заводились эти связи с корыстными целями.

² Сетования на крайнюю волокиту в судебных местах, особенно по гражданским делам, были всеобщими. Указаниями на необходимость положить предел ябеде и волоките полны указы, данные депутатам комиссии 1676 г. (см. В. Григорьев, Реформа местного управления при Екатерине II, II, 1910, стр. 120—200). Екатерина пыталась положить конец этому созданием совестных судов, где решение выносилось бы в порядке примирительного разбирательства и не по формальным основаниям, а по совести, и тем самым «совестный суд мог служить родам для бестяжебного спокойствия». Однако оптимизм Екатерины относительно роли совестных судов не оправдался. Г. Р. Державин во всеподданнейшем докладе, представленном им Александру I вскоре после вступления последнего на престол, в 1802 г. писал: «Не взирая ни на что, тяжёбые дела непрестанно накоплялись и накаплиются. Я, при вступлении моем в нынешнее звание (т. е. на должности министра юстиции), нашёл, как известно вашему величеству, нерешенных дел в сенате — 10.709, в канцелярии генерал-прокурора — 1.176; с 8-го сентября прошлого года по 1 апреля вновь вступило в сенат 11.469, в департамент министра юстиции — 8.453, из них: решено в сенате 12.508, в департаменте 6.721; затем остается нерешенных в сенате 9.670, в департаменте — 2.907» (см. доклад Державина, приложенный к его проекту «Об уставе третейского совестного суда», напечатан впервые в издании собств. е. и. в. канцелярии в 1860 г., стр. 2).

³ Изложение дела Осипа Ганнибала, а также приводимые в приложении документы, относящиеся к этому делу, даются нами по рукописному делу, хранящемуся в Институте Литературы Академии Наук. Дело это озаглавлено: «Капитана Ганнибала с первой его женой Пушкиной на 111 листах» № 681; сбоку карандашная приписка: «Из бумаг П. Я. Дашкова». Само дело представляет собою собрание документов, восходивших на рассмотрение Екатерины II, выступившей в 1784 г. в качестве вершительницы спора. Это доказывается тем, что все прошения, подававшиеся на имя императрицы, ее распоряжения и резолюции приведены в оригиналах, а материалы, относящиеся к производству этого дела в консистории и синоде, и некоторые другие, связанные с подготовкой этого дела к докладу, приведены в заверенных копиях. Это же подтверждается и имеющейся на первом листе надписью: «Доклады: марта 8 1783 г.; генваря 10 1784 г.; генваря 7 1786 г., сентября 2 1786 г.»; даты эти соответствуют дням, когда отдельные материалы по этому делу докладывались Екатерине. Оно заканчивается 1786 г., хотя по этому делу имелись и позднейшие прошения. Дело это было исползовано В. О. Михневичем для его статьи «Дед Пушкина», напечатанной в «Историческом Вестнике» (1886, № 1, стр. 87—143). Но Михневич не ставил своей задачей публикацию самих содержащихся в нем документов, а использовал их в отрывках в качестве иллю-

Осип Абрамович Ганнибал, третий по старшинству сын А. П. Ганнибала, родившийся в 1742 г., был типическим представителем тогдашнего поколения дворян, предпочитавших веселую жизнь занятию серьезными делами.

Служба в морской артиллерии, куда он был зачислен, повидимому не отнимала у него много времени, и основным его времяпрепровождением были кутежи и мотовство, вовлекавшие его в крупные долги. На этой почве между ним и отцом, поселившимся у себя в имении Суйды близ Петербурга и усердно копившим деньги, происходили постоянные ссоры и столкновения. Рассерженный на него отец не только лишил его содержания, но и запретил ему являться на его глаза. Это, повидимому, уронило его в глазах кредиторов, и оказавшемуся в трудном положении Осипу Абрамовичу не оставалось иного пути, как искать поправления дел своих путем женитьбы. Повидимому, такова и была основная цель его женитьбы на Марии Пушкиной, дочери тамбовского воеводы Алексея Федоровича Пушкина, занимавшего видное положение в провинции и владевшего несколькими поместьями. Это видно из того, что немедленно же после женитьбы он продал доставшееся жене, Марии Алексеевне, имение, состоявшее из расположенной в Ярославской губ. деревни с 37 душами; сама Мария Алексеевна в своем прошении на имя Екатерины II указывает, что она «издержала для уплаты долгов мужа моего все мое движимое и недвижимое имение».

Да и со стороны Марии Алексеевны, очевидно, не имелось особой склонности к жениху: она сама нигде не упоминает о бывшей любви к нему и в своем прошении указывает, что она «была выдана в замужество за Ганнибала от родителей моих», т. е. вышла за него, исполняя их волю. Брак состоялся в 1772 г. в доме отца невесты, после чего Осип Абрамович вышел в отставку и поселился на некоторое время с женою в Муроме. Израсходовав женино имение на уплату долгов и очутившись вновь без средств, Ганнибал стал подумывать о примирении с отцом. Версия примирения с отцом и возвращения к нему на жительство в Суйду обоими супругами излагается по-разному, но большего доверия заслуживает указание Марии Алексеевны на то, что она,

«поехав в Санкт-Петербург, испросила у отца мужа моего ему прощение и позволение ему приехать».

Обстановка жизни в родительском доме с нелюбимой женой, повидимому, тяготила Осипа Абрамовича. Близость Суйды от Петербурга позволяла ему часто уезжать в Петербург и предаваться там прежней веселой жизни. Между отцом и сыном снова начались нелады, закончившиеся тайным уходом его от семьи. Как указывает Мария Алексеевна, «муж мой, возвратясь в дом к отцу своему, недолгое время жил в порядке, но, следуя дурным своим склонностям, часто заслуживал гнев родительской, и чтобы одного избавиться, бежал из дому, оставя к отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся». Но, повидимому, не только ссоры с отцом, но и нелюбовь и ревность к жене послужили причиной бегства из дому; иначе, уходя из дома «навек», Осип Абрамович оставил бы письмо не только отцу, но и жене, чего он однако не сделал. Сам Ганнибал в своих позднейших объяснениях неоднократно менял мотивы и обстоятельства своего разъезда с женой. То он ссылался на «несносные для него» поступки жены и «крайние оскорбления», то придумывал версию о том, что сама Мария Алексеевна бросила его, уехав «неизвестно куда», то ссылался на ее распутное поведение. Едва ли можно придать веру всем этим позднейшим объяснениям. Во время жизни Марии Алексеевны в Суйде у нее родилась дочь — Надежда Осиповна, которой в момент расхождения супругов едва лишь исполнился один год.

Вскоре после этого Мария Алексеевна приехала в Петербург, как она утверждает, на розыски мужа, оставив свою дочь в доме родителей мужа. Здесь она оставалась около трех месяцев. Розыски, очевидно, оказались не слишком трудными: Осип Ганнибал поселился близ Красного Села, недалеко от Петербурга, в имении, где управляющим был майор А. О. Маз, женатый на его сестре, с которым он был в приятельских отношениях. Мария Алексеевна написала мужу письмо с просьбой вернуться и возобновить брак, но встретила с его стороны решительный отказ. Тем временем Осип Абрамович, воспользовавшись отсутствием жены,

страции «траги-комедии конца прошлого столетия», как гласит подзаголовок его статьи. На основании их он попытался реконструировать историю взаимоотношений О. А. Ганнибала с Марией Алексеевной Пушкиной — задача психологически интересная, но с исторической точки зрения не лишняя опасностей субъективизма и односторонности. Кроме того при написании этой статьи Михневичу оставались неизвестными некоторые дополнительные материалы, связанные с этим делом и опубликованные позднее Н. А. Белозерской в ее статье «Один из предков Пушкина» («Историч. Вестник», 1899, кн. 5, стр. 457—463) и А. Ганнибал («Ганнибалы. Новые данные для их биографии». Отд. отт. из сборн. «Пушкин и его современники», в. XIX—XX, 1915), проливающие несколько иной свет на эти взаимоотношения.

забрал свою малолетнюю дочь в Красносельское имение, где он находился. Тогда, посоветовавшись со своим братом, подполковником Михаилом Пушкиным, и с свойственником мужа, генерал-майором Нееловым, М. А. Ганнибал написала мужу официальное письмо, засвидетельствованное ее братом, в котором, указывая на его нелюбовь к ней и желание освободиться от сожития с нею, заявляла о своей готовности «расстаться навек» и освободить его от «претензий» под условием возвращения ей дочери. От требования содержания для себя и для дочери она отказывалась, ибо, в самом деле, что можно было искать с человека, имевшего за душою только долги; сама же она могла рассчитывать на содержание от отца, к которому намеревалась вернуться вместе с дочерью. Письмо к Ганнибалу было отправлено ею 18 мая 1776 г., менее чем через четыре года после заключения их брака. О. А. Ганнибал не замедлил ответом на это письмо. В своем ответном письме, датированном 29 мая, он, подчеркивая содержащиеся в ее письме заявления о предоставлении ему свободы и об отказе от получения с него какого-либо содержания, старается взвалить на нее вину за происшедший разрыв, ссылаясь на испытанные им от нее оскорбления и ее «несносные поступки», и соглашается как на возвращение ей дочери, так и на прекращение супружеских отношений: «я во всем по предписанному вашему требованию со стороны моей согласуюсь, и в ваше удовольствие, как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня свободу навеки». В заключение, желая ей «пользоваться златою вольностью», он подписывается: «а я в последняя называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».¹

Расставшись с мужем и оформив, по принятому в тогдашнем высшем кругу обычаю, свой разрыв взаимной посылкой приведенных разлучных писем, Мария Алексеевна уехала со своею дочерью в деревню к отцу, у которого собиралась поселиться. Но последовавшая вскоре (в 1777 г.) смерть ее отца (который, — как она сообщает в своем прошении, — увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался) заставила ее вернуться в Петербург к родным. Судя по ее словам, живя отдельно от мужа и не получая от него «никаких доходов», она испытывала большую нужду, «будучи лишена не токмо, чтоб дать

дочери моей приличное благородной особе воспитание, но и необходимого к своему содержанию».

Осип же Ганнибал, получив свободу и не имея в дальнейшем оснований скрываться от своей жены, направился в Псков, где находилось отцовское имение — село Михайловское с прилегающими деревнями, решив здесь заняться службой по дворянским выборам. В Псковском наместничестве вводились тогда новые губернские учреждения,² и для дворян открывалась широкая перспектива занятия в них различных должностей. Действительно, приехавший из столицы Ганнибал вскоре был избран первым заседателем Совестного суда от дворян. Он пользовался, повидимому, расположением «псковского благородного общества», т. е. местного дворянства, и заслужил себе хорошую репутацию у наместника, Я. Е. Сиверса.

Здесь он познакомился с одной из местных помещиц, вдовой капитана Устиной Ермолаевной Толстой (или, как она именуется в актах консистории, — Толстых), урожденной Шишкиной, сыгравшей главную роль во всей последующей его тяжбе с женою. Псковской барыньке, вдовевшей уже семь лет, удалось увлечь Ганнибала, и она решила добиться брака с ним. В декабре 1778 г. Ганнибал поехал в Петербург к находившемуся тогда там (вероятно по делам синода, членом которого он был) псковскому архиепископу Иннокентию с тем, чтобы просить его о формальном утверждении своего развода с первой женой, Пушкиной. По словам Ганнибала, получив от арх. Иннокентия принципиальное согласие на расторжение брака и предложение изложить его просьбу в письменном виде, он, в виду наступающих рождественских праздников, решил не сразу вернуться в Псков, а заехать в Красное Село к своему зятю А. О. Мазу и пробыть у него некоторое время. По дороге туда он получил от неизвестного ему солдата через почту письмо, якобы написанное Михаилом Пушкиным, в котором тот извещал его о смерти его первой жены, М. А. Пушкиной, последовавшей в Москве 3 ноября 1778 г. Обстоятельства получения этого письма подробно изложены Ганнибалом как в его показаниях в Псковской консистории, так и позднее в прошениях, принесенных на имя императрицы. Решив, по получении этого письма, что со смертью первой жены для него отпадает

¹ Оба эти письма приводятся в следственном доношении Псковской консистории (см. Приложение).

² Новые губернские учреждения, созданные по Учреждению о губерниях от 7 ноября 1775 г., были открыты в Псковской губернии 22 февраля 1778 г. (П. С. З. № 14. 708), причем наместником Псковской губернии был назначен один из просвещенных людей Екатерининской эпохи — Я. Е. Сиверс.

надобность в исклопотании развода, он затем возвращается в Псков¹ и здесь через несколько дней, 9 января 1779 г., венчается с Устиньей Толстой. Брачный обряд производится в доме У. Толстой ночью приглашенным туда местным священником с причетниками, при участии двух местных помещиков в качестве венчальных отцов. Обстановка этого брака подробно описана в следственном донесении Псковской консистории, и на изложении ее здесь нет необходимости подробнее останавливаться. Все свидетельствовало о том, что стороны желали сохранить этот брак в тайне.

Однако сохранение тайны в условиях провинциальной жизни — дело трудное, и слухи о вторичном браке Ганнибала не только распространились в Пскове, но и дошли до Петербурга. Михаил Пушкин приехал для проверки их в Псков и лично сообщил о том псковскому арх. Иннокентию. Последний предложил через него, чтобы его сестра, Мария Алексеевна, подала о том письменное заявление в местную консисторию. Такое прошение вскоре (2 августа) и было подано ею, и на основании его было начато консисторией следствие; еще до того, по резолюции арх. Иннокентия от 9 мая 1779 г. (т. е. состоявшейся менее чем через четыре месяца после заключения второго брака Ганнибалом), Ганнибалу было запрещено продолжать сожитие с его второю женою. Разлучение это имело, конечно, формальный характер.

Следствие по делу о вступлении Ганнибала во второй брак велось около полутора лет. Согласно правилам тогдашнего церковного процесса дела о прелюбодеянии и двоебрачии (последнее рассматривалось как квалифицированный случай прелюбодеяния) были подсудны дикастериям или, как они стали официально называться с 1744 г., духовным консисториям, причем производство дела распадалось на три ступени: собрание доказательств, которое производилось одним из чиновников консистории (лишь свидетельские показания отбирались в присутствии членов консистории); далее на основании собранных доказательств дело поступало на рассмотрение присутствия консистории, знакомившегося с доказательствами по имеющимся протоколам и составлявшего свое мотивированное мнение с ссылкой на соответственные церковные правила и законы и с указанием на имеющиеся

в деле доказательства и их законную силу; наконец, мнение консистории вносилось на окончательное решение епархиального архиерея, который либо соглашался с ним, либо постановлял новое. Власть окончательного решения дела, таким образом, принадлежала архиерею.

Все требования церковного процесса были строго выполнены при расследовании и рассмотрении дела Осипа Ганнибала в Псковской консистории. «Доношение», подписанное тремя «духовными особами», — архимандритом Псковско-печерского монастыря, ректором Святогорской семинарии и троицким протопопом — составлено по всем правилам тогдашнего церковного права: приведены все «приличествующие к делу» церковные и гражданские узаконения, детально разобраны улики, сделаны из них определенные заключения, указаны виновные. Усердные судьи не только доказали заведомое вступление во второй брак Ганнибала, отвергнув все представленные им оправдывающие его доказательства, но усмотрели и разные вины других лиц: священника Василия Михайлова и пономаря Ивана Евстратова, производивших венчание; первой жены Ганнибала, Марии Пушкиной, написавшей ему разводное письмо вместо обращения за разводом в установленную духовную инстанцию; Михаила Пушкина, свидетельствовавшего это незаконное письмо. В стороне осталась только Устинья Толстая, не подвергавшаяся допросу и к следствию вообще не привлекавшаяся.²

Доношение консистории от 18 декабря 1780 г. поступило на рассмотрение арх. Иннокентия, который через месяц, 19 января 1781 г., постановил по этому делу свою резолюцию, не во всем, однако, согласную с мнением консистории. В ней ни слова не говорится о вине сестры и брата Пушкиных и о разводных письмах Ганнибала и его жены; на священника Михайлова наложено сравнительно легкое церковное взыскание, а вся тяжесть вины была возложена на О. Ганнибала, который приговаривался к семилетней строгой эпитимии с годичным содержанием в монастыре и который должен был, если первая жена не пожелает сожитие иметь с ним, оставаться «по смерть свою или жены ево безбрачну». Его второй брак с Устиньей Толстой не только расторгался как беззаконный, но он и Устинья Толстая должны были дать подписку в том, что

¹ Эта версия Ганнибала о поездке его в Петербург и получении им письма о смерти жены составляет центральный спорный момент в последующем деле. По следствию, проведенному в Псковской консистории, и по утверждению Михаила Пушкина вся эта версия является «умышленной» (т. е. вымышленной), а полученное им письмо — документом подложным.

² Самого содержания доказательств, собранных консисторией, мы не излагаем, отсылая читателя к следственному делу, напечатанному в приложении; о значении этих доказательств мы скажем в дальнейшем.

не будут продолжать незаконное сожитие и именовать друг друга мужем и женою.

Резолюция арх. Иннокентия, обильно уснащенная цитатами из правил отцов церкви и светских (петровских) законов, в основном базировалась на 77-м правиле Василия великого, предписывавшего семилетнюю эпитимию мужу, виновному во вступлении во второй брак без развода с прежней женою. Но она резко расходилась с существовавшей до того церковной практикой. Мужья-двоеженцы подвергались до того сравнительно легким церковным взысканиям; налагаемые на них эпитимии носили почти всегда (особенно когда речь шла о лицах знатных) чисто формальный характер: в данном же случае Иннокентием была проявлена особая строгость: он, очевидно, учел не только основную вину Ганнибала — вступление во второй брак, но и те неблагоприятные способы оправдания, которые были применены им при следствии по его делу. В самом деле, Ганнибал начал свою защиту с того, что обвинил свою первую жену в измене ему с первых же месяцев их супружества с поручиком «лютерского закона» Карлом Транзе, с которым он якобы неоднократно заставлял ее в самом непристойном виде; что не он скрылся из родительского дома, после поселения у отца, а ей было отказано от дома в виду беспутного ее поведения и что, уехав оттуда в Петербург, она продолжала там свою непристойную жизнь; что «сумнительное письмо» о смерти ее было действительно написано Михаилом Пушкиным, который хотел, очевидно, уловить его, Ганнибала; что после получения этого письма он добросовестно считал себя вдовцом и потому имел право, не преступая закона, вступить во второй брак. Правильность всего этого он изъявлял готовность подтвердить присягою. Выставленные же против него его женою обвинения в нарушении супружеской верности он опровергал как ложные и требовал очной ставки с нею. Консисторские члены отказались от рассмотрения вопроса о взаимных обвинениях в супружеских изменах, признав выдвинутые в подкрепление их доказательства голословными и не отвечающими тем требованиям, которые придавали бы им формальную силу, а с другой стороны, не имеющими значения для дела в виду того, что после этого супруги продолжали между собою сожитие.¹ С большой

обстоятельностью консисторские суды раскрыли неправдоподобность объяснения Ганнибала относительно письма о смерти жены, якобы полученного им от М. Пушкина. Под сомнение они взяли и расписку, данную им священнику при венчании относительно его вдовства. Таким образом Ганнибал уличался не только во вступлении во второй брак при живой жене, но и в ложном показании против последней, в подлоге письма и в готовности совершить «душевредство» принятием заведомо ложной присяги.

В дальнейшем события разворачивались, насколько о том можно судить по документам дела, следующим образом. Ганнибал и Устинья Толстая дали требуемую от них подписку о прекращении супружеского сожития и о именовании друг друга мужем и женою. Чтобы оттянуть исполнение назначенной ему эпитимии, Ганнибал сказался больным, а Устинья поехала в Петербург, чтобы свидеться там с старшим братом О. Ганнибала, Иваном Абрамовичем, пользовавшимся в силу своих боевых заслуг при Чесме и Наварине большим влиянием в высших кругах. По ходатайству Ганнибала, Я. Е. Сиверс послал 29 января 1781 г. (т. е. через десять дней после вынесения архиепископской резолюции) письмо арх. Иннокентию с просьбой о смягчении назначенного ему наказания. В этом письме Сиверс, между прочим, писал:

«Без всякого прекословия приемлет он (т. е. О. Ганнибал) долю, ему решением пагубного его дела назначенную, но, признавая оное справедливым, зрит единую надежду в том, что вашему преосвященству сведом не был ни честнейший характер его, ни отменные достоинства его души, доказательные более всего тем, что он, единогласно почти будучи признан обществом достойнее всех прочих, выбран по большинству голосов в первые заседатели совестного суда. Он возьмет смелость прибегнуть к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою об облегчении несчастного его жребия, коль скоро консисторией объявлено ему будет назначенное ему поступление,² и смеет уповать, что сострадательный к несчастным дух вашего преосвященства не отругет его моление. Вы уважите, конечно, милостивый государь, и сравните аттестат целого неземного общества с проступком, имеющим г ричиной несчастье, нанесенное ему первому и нежную

¹ Церковные узаконения того времени (сохранявшие свою силу и позднее) не считали прелюбодеяние поводом к разводу в том случае, если супруги после совершения кем-либо из них прелюбодеяния затем примирились и возобновили сожитие, если со времени прелюбодеяния протекла пятилетняя давность и, наконец, если оба супруга оказывались виновными в прелюбодеянии (см. С. Григоровский. О разводе. Причины и последствия развода. Историко-юридич. очерки. 1911, стр. 23—25).

² Очевидно, письмо это писалось, когда резолюция арх. Иннокентия официально еще не была переслана О. Ганнибалу.

любовь ко второй его жене, сопровождаемый ложным письмом, к несчастью его, о смерти первой его жены дошедшим. К сему еще прибавить я могу, по личному сведению, что он, по бытности его близь полтретья года в наместничестве, всеместно заслуживал самое то-ж одобрение».¹

Хлопоты Устиньи Толстой в Петербурге, повидимому, также сулили облегчение строгого решения по делу. Брат писал О. Ганнибалу 25 марта 1781 г.:

«Братец Иосиф Аврамовичь,

Несчастное приключение твое мне довольно известно. Не входя далее в обстоятельства причин, остающа мне только о том сожалеть и старатца сколко возможно облегчить твою судьбу, в чем, сколко сил моих есть, старатца буду; дело твое по Консistorии взято к государыне; я ожидаю решительное намерение первой жене твоей, на котором и надлежит и прозбу мою основать; с Наместником (т. е. Сиверсом) я виделся, он участвовал весьма во всем, касающемся до сего дела, за что его благодарил персонально. Имей терпение и не отчаивайся; о намерении моем скажет тебе участница судьбы твоей.

Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет.² Все наши домашние там находятся; когда болезнь твоя тебе допустит, то приезжай; во ожидание пребуду твой доброжелательный брат, И. Ганнибал».³

Письмо это имеет большое значение. Оно показывает, что родные О. Ганнибала не отшатнулись от него, а прилагали серьезные старания к облегчению его участи. Тогда же у И. А. Ганнибала созрел план выработать определенное соглашение, которое удовлетворило бы М. А. Пушкину и тем самым помогло бы его брату исклопотать смягчение его участи перед государыней. С планом этим мы можем ознакомиться из письма Ивана Аврамовича к П. И. Турчанинову, состоявшему при дворе Екатерины «бригадиром у принятия прошений по военным делам» и приходившемуся свойственником М. А. Пушкиной:

«Милостивый государь мой Петр Иванович! — писал он Турчанинову в ответ на его письмо. — Нерешимость моя еще в домашних обстоятель-

ствах служит причиною моего молчания на полученное от вас письмо, а ныне, как я намерение принял вступить в раздел с братьями, то за должность почел вас о сем известить. Уведомляю при том вас, что соединение невестки моей с братом, сколько моего старания ни было, оказывается быть делом невозможным, и принуждение сие, кажется, с обеих сторон будет бесполезно; но я, не опровергая ничем справедливое ее требование в рассуждении дочери брата моего, которая, конечно, по непримиримому несогласию родителей своих безвинно пострадать может, вхожу в такое жалостное состояние и даю мой совет: первое, просить правление доставшееся на часть брата моего после отца недвижимое имение запретить ему продавать и закладывать; потом, так как ему достаются деревни и усадьбы в двух местах, то, чтобы одно было отдано ему, а другое — невестке с дочерью на содержание, как единственной наследнице и всего имения. Из сего видите беспристрастие, с которым я о сем деле сужу, не входя в подробность причины их ссоры, которая мне истинно неизвестна, а желая единственно, чтобы сим спокойствие обеих сторон, сколько в таковых худых обстоятельствах возможно, доставлено было».⁴

Письмо это датировано 19 февраля 1782 г., а незадолго до того, в сентябре 1781 г., О. А. Ганнибал подал прошение на имя Екатерины, в котором ходатайствовал о снятии с него наложенной Иннокентием эпитимии. Повидимому, Турчанинов, перед докладом этого дела Екатерине, выяснял вопрос об обеспечении при этом интересов М. А. Пушкиной и ее дочери, и в связи с этим писал И. А. Ганнибалу. Предложение Ивана Аврамовича, старшего из оставшихся сыновей, действительно, давало справедливую почву для решения спора, сводившегося, в конце концов, к чисто имущественным взаимоотношениям, так как второй брак Ганнибала был безразличен для Марии Алексеевны, не собиравшейся возобновлять с ним сожителство. Однако О. А. Ганнибал колебался. В 1782 г. он поехал в Петербург, скрываясь от исполнения консисторского постановления о наложении на него эпитимии, и здесь, очевидно по настоянию брата, подал второе прошение государыне (в июне 1782 г.), в котором уже заявлял о своей готовности выделить четвертую часть доставшегося ему от отца

¹ Письмо Сиверса имеется в деле о Ганнибале. Оно полностью напечатано и у Михневича, стр. 131—132.

² Отец Ганнибала умер вскоре после того — в мае 1781 г.

³ Письмо это в копии хранилось в московском отделении Архива мин. имп. двора и воспроизведено в материалах, собранных А. Ганнибал (сборн. «Пушкин и его современники», в. XIX—XX, стр. 20 отд. отт.).

⁴ Письмо И. Ганнибала приложено к делу о разводе его с М. А. Пушкиной и впервые было напечатано В. Михневичем в его статье, стр. 135.

имущества на содержание первой жены с дочерью.¹

Еще в первом своем прошении, как было уже сказано, Осип Абрамович просил о снятии с него эпитими и восстановлении его второго брака. На это прошение ему от имени императрицы было объявлено, «что если он псковского архиепископа и консистории решением недоволен, то-б на основании 762 года указа просил в святейшем синоде».²

Ганнибал последовал этому указанию и тогда же (6 января 1782 г.) подал в синод пространное прошение, где в десяти пунктах обосновывал свое недовольство решением псковского архиерея.³ Синод посвятил два заседания обсуждению его дела и 15 марта того же года вынес подробно мотивированное определение об отказе во взятии его дела на апелляционный пересмотр.⁴ Основным мотивом такого отказа было выставлено то обстоятельство, что срок для «изъявления недовольствия» на решение консистории был пропущен и, кроме того, сам Ганнибал своими действиями (дачей подписки) свидетельствовал о том, что он это решение признает правильным.⁵ Но вместе с тем синод вошел и в рассмотрение оснований к пересмотру и признал, что при доказанности вступле-

ния Ганнибала во второй брак при живой жене иного решения по его делу и быть не могло. Тем самым синод солидаризировался с решением своего сочлена, Иннокентия, и лишил Ганнибала возможности добиться удовлетворения его желания обычным законным путем. На этот отказ синода и приносит Ганнибал жалобу Екатерине во втором своем прошении и, вместе с тем, чтобы устранить повод к отказу, заявляет о своей готовности выдела четвертой части имения в пользу первой жены и дочери, как то предлагал еще год тому назад Иван Абрамович. Уступка эта, таким образом, оказалась вынужденной. Очевидно к этому же времени относится и первое прошение Устиньи Толстой, в котором она слезно молит «вернуть ей» ее «законного мужа», «к коему я особливую имею привязанность».

О поступлении этих прошений стало известно Марии Алексеевне, которая и с своей стороны предприняла ряд шагов к ограждению своих интересов.

После того как синод вынес свое решение с отказом об апелляционном пересмотре дела об Осипе Ганнибале, Мария Алексеевна решила осуществить в судебном порядке свои претензии на

¹ Самый раздел отцовских имений произошел в 1782 г.

² Резолюция эта была вынесена по докладу его прошения 22 декабря 1781 г. (см. записку Терского по делу Ганнибала).

³ Простение это имеется в деле Осипа Ганнибала с его женою, но не приводится нами в приложении, в виду того что все основные его пункты воспроизведены в решении по его делу синода.

⁴ До учреждения синода и издания Духовного регламента в 1721 г. бракоразводные дела ведались епископами и предварительно рассматривались состоящими при них церковными приказами; с учреждением синода эти дела были переданы ему, но фактически перешли в руки местных епископов и состоящих при них консисторий, которые выносили по ним окончательные решения, не докладывая синоду (кроме некоторых категорий дел). Лишь в 1805 г. было постановлено передавать все бракоразводные дела на ревизию синода, в виду того что единоличному усмотрению местных архиереев было признано неудобным предоставлять столь широкий простор. Таким образом резолюция, вынесенная псковским архиепископом по делу о разводе Ганнибала, была окончательной и не подлежащей дальнейшему пересмотру. Однако, в виду недовольства Ганнибала ее строгостью, необычною в то время, Екатерина, по его прошению, указала на возможность применения в данном случае изданного ею указа 1762 г. Указ этот разрешал приносить апелляцию (т. е. жалобу с требованием нового рассмотрения всего дела) на несправедливые решения всех мест, кроме сената, подлежавшего надзору только со стороны самого государя через его генерал-прокурора. Указ этот имел значение лишь для гражданских судебных мест, и применение его к практике церковных судов впервые имело место в данном случае. Синод отнесся к этому новшеству отрицательно, и этим объясняется то, что приведя ряд доводов, он в конце концов отказался «взять на апелляцию» дело Ганнибала, оставив в силе резолюцию Иннокентия, который сам состоял членом синода.

⁵ Синод имел основания утверждать, что Ганнибал в первые месяцы не протестовал против консисторского решения по его делу: достаточно прочесть начало письма Сиверса к Иннокентию, где указывается, что Ганнибал «без всякого прекословия приемлет долю, решением пагубного его дела назначенную, но, признавая оное справедливым, зрит...» и т. д. Хлопоты брата его, Ивана Абрамовича, также сводились лишь к смягчению его участи, а не к отмене состоявшегося решения о расторжении второго брака. Иной позиции придерживалась, повидимому, Устинья Толстая, как это видно из обеих ее прошений.

законную часть имущества своего мужа, им только что унаследованную. Однако по существующему закону она могла бы получить эту долю только в случае смерти своего супруга или признания его расточителем или душевно-больным с назначением над его имуществом опеки. Назначение же последней зависело от постановления дворянской опеки, установленной по Учреждению о губерниях «для дворянских вдов и малолетних». Дело о назначении опеки над недвижимым имуществом Осипа Ганнибала было подведомственно по месту нахождения его имений — псковской дворянской опеке. Между тем сама эта опека, по правилам Учреждения (ст. 209), состояла при Верхнем земском суде, одним из заседателей которого был избран тогда ее муж, Осип Ганнибал. Поэтому обращение с такою просьбою в Псковскую дворянскую опеку было делом явно безнадежным. Избегая обращения туда, Мария Алексеевна обратилась с соответственной челобитной в Петербургское губернское правление, рассчитывая, очевидно, на связи, имевшиеся у нее в Петербурге. В принятии этой челобитной там ей было отказано, как это видно из имеющейся в деле справки:

«По указу ее императорского величества С-Петербургское губернское правление определило: сию челобитную артиллерии 2 ранга капитана Ганнибалова жены его, Марии Алексеевой, дочери урожденной Пушкиной, отдать обратно, для того, что она по существу своему рассмотрением до губернского правления не подлежит. Ежели она желает о чем иметь прозьбу, то бы оную произвела где и надлежит законным порядком.

Губернский Советник Алексей Сим...¹
Апреля 29 дня 1782 г.»

Отказ в приеме этой челобитной, полученный ею, очевидно, еще до написания приведенной справки, побудил ее обратиться к Екатерине II с прошением (оно было подано 18 апреля того же года), в котором она просила об издании высочайшего указа о принятии ее челобитья тем же Петербургским губернским правлением.² Прошение это, повидимому, осталось без движения, как явно нарушающее установленный Учреждением о губерниях порядок.

Прошло еще около года, в течение которого Мария Алексеевна искала необходимой протекции для рассмотрения ее просьбы. Протекция эта нашлась в лице бригадира П. И. Турчанинова и очередного фаворита Екатерины генерал-майора А. Д. Ланского. Последнему, повидимому, и было передано второе прошение, написанное М. А.

Ганнибал на высочайшее имя.³ Заступничество любимца императрицы возымело свое магическое действие. 14 февраля 1783 г. Ланской отправил на имя А. И. Терского, временно исправлявшего должность генерал-рекетмейстера, следующее письмо:

Милостивый государь мой,
Аркадий Иванович,

Я имел честь просить ея величество по делу морской артиллерии 2 ранга капитанши Ганнибаловой, на что получил всемилостивейшее соизволение, чтоб отнестись об оном к вам, в рассуждении чего и препровождаю при сем ее челобитную, по которой прошу доложить.

Пребывая с совершенным почтением, милостивый государь мой, покорным слугою Алекс. Ланской.

14 февраля 1783 г.

И на другой же день, по докладу Терского у Екатерины об этом деле, было дано распоряжение о собрании всех нужных материалов. Соответственная резолюция императрицы записана Терским в следующем виде:

«1783 г. февраля 15 дня ее имп. величеству правящим генерал-рекетмейстера должность статским советником Терским докладывано:

«По челобитной, присланной при письме господина генерал-майора, кавалера Александра Дмитриевича Ланского, морской артиллерии капитана 2 ранга Осипа Ганнибалова жены его Марии Алексеевны, дочери Пушкиной, которая приносит жалобу на показанного мужа ее в оставлении им ее с прижитою дочерью без пропитания и в женидьбе на другой жене, за что он решением консистории обвинен, просит о доставлении ей с дочерью из мужнего имения пропитания, — е. и. в. указать соизволила:

«Откуда следует, собрать все следующие по сему делу обстоятельства и потом доложить ее величеству.

«Правящий генерал-рекетмейстера должность, ст. сов. Аркадий Терской».

Терской, при содействии Турчанинова, с небывалой для того времени быстротой принялся за собиание всех необходимых материалов. Были собраны все прошения, ранее приносившиеся Осипом Ганнибалом и Устиньей Толстой,⁴ копии с решений псковской консистории и синода, письма, ранее приобщавшиеся к прошениям, а также справки из архивов об имениях и количестве душ, принадлежавших Абраму Петро-

¹ Конец фамилии неразборчив.

² Прошение это приводится ниже, стр. 206.

³ Текст второго прошения М. А. Ганнибал см. стр. 207.

⁴ См. содержание их в Приложении.

вичу Ганнибал и перешедших затем его сыновьям.¹

8 марта 1783 г., т. е. через три недели после состоявшейся резолюции, состоялся новый доклад по этому делу Екатерине, но и на этот раз дело не было решено окончательно, а вынесена была следующая резолюция:

«Как по той записке значится, что Ганнибал в поданном ее величеству прошении между прочим упоминал, что он отдает показанной жене его четвертую часть, принадлежащую ему, по наследству доставшеюся, и для того бригадиру Турчанинову отобрать сведения, в каких имянно деревнях та назначится от него Ганнибала жене часть состоять должна.

«По чему ее приказание тогда же ему, Турчанинову, и объявлено, а сверх того и от ее императорского величества подтверждено.

А. Терской».

Выполняя данное ему поручение, Турчанинов вступил в переписку со старшим братом Ганнибалов, Иваном Абрамовичем, который должен был производить раздел отцовского имения между братьями и еще ранее поставил в известность Турчанинова о своем плане выдела части имущества жене Осипа Абрамовича. В ноябре 1783 г. он прислал свой «отзыв» по этому вопросу Турчанинову, который тогда же доложил его императрице и получил от нее предписание представить ей подробную записку по всему делу о разводе О. Ганнибала с женой.²

«М. г. — писал И. А. Ганнибал в своем письме. — Согласен будучи с предложением вашим, касающимся до дел брата моего с бывшей его женою, старался я, сколько возможности моей было, преклонить его к решительному с ней положению, но с огорчением моим должен теперь вам сознаться, что тщетны были на сей случай все мои дружеские советы и что не мог его никак привести на мысль означавшего человека здравого и безпристрастного разсудка. Потеряв тогда всю надежду преуспеть в моем желании к прекращению всего и недопущению фамильных наших дел к обремененному важнейшими делами престолу ее величества, нахожу еще единственно сие средство — полагая из доставшегося мне одному после отца нашего капитала выдать на содержание ее (т. е. невестки) и воспитание малолетней дочери брата моего десять тысяч рублей. Уповаю, милостивый государь мой, Петр Иванович, что решение мое по справедливости должно

бы почитаться безобидным для обеих сторон. Что ж касается до недвижимого имения брата моего, которое, по нынешнему его ослеплению и пущему его раззорению, может быть им расточено, то я уверен что в святейших законах премудрой нашей монархии найдется средство отвратить и не допустить его до неминуемого сего несчастья. Я, прося покорнейше вашего в том посредства, с истинным моим почтением имею честь быть...

Иван Ганнибал».

8 ноября 1783 г.

Подробная записка по всему делу была изготовлена Терским к концу 1783 г., и 10 января 1784 г. она была доложена Екатерине, которая на этот раз вынесла свое окончательное решение. В записи его мы читаем:

«1784-го года генваря 10-го дня ея императорскому величеству правящим генерал-рекетмейстера должность статским советником и кавалером Терским докладывано:

«По записке, учиненной у генерал-рекетмейстерских дел из проводившегося и решенного сперва во псковской консистории, а потом в синоде дела морского флота 2-го ранга капитана Осипа Ганнибала о разводе его с первой женою Марией Алексеевной, дочерью по отце Пушкиной, и о расторжении брака со второю его Ганнибала женою Устиньею Толстою, и против прошений, поданных ея величеству от Осипа Ганнибаловой жены его Марии и бывшей второй — Устиньи Толстой и по письму, присланному от генерал-порутчика Абрама Ганнибала к бригадиру Турчанинову, ея императорское величество высочайше указать соизволили:

«1-е. Марию Пушкину Осипу Ганнибалу почитать законною женою. 2-е. Учиненной Осипом Ганнибалом второй брак с Устиньею Толстою (признать) уничтоженным и ее за законную ему жену не признавать. 3-е. За учиненное Осипом Ганнибалом преступление вступлением во второй брак при живой жене его, вместо наложенной на него церковной эпитимии, послать его на кораблях в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим соделанное им преступление заслужить мог. 4-е. Что принадлежит по прошению Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной в оставлении ей на прожиток из мужнего имения, то как она в письме своем к мужу ея Осипу Ганнибалу от 18-го мая 1775 г. за свиде-

¹ Справки об имении А. П. Ганнибала и частях, доставшихся отдельным его сыновьям, а также жалованная грамота Елизаветы Петровны 1742 г. на пригород Воронич с деревнями приводится в Приложении.

² Письмо И. А. Ганнибала от 8 ноября к Турчанинову напечатано в статье В. Михневича (стр. 136—137), но воспроизводится здесь в виду его значения для понимания дальнейшего хода дела. Оно приложено в подлиннике к делу о споре О. Ганнибала с женой.

тельством брата ее статского советника Михайлы Пушкина написала, что она от него и от наследников его на содержание свое ничего требовать не будет, то за тем ныне ей при живом ее муже, как на то и закону нет, из имения его ничего определять не следует. 5-е. Назначенную самим Ганнибалом в поданном к ея величеству прошении из доставшегося ему на наследству после отца четвертую часть недвижимого имения, состоящего близ Санкт-Петербурга из деревни Кобриной с принадлежащими ко оной части угодьями, отдать в ведомство дворянской опеке, дабы оное употреблено было в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери, прижитой с женою его Мариєю по отце Пушкиною, как о том в Учреждении, изданном для управления губерниями XVI главы 215 статьи предписано, и на таком основании заготовя указ, поднести ея величеству к подписанию, которой 17 генваря и поднесен.

На подлинной подписано тако: Аркадий Терской». ¹

В данном случае Екатерина приняла на себя роль судьи. ² Правда, решение ее было вынесено с заслушанием прошений всех трех заинтересованных в деле лиц: Осипа Ганнибала, его первой жены — М. А. Пушкинсы и второй — Устиньи Толстой; учтена была и точка зрения старшего брата И. А. Ганнибала, выраженная им в письме от 8 ноября 1783 г., однако эти прошения их были присланы в разное время и по разным поводам. Решение Екатерины основывается не на словах закона, а на справедливости, как она ею понималась. Создав по Учреждению совестные суды,

Екатерина впредь до создания проектируемого ею Вышнего совестного суда (ст. 402 Учр.) считала допустимым внесение отдельных дел на ее разрешение. ³

Она прежде всего сняла наложенную на Ганнибала консисторией эпитимию, послав его в плавание на кораблях в Северное море. В силу указа Петра III 1762 г. дворяне были тогда уже свободны от обязательной службы, а Ганнибал находился в отставке, и потому принудительное возвращение к военной службе могло рассматриваться как некоторое наказание. Но, очевидно, не столько карательная цель, сколько стремление удалить его от расточительной жизни и разлучить со второй женою было главным мотивом принятия этой меры. Основная просьба первой жены Ганнибала, Марии Алексеевны, была удовлетворена, и ее дочери была выделена четвертая часть из имения отца с назначением над нею опеки. Это было некоторым отступлением от прямого указания закона (ст. 215 Учр.), предусматривавшего назначение опеки лишь над имуществом сирот.

Основанием к выделу четвертой части служило заявление, сделанное Ганнибалом в его прошении от 1782 г. Сохраняя первый брак Ганнибала с его женой Пушкиной в силе (вопреки решению консистории) и отказывая ей в выделении какой-либо доли для нее лично, Екатерина, повидимому, надеялась склонить ее этим путем к возобновлению сожителства с прежним мужем после возвращения его из плавания; что же касается ее материального положения, то часть, выделенная ее малолетней дочери,

¹ Резолюция Екатерины по этому делу была затем переслана в Сенат для опубликования. Позднее она была включена в Полное собрание законов (№ 15946), где она напечатана в несколько видоизмененном виде под следующим заглавием: «1784 г., марта 2. Именной, данный Сенату — Об отправлении капитана Ганнибала на целую кампанию в Северное море в плаванье за женидбу его при жизни первой жены на другой». В тексте напечатанного указа имеется, прежде всего, вводная часть: «Рассмотрев поданные нам прошения морской артиллерии капитана Осипа Ганнибала и жены его Марии Алексеевой дочери по отце Пушкиной да капитановой жены, вдовы Устиньи Толстой и учиненные определения Псковской духовной консистории, Иннокентия, архиепископа Псковского, а наконец и нашего Синода касательно до развода Ганнибала с вдовою Устиньей Толстой, находим». Далее следует самый текст резолюции из 5 пунктов. П. 1 изложен так: «Брак означенного Ганнибала с Марией Пушкиной законным и уничтожению не подлежащим»; в п. 3 вместо имевшихся в резолюции слов «послать его на кораблях в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим соделанное им преступление заслужить мог», указано: «отправить на кораблях или фрегатах наших на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог». Изменение Средиземного моря на Северное могло быть вызвано ознакомлением с намечавшимися адмиралтейством планами морских кампаний на 1784 г.

² Хотя по указу Петра, изданному вскоре после учреждения синода (25 января 1721 г.), дела бракоразводные были переданы в ведомство последнего (см. выше извлечения из указа от 11 мая 1722 г.), однако русские монархи сохранили за собою право обходить это правило в тех случаях, когда дело касалось лиц приближенной им знати, и в виде исключения принимали решение таких дел в свои руки.

³ См. „История правительствующего сената за 200 лет“, 1911, т. II, стр. 671; см. там же т. II; стр. 601, указания Н. Д. Чечулина по этому вопросу.

находившейся при ней, должна была, очевидно, хватить и на ее личное содержание.¹ Суровее всего Екатерина отнеслась к Устинье Толстой, о поведении и характере которой она могла узнать от Турчанинова.

Решение Екатерины не положило, однако, конца тяжбе, возникшей между Осипом Ганнибалом и его первой женой. Хотя «высочайшая воля» и была исполнена отобранием у него через верхний земский суд деревни Кобриной с находившимися при ней угодьями, с назначением опекунами над малолетней дочерью Надеждой двух ее дядей, с отцовской и с материнской стороны — П. А. Ганнибала и М. А. Пушкина, однако Осип Ганнибал обжаловал решение это в Палату гражданского суда, а затем обратился к Екатерине с новым прошением, где ходатайствовал об отмене распоряжения Сената, взявшего это дело на свое рассмотрение.²

К тяжбе о выделе части имения вскоре затем присоединяется новая тяжба между братьями Ганнибалами, Осипом и Иваном Абрамовичами. Раздел имений между братьями Иван Абрамович произвел согласно прямому указанию отца. Но, кроме недвижимого имения, после смерти А. П.

Ганнибала осталась в ломбарде (куда в то время вносили деньги на проценты) сумма в 60 000 руб., распоряжение которою Абрам Петрович всецело предоставил старшему сыну. В июне 1784 г. Иван Абрамович выделил из этой суммы двум братьям — Петру и Исааку — по 10 000 руб., сестрам — Софии — 8000 руб., Анне — 3000 руб. и Елизавете — 2000. Что касается доли Осипа Абрамовича, исчисленной им также в 10 000 руб., то, в виду того что тот должен был отправиться в плавание в заглашение вины своей, Иван Абрамович удержал эту сумму у себя, намереваясь использовать ее в интересах дочери Осипа Абрамовича, сознавая, очевидно, что она быстро растает в руках последнего (см. выше его письмо от 8 ноября 1783 г.). Это послужило основанием для ссоры между братьями. Осип Абрамович написал младшему брату, Исааку Абрамовичу, письмо, где обвинял старшего брата в бессознательных поступках против него.³ Устинья Толстая дважды обращалась с прошениями к Екатерине с жалобой на неотдачу этих денег ее бывшему мужу, пока не получила за это должной отповеди от Екатерины за вмешательство не в свое дело.⁴ По возвращении из плавания Осип Абрамович

¹ Относительно выдела так наз. «указной части» (т. е. части имущества, причитающейся лицу после смерти супруга или родителя) законы того времени содержали категорическое предписание о недопустимости этого при жизни. Так в 1748 г. синод разослал указание о том, что по именному выс. указу, состоявшемуся 22 августа по делу Сабурова, постановлено «оштрафовать тех, кто делал сие в противность указов, и впредь такие противные указам дела, что при живой жене или при живом муже часть брать, запретить». Это запрещение выдела указной части супругу повторяется затем в указе Сенату от 26 июня 1774 г. (П. С. З. № 14166). В резолюции по делу Ганнибала прямо и указывается, «что ныне ей при живом муже, как на то и закона нет, из имения его определять ничего не следует». Впрочем, М. Щербатов (стр. 74) указывает, что графиня А. Б. Апраксина, вышедшая замуж при живом муже за другого, получила из имения первого указную часть. Однако он рассматривает это как резкое отступление от существующего порядка.

² В своих заявлениях, как это видно из его позднейших прошений на имя Екатерины II и из таких же прошений, принесенных в его отсутствие Устиньей Толстой в 1786 г., он ссылаясь на то, что в резолюции Екатерины говорилось только о «недвижимом имении», а не об инвентаре (т. е. движимом имуществе), относящемся к этому имению; что выделенная деревня, имеющая 110 душ крестьян, составляет более одной четвертой части, и потому часть «душ» должна быть возвращена ему обратно; что опека неправильно завладела примыкающей к деревне Кобриной мызой Руново (при которой, кстати сказать, по описи числилось всего «3 души крестьян»); пытался он толковать резолюцию так, что ею выделялась в пользу дочери четвертая часть не всего его имущества, а только одной деревни Кобриной. Палата гражданского суда лишь частично удовлетворила его претензии, возвратив ему мызу Руново и часть числившихся по деревне Кобриной крестьян. Подробнее см. статью Михневича (стр. 139—140). Однако позднее сенат отменил решение палаты и предписал вновь вернуть опеке всю деревню Кобрино с мызой. Об этом мы узнаем из прошения О. Ганнибала, поданного им Екатерине в 1792 г. (см. ниже).

³ Ответное письмо Исаака Абрамовича брату по этому вопросу напечатано: А. Ганнибал. Материалы, 1915, стр. 28—29.

⁴ См. изложение ее обоих прошений в докладе Терского в приложении. Там же приведена резолюция Екатерины II и справка с предупреждением об ответственности в случае нового обращения с просьбами по вопросам, до нее не касающимся. Характерно отметить, что второе прошение, поданное в августе 1786 г., было направлено уже после того, как состоялась резолюция Екатерины с отказом в удовлетворении ее просьбы. Так как во втором прошении она

возбудил в суде дело против старшего брата, начатое в 1788 г. и тянувшееся ряд лет, до самой смерти Ивана Абрамовича. С этим делом Осип Абрамович также неоднократно докучал Екатерине в своих прошениях, поданных им в 1790

и 1792 гг., обвиняя брата «в разорении его» и прося государыню «об избавлении меня, погибающего от руки сильной и несправедливой брата моего, откинувшего союз родства, и дикими народами почитаемого».¹ Обращался к Екатерине

притворялась, будто бы «оставалась неизвестна» относительно судьбы своего первого прошения и «глас ее моления не дошел до монаршего слуха», резолюция по ее второму прошению была объявлена ей лично петербургским губернатором Коновницким 21 сентября 1786 г. (см. Михневич, стр. 143).

¹ В изложении О. Ганнибала дело его с братом рисуется в следующем виде (см. прошение его на имя Екатерины, поданное в марте 1792 г. и напечатанное: А. Ганнибал. Материалы, стр. 30):

«В продолжении онаго (т. е. его дела о разводе с М. А. Пушкиной) брат мой, генерал-поручик и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, по востребованному от него отчету в построении города Херсона, ему препорученном, имел надобность в бывшем у принятии прошений по военным делам г-не бригадире, что ныне генерал-майор и кавалер, Петре Ивановиче Турчанинове, которому первая жена моя причитается в свойстве, принял сию под покров свой и за тем: Перьвое, 1783 г. ноября 8-го числа, чрез онаго господина Турчанинова не посовестился поднести вашему императорскому величеству собственноручное письмо, которым, прописывая, что яко бы я спешу к совершенному имения моего разорению, просит святейшими вашими законами предварить оное, — сим образом приуготовя твердый оплот будущим своим в рассуждении меня неправдам. Второе, не смотря на то, что при полюбовном нашем разделе уступили мы ему одному всю отцовскую библиотеку, целой ящик золотых медалей, все физические и механические инструменты, все мебели и прочее, что все по меньшей мере 20.000 руб. составляет, завладел он следующими мне в указную часть 15.000 руб. из числа положенных покойным отцем нашим и, после смерти сего, им по доверенности вынутых 60.000 руб., о чем и дело у меня с ним с 1788-го года в правительствующем сенате имеется, которому имянним высочайшим вашего императорского величества указом от 1791-го года, декабря 5-го дня, доведено „сие дело рассмотреть и решить по законам немедленно“, на что и ожидаю решения. — Третье, в означенном указе, в 5-м пункте написано: назначенную мною в поданном вашему императорскому величеству прошении из доставшегося мне по наследству после отца моего четвертую часть недвижимого имения, состоящую близъ Санкт-Петербурга из деревни Кобриной с принадлежащими ко оной угодьями, отдать в ведомство Дворянской опеки, дабы оное употреблено было в пользу и на содержание малолетной моей дочери Надежды, прижитой с перьвою моею женою. Мысль моя была: из доставшегося мне недвижимого наличного имения дать дочери указную четырнадцатую, часть, каковую четвертая часть из деревни Кобриной составляет, и для содержания ея, яко малолетной, по доброты своей и близости к городу довольно достаточна. Но Софийская Дворянская опека, определя к малолетной опекуном брата моего, генерал-майора Петра Абрамовича, руководствуемого всегда частью братом Иваном Абрамовичем, и показаннаго Михайлу Пушкина, обеими ими управляющего, спрашивала Санкт-петербургский верхний земский суд, из всего ли доставшегося мне после отца моего недвижимого имения, или из одной токмо деревни Кобриной выделить четвертую часть. На что оный суд, по несправедливому внушению тех опекунов, Дворянской опеке указом предписал: взять в ее ведение не точию все деревню Кобрино, которая из всех деревень моих лучшая, гораздо доходнее и содержит в себе мужеска пола 107 душ, каковых всех и состоит за мною по ревизии токмо 323 души, но и мызу Руново с тремя мужеска пола душами, к деревне Кобрино совсем не принадлежащую и от оной речкою отделенную, которая имеет свои особые дачи, особо в полюбовном разделе нашем показана и особо по 4-ой ревизии писана; и потому, в отсутствии моем в Северной морской кампании упомянутыми опекунами в сопровождении брата моего Ивана Абрамовича взята в их распоряжение не четвертая-надесятая и не четвертая, а нарочито более нежели третья часть всего моего недвижимого имения в противность того высочайшего вашего императорского величества указа. На каковое видимое притеснение приносил я жалобу Санкт-петербургской гражданской палате, которая верхнему земскому суду указала: выделить из всех моих деревень четвертую часть, 80-ть душ, и оную взять из деревни Кобриной, а излишния за тем в оной души и мызу Руново отдать мне обратно во владение. Каковое палаты решение, хотя и не со всем схожее с назначением, вашему императорскому величеству мною поднесенным, однако же утвердил я своим согласием, единственно в том уповании, что брат мой Иван Абрамович и шурин Михайло Пушкин тем довольно будут и прекратят свои в рассуждении меня несправедливые тонения. Но и сия надежда меня обманула. Опекуны от правительствующего сената исходатайствовали

по этому делу и Иван Абрамович, после объяснений которого прошения его брата не получили дальнейшего движения. В прошениях 1790 и 1792 гг. Осип Ганнибал просил Екатерину и одоупущении его к дальнейшей службе по выборам в виду того, что новый псковский наместник Зуев не утвердил его избрания, ссылаясь на решение консистории по его бракоразводному делу.

Такова восстановленная по документам дела последовательная цепь событий и действий в процессе Осипа Ганнибала с его первой женой. Само по себе это дело могло бы являться только типической иллюстрацией нравов конца XVIII в. и существовавших тогда порядков, если бы в нем не возникал интересный вопрос о характеристике самого Осипа Ганнибала. В данном случае,

в свете изложенных фактов, пред нами встает весьма отрицательный в моральном отношении тип человека, не останавливавшегося ни перед какими средствами для преследования своих корыстных и личных интересов. Но перед тем как составить окончательное суждение по этому вопросу, мы должны внимательно проверить, насколько факты, изложенные в деле Ганнибала, правильно отражают действительность. Заявления сторон, письма и судебные документы — это материалы вторичного порядка, в которых действительность отражена под определенным углом зрения. Воспроизвести истину в ее подлинном виде, не имея под руками других материалов и не видя пред собою живых людей, мы не в состоянии. Но путем критики этих документов,

указ, коим той гражданской палате предписано: решить дело снова, а деревню Кобрину, не включая мызы Руновой, оставить под ведомством опеки по прежнему. Таким образом, волоча из суда в суд, ввели меня в тяжбу с собственною моею дочерью, которой назначил я ту часть из доброй моей воли. Между тем Михайло Пушкин уже осьмой год владеет теми селениями, в коих по часту живет с женою своею, вырубил лесу более, нежели на 15.000 руб., не радит о пашне и тем доводит крестьян до сущей бедности (о чем в дворянскую опеку и губернское правление прошения не однократно были подаваемы), зная, что все то имение в случае смерти малолетной или проставии установленных для опеки лет, где я пристроить ее не оставлю, по законам мне возвращено быть имеет.

«Из сего ваше имп. величество усмотреть благоволите, что не сам себя я раззорю, а раззорил и раззоряет меня единокровный брат мой Иван Абрамович обще с Михайлою Пушкиным. Почему и донесение первого о мне, вашему имп. величеству учиненное, есть ложное. Сие свидетельствует ваш выбор меня в советники здешнего губернского правления, изъявленный имянным вашим указом вскоре по открытии Санкт-Петербургской губернии воспоследовавшим (губ. учреждения в Петербургской губернии были открыты 28 мая 1780 г. *Л. Л.*), каковою высочайшею милостию за приключившеюся мне тогда болезнью не мог я воспользоваться; свидетельствует то письмо от брата моего Исаака Аврамовича, ко мне писанное, в котором он чинимые мне от Ивана Аврамовича раззорения из братняго о мне сожаления живо изображает, называя его несправедливым и бездушным человеком; свидетельствует собственноручное его самово, Ивана Аврамовича, письмо, до вступления его в связь с господином Турчаниновым ко мне пущенное, где он о случившемся мне несчастии по поводу второго брака, яко брат, сожалеет и обещает употребить все свои силы на облегчение судьбы моей, с которых писем подношу копии, а оригиналы при мне имеются. И, наконец, аттестат, почти от всего псковского дворянства в добропорядочном моем поведении мне данный.

«Всемиловитейшая государыня, кленусь всевышним творцом, что не столько убыль, ежегодному моему, весьма посредственному, доходу несправедливо нанесенная и наносимая, сколько обнесение меня пред освященною особою вашею, братом моим учиненное, отяготили мое состояние; первая навлекла токмо на меня не малые долги, которые во возвращении мне насильно взятаго заплачены быть могут; но другое отъемлет надежду к оправданию моему пред лицом всевыгустейшей моей повелительницы и тем терзает дух мой беспрестанно».

В заключение своего пространного прошения О. Ганнибал пишет: «Всемиловитейшая государыня, все сии единовременно действующие напасти превзошли меру моего терпения и повергли меня в совершенное отчаяние, из коего извлеци в состоянии единое токмо вашего императорского величества правосудное милосердие, к коему от глубины вопию имянем моим, именем умершего отца моего, верою и правдою великим предкам вашим и наконец вам, великая государыня, служившего. Повелите, человеколюбивейшая мать отечества, во избавление меня, погибающего от руки сильной и несправедливой брата моего, откинувшего союз родства, и дикими народами почитаемого, высочайшим вашим указом возвратить мызу Руново со ваятыми излишние из деревни Кобриной душами в мое по прежнему владение, дело по сенату решить по законам, без дальняго отлагательства... Через сие оживотворите жизнь мою и восстановите меня, несправедливо раззореннаго».

их сопоставления между собою и заключений, основанных на анализе психологии людей определенного класса и определенной эпохи, мы сможем не слепо следовать за впечатлением, создавшимся в нас от простого чтения их, а противопоставить им несколько иное осмысливание и истолкование известных нам фактов. В отношении Ганнибала это необходимо еще и потому, что нам придется иметь дело с фактами спорными, не выясненными во всей их полноте и упорно оспариваемыми каждой из сторон.

С самого начала следствия в Псковской консистории перед нами развертываются две резко отличные друг от друга версии всех обстоятельств, сопровождавших разрыв Ганнибала с его первой женой и вступление его во второй брак с Устиной Толстой: По версии, излагаемой Марией Алексеевной, муж ее, Осип Ганнибал, уже с первых же месяцев вступления с нею в брак, стал предаваться разврату, постоянно изменял ей, использовал ее приданое для покрытия своих долгов и всячески оскорблял ее. Примирение его с отцом явилось результатом ее поездки в Суйду, где она исплопотала у старика Ганнибала прощение сыну. Поселившись у отца, Ганнибал снова стал вести недостойный образ жизни, поссорился с отцом и тайно уехал из дому, покинув ее с дочерью. Когда, узнав о месте его нахождения, она написала ему письмо с предложением возобновить брачное сожитие, он грубо отверг ее предложение. Ей не оставалось другого пути, как расстаться с ним, что она и сделала, написав ему «отказное» письмо. Желание получить к себе дочь, взятую им из дома его родителей во время ее отсутствия, побудило ее отказаться от получения с него содержания для себя и для дочери. Она порвала отношения с семьей Ганнибалов и вернулась к отцу. После смерти отца она вернулась в Петербург и испытывала здесь большую нужду. Узнав, что О. Ганнибал вступил тайно в новый брак, она, для ограждения имуществен-

ных интересов дочери и своих личных, подала жалобу в псковскую консисторию. Все выдвинутые против нее обвинения в сожительстве с поручиком Транзе являются ложными. Чтобы устранить препятствие к браку, сам Ганнибал подделал письмо о ее смерти и изобрел вымышленную историю о передаче ему этого письма неизвестным солдатом на пути его в Красное Село. После решения Псковской консистории и синода она отказалась возобновить брак с мужем и примириться с ним, считая себя оскорбленной и не видя с его стороны любви к себе. Но она сочла необходимым получить с него указную часть его имения на содержание себя и дочери, о чем и подавала прошения в Петербургское губ. правление и государыне.

С другой стороны, версия Ганнибала резко отлична от версии его жены. По его словам, с самого начала брака жена его, «предав себя своеправию и распутной жизни, чинила ему стыд и поношение». «Быв очевидным свидетелем ее соблазна», он, чтоб скрыть свое бесчестие, принужден был уговорить ее уехать с ним к его отцу. Но ожидания его на исправление жены не оправдались. «На все снисходительные и ласковые увещания моих родителей она ответствовала только непочитанием их и огорчениями; и, наконец, во время моей отлучки, выманив у отца моего денег, со всем своим имением, кроме одной малолетней дочери, уехала в Петербург». Оттуда, прислав ему «отзыв» или разводное письмо, через три месяца скрылась «неизвестно куда». Он поехал хлопотать о формальном разводе с женою в Петербург, получил от арх. Иннокентия уверение в том, что желание его будет исполнено, после чего решил поехать на праздники к своему приятелю в Красное Село. С необычным упорством, уже после состоявшегося постановления консистории и синода, он поддерживает свою версию подлинности этого письма о смерти жены.¹ После получения этого письма он считал

¹ Свою версию, между прочим, Осип Ганнибал вкратце повторяет и в прошении Екатерине, поданном им в марте 1792 г. по возвращении из плавания:

«Начальный и главный источник моих несчастий первая жена моя Марья Алексеева, по отце Пушкина, которая в отсутствии моем бежала из дому отца моего, письменно от сожития со мною и от всех с меня претензий отказалась, потом, пожив в Санкт-Петербурге около семи месяцев предосудительным для ее пола образом, скрылась, куда — неизвестно. В сей неизвестности прошло более двух лет, и я, будучи во Псковском наместническом правлении советником, пред праздниками рождества христова приехал в Санкт-Петербург для испрошения от псковского архиепископа разводной грамоты, которую сей преосвященный и обещал мне дать после праздников; в течении оных во многих домах слышал я, что жена моя померла и в то же время от родного ее брата, статского советника Михайлы Алексеева Пушкина, жившего всегда с нею вместе, получил уведомительное письмо, собственною ево рукою ко мне писанное, что означенная жена моя, а его сестра такого-то года, месяца и числа волею божиею помере; по чему, считая за неужное иметь разводную грамоту, до истечения праздников возвратился во Псков к своей должности, где спустя довольное время женился на другой законным порядком. Но к изумлению моему через месяц по сей женидьбе первая жена моя воскресла и подала прошение

себя в праве вступить в новый брак. Новый брак внес покой в его душу и в этом супружестве он начал «забывать горестные впечатления первого брака», как вдруг узнал, что первая его жена возбудила против него дело о разводе. Посылка письма о смерти жены М. Пушкиным была вызвана тонким расчетом запутать его в их неправых делах. Консистория, разбирая его дело, «не исследовала истину дела»; его первая жена «по усиленному его требованию самолично к оправданию не предстала», а поверенные ее, не представив никаких «уличений», «составляли только ябеды и клеветы, до проволочки дела касающиеся». Решение арх. Иннокентия он считает несправедливым и строгим; оно постановлено в пользу такой персоны, которая безчинством своим учинилась недостойною мужнина ложа, ею самую нежелаемого, разлучает безвинно двух не токмо законом, но и взаимною склонностью связанных, и чинит оных неправедно злощастными прелюбодеями». Неправедливость этого решения он подробно обосновывает разнообразными аргументами, изложенными более подробно во втором его прошении Екатерине и в апелляционной жалобе, поданной в синод. В прошении, поданном в середине 1782 г., он изъявляет готовность выделить на содержание первой жены своей и дочери одну четверть доставшегося ему от отца недвижимого имущества, состоящего в самых лучших местах. Вся история с первой женой его крайне угнетает и даже привела к тяжкой болезни.

Таковы две версии настоящего дела. По первой из них моральные качества личности Осипа Ганнибала рисуются в самом мрачном свете. Последующее поведение Ганнибала еще более усугубляет эту мрачную картину. Он исползует свои связи для того, чтобы оклеветать свою первую жену пред Екатериной, приписывает ей не только уход из дома его родителей, но и обманное получение от них денег, захват не только своего, но и его личного имущества, покинутые малолетней дочери, трехлетнее укрытельство от мужа, злостное опутывание его

письмом о мнимой ее смерти. После решения, вынесенного Екатериной, он возбуждает процесс, пытаясь извратить слова резолюции и превратить одну четверть своего недвижимого имущества в одну четверть дер. Кобринной. Он старается очернить своего старшего брата, вступившегося за интересы его дочери и первой жены, и затевает процесс с ним из-за якобы неправильного раздела отцовского имущества. С другой стороны, мало правдоподобными, подозрительными кажутся те факты, которыми Ганнибал обосновывает свою версию: в большинстве случаев они голословны и представляются продиктованными стремлением во что бы то ни стало добиться признания действительности своего второго брака и избавиться от наложенного на него наказания.

В. О. Михневич в своей статье «Дед Пушкина» безоговорочно принимает первую версию и, базирясь на заявлениях М. А. Пушкиной, дает чрезвычайно отрицательный облик Осипа Ганнибала. Но как сочетать такую его характеристику с другими отзывами и фактами, характеризующими последнего? А. С. Пушкин, излагая историю второго брака своего деда, называет его человеком, которого «пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли в удивительные заблуждения», но он не клеймит его позором. Я. Е. Сиверс говорит о его чрезмерно несчастном положении и ссылается на аттестат, выданный ему псковским дворянством, где указывается на «честнейший характер и отменные достоинства души» Ганнибала, «доказательные» выбором его предпочтительнее перед всеми другими в первые заседатели только что организованного в Псковском наместничестве совестного суда. Выбор этот, действительно, мог служить хорошим аттестатом. По ст. 63 Учреждения 1775 г. «в судьи совестного суда наместничества определяется выбором каждого судебного места той губернии один к тому способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек», и Сиверс удостоверяет «по личному сведению», что Ганнибал «всемерно заслуживал самое то-же одобрение».¹ После решения арх. Иннокентия,

о разводе ее со мною во Псковскую духовную консисторию, которая не учинила о показанном письме Михайлы Пушкина законного следствия, а приняв одно простое его от письма своего отречательство за основательное, определила: первой и второй женам моим вытти за муж, за кого похотят, а меня яко явнаго прелюбодея, заключить в монастырь на семь лет и мне не жениться, доколе та или другая живы будут, что и решением святейшего синода утверждено».

¹ Отношение псковского дворянского общества к Ганнибалу не изменилось и после того, как он, вернувшись из плавания, решил снова возобновить свою службу по выборам. В прошении к Екатерине, поданном в марте 1792 г., он дает описание этих выборов и последовавшего затем отстранения его и. д. наместника Зуевым:

«Когда по Псковской губернии происходил пятый выбор дворян к должностям и я всеми дворянами единогласно назначен был в верхний земский суд, в котором звании всем обществом лично поздравлен и с прочими выбранными представлен был на утверждение отправляющему должность правителя г-ну д. ст. сов. и кавалеру Харитону Лукичу Зуеву, тогда оный, утвержда

как он уверяет в своем втором прошении государыне, с готовностью подтвердить это клятвой, «я истинно был болен, не токмо телом, но и духом, которой, поражен будучи от непрерывных консистории притеснений, находился тогда в совершенном оцепенении или расслаблении». Его родня и в частности старший его брат, И. А. Ганнибал, не отвернулись от него, как от человека, опозорившего себя, а приняли горячее участие в облегчении его участи.

Чем объяснить эти противоречия?

Наиболее вероятной версией нам представляется следующая. Мы уже указывали, что брак между О. Ганнибалом и М. А. Пушкиной был заключен без любви. Вполне вероятно, что, следуя тогдашним воззрениям на брак, Ганнибал и после заключения его не слишком стеснял себя супружеским долгом верности жене. Но вместе с тем, зная историю первого брака своего отца, Абрама Ганнибала, и сохраняя еще прежние взгляды на подневольное положение и затворническую жизнь жены, он с особой подозрительностью и ревнивостью относился к ее поведению. Но женские нравы в последней четверти XVIII в. уже изменились, и Мария Алексеевна, обладавшая, как это видно из всего ее дальнейшего поведения, характером прямым и независимым, не желала мириться с таким положением: она игнорировала стеснения, которые желал наложить на нее муж. Недаром он жалуется на ее «несносные поступки» и на «непочитания и огорчения», которые она доставляла ему и его родителям. Он даже сомневался в своем отцовстве дочери Надежды: в «отказном» письме к жене он пишет — «ваша дочь», а во втором прошении восклицает: «сверхшный возмездник знает совесть мою, знает также произведение дочери моей». История опровергла сомнения Ганнибала, но кто может доказать, что они не могли быть искренними? При ином предположении нам будут совершенно непонятными тот тон и та горечь, какою наполнено его ответное письмо жене. Факт отъезда М. А. Ганнибал в Петербург без дочери и учинения обеими сторонами неформального развода не отри-

цается ими обоими. Мы не знаем содержания письма, оставленного Ганнибалом отцу, но в своих показаниях в консистории он слался на отца как на свидетеля, могущего подтвердить его жалобы на жену. Возможно, что Мария Алексеевна действительно плохо ладила со стариками: это доказывается ее быстрым отъездом оттуда в Петербург и тем, что после смерти своего отца она не возвращается к ним, а поселяется с дочерью в Петербурге. О своем отъезде к отцу и дальнейшем пребывании в Петербурге она, очевидно, не ставила в известность своего бывшего мужа, с которым порвала всякие отношения. Отказ ее от требования содержания от него мог быть вынужден бесцельностью выдвигать какие-либо требования в момент, когда сам он не имел ничего, кроме долгов, и, за отсутствием средств к жизни, должен был поселиться у своего зятя Мава. Отношение к этому вопросу с ее стороны резко изменилось, когда после смерти своего отца в мае 1781 г. Ганнибал получил в наследство село Михайловское с деревнями и дер. Кобрино близ Петербурга и стал обладателем 553 душ крестьян. Она в начале 1782 г. подает прошение в губ. правление о выделе ей и ее дочери части этого имения в виду ее бедственного состояния, и в этом, конечно, видеть ее не приходится, несмотря на ранее заявленный отказ, имевший силу лишь по отношению к ней самой, но недочерп.

В течение почти трех лет, с 1776 по 1779 г., между бывшими супругами никаких взаимоотношений не существовало. Ганнибал внутренне считал себя свободным и служил по выборам от дворянства в Пскове. Здесь, повидному, он действительно снискал к себе доверие и расположение местного «благородного общества». Едва ли он мог продолжать здесь свой прежний разгульный образ жизни. Он стал подумывать о браке и, встретившись с местной помещицей Устиньей Толстой, стал искать путей к получению формального развода. Этим объясняется и его приезд к арх. Иннокентию в Петербург.

Здесь мы подходим к самому острому вопросу всего дела — к вопросу о янобы получен-

вообще всех избранных, по возвращении в камеру собрания запискою своею чрез губернского прокурора меня вызвал, где мне приказано от собрания удалиться, чему я и повиновался; но присутствовавшее дворянство, возвратя меня в собрание, требовало изъяснения о таком со мною поступке, на что правящий должность правителя объявил, что в оном собрании быть и никакой должности получить мне не подобает за учиненным от духовного правительства по второму браку моему решением, против чего все благородное общество делало свои возможные представления, кои однако же не были благоуспешны; и по тому велено было мне вторично из собрания удалиться, что поразило меня столько, что уже не мог учинить сего сам собою, а выведен был своими сотоварищами. И хотя общество, приемля участие в сем поругании, тот же день после обеда паки собралось вторично, где губернский и все уездные предводители со всеми дворянами о моем беспорочном поведении учинили и подписали свидетельство, однако же позор тот имел в мысли мои такое влияние, что я в скорости получил удар, который на то время лишил меня употребления обеих ног, коими и ныне едва владею».

ном им от Михаила Пушкина письме, извещавшем о смерти его жены. В этом вопросе обе версии сталкиваются между собою особенно резко. Каждая из сторон, и Ганнибал, и Пушкин извъявляли готовность подтвердить правильность своей версии присягой; консистория во избежание «душевредства» и по ряду формальных мотивов не допустила их к этому. Несмотря на решение консистории о подложности письма, Ганнибал до самого конца отстаивал правильность своей версии. Между тем доказательства подложности этого письма, подробно разобранные в следственном деле консистории, вполне убедительны. Объяснение всего этого «хитростью и пролазами Пушкиных», данное во втором прошении, весьма искусственно и неправдоподобно. Однако при всем легкомыслии Ганнибала, при всем признании «условной лжи» в бракоразводных процессах, производящихся такими искусными в измышлениях людьми, какими являлись в течение существования церковного бракоразводного процесса стряпчие и ходатаи по таким делам,¹ трудно допустить, чтобы он сознательно шел на лжеприсягу, грозившую не только церковными, но и тяжелыми светскими наказаниями с лишением дворянского звания и потерей всех имуществ. Останется предположить, что это письмо было написано и послано не Михаилом Пушкиным и составлено не им самим, Ганнибалом, а каким-либо третьим заинтересованным лицом. И обстоятельства дела указывают на то, что этим третьим лицом была Уст и н ь я Т о л с т а я.

Поездка Ганнибала в Петербург состоялась не только с ее ведома, но, вероятно, и по ее настоянию. Этой псковской помещице, умевшей очень хорошо запугивать других в различные дела, жадной до денег, показался очень желанным мужем Ганнибал, будущий наследник большого поместья в Псковской губернии, где она жила, начинавший успешно свою служебную карьеру. Препятствием к их браку служил нерасторгнутый первый брак Ганнибала. Это препятствие нужно было устранить. Устинья не очень-то верила в успешность петербургской поездки Ганнибала к преосвященному; даже, если бы он получил от архиерея принципиальное согласие, то медлительность тогдашней бракоразводной процедуры могла затянуть желательный для нее брак на долгие годы. Вступление в сожителство без венчания роняло бы ее достоинство в глазах местного общества (к этому она проявляет большую чувствительность в своих прошениях на

высочайшее имя), а главное, не отвечало бы ее интересам, так как со вступлением в брак без венчания она не приобретала бы никаких прав на имение Ганнибала. Посоветовавшись с кем-либо из местных специалистов по бракоразводным делам, она, вероятнее всего с его помощью, составила и послала Ганнибалу письмо о смерти его жены, подписанное именем брата последней. Это предположение подтверждается следующими соображениями. Ганнибал указывает, что письмо он получил по дороге к Мазу в Красное Село. Кто другой, кроме Устиньи Толстой, мог знать его намерение отправиться туда? Менее других это, конечно, мог знать М. Пушкин или его сестра. Письмо было отправлено, повидимому, из Петербурга с нарочным («неизвестным ему солдатом») ему вдогонку. Как посланный мог узнать Ганнибала среди проезжих, если ему не были даны подробные на этот счет указания? Очевидно, проживавшее в Петербурге доверенное лицо Устиньи Толстой, которому было поручено вручение письма, следило за Ганнибалом и знало его в лицо. Консистория берет под сомнение правильность объяснений Ганнибала, основываясь на том, что по его словам поехал он к Мазу перед наступлением рождественских праздников, а на письмо значител помета о получении его 30 декабря, т. е. уже после этих праздников. Но разве, остановившись у Маза на праздники, Ганнибал должен был безвыходно находиться там? Расстояние между Петербургом и Красным Селом составляет около 20 с небольшим километров, и, поехав 30 ноября в Петербург по какому-либо делу, он мог к вечеру возвращаться туда обратно и в дороге, в виду наступления ночи, где-либо заночевать. Во всем этом нет ничего неправдоподобного. Наконец, соображение, выдвинутое М. Пушкиным о том, что, получив письмо о смерти жены, Ганнибал не принял мер к проверке правильности этого сообщения и не обратился, в частности, к распросу сестры его бывшей жены, Квашниной-Самариной, жившей неподалеку от дома его отца (т. е. Суйды), еще не опровергает его версии: при собственном ему легкомыслии и порывистости он мог сразу вернуться домой, не теряя времени на поездку в Суйду, чтобы сообщить о полученном известии Устинье Толстой.

9 января, т. е. через десять дней после помеченной даты получения письма, уже состоялся брак Ганнибала с Толстой. Все венчанье было организовано ею самою: оно происходило в ее доме, производилось оно ее приходским священ-

¹ И в этом деле, как то видно из следственного дела консистории, от имени М. А. Пушкиной действовал коллежский советник А. Г. Окунев. Ганнибал же, очевидно, пользовался советами губернского стряпчего Вишнякова, которого он затем на свой кошт посылал в Петербург хлопотать об отмене решения.

ником, венчальными отцами были знакомые же ее псковские помещики; «ысканный ею» жених был выведен в последний момент перед венчанием. Устинья необычайно спешила с браком и старалась избежать всякой огласки. Чего же она могла опасаться? Ей, очевидно, было хорошо известно происхождение полученного Ганнибалом письма; последний в любой момент мог узнать ложность содержавшегося в нем сведения о смерти первой жены и воздержаться от заключения брака до производства формального развода. Нужно было поэтому спешить. В вдовстве Ганнибала, как показывает священник Михайлов, он «укрепился на бракосочетающихся и венчальных отцов совести и словесными их показаниями». Подписка, данная Ганнибалом, как это явствует из самого ее текста, была дана позднее, быть может, когда по Пскову пошли уже слухи о том, что первая жена Ганнибала жива и священник стал опасаться грозившей ему ответственности. Конечно, Устинья Ермолаевна ни при браке, ни впоследствии, не сказала Ганнибалу о том, что письмо о смерти его жены было послано ею, и Ганнибал в момент брака мог находиться в добросовестном заблуждении относительно своего вдовства, а позднее, с приездом М. Пушкипа в Псков, узнав об «оживлении» своей первой жены, мог думать, что с ним сыграли скверную шутку Пушкины со специальною целью запутать его и помешать его второму браку. Требуя в консистории личной явки первой жены, чтобы обличить ее, он имел в виду не столько обличение ее в супружеской измене, для чего у него не было никаких новых данных, сколько уличение ее в причастности к написанию исылке ему рокового письма.

Мы видим, таким образом, что черный облик Ганнибала, каким он рисовался по документам консистории и по прошениям его первой жены, начинает понемногу рассеиваться. Перед нами не злостный клеветник, подделыватель и клятвопреступник, а легкомысленный, поддавшийся хитрым уловкам Толстой, импульсивно действующий человек, каким его характеризует А. С. Пушкин, говоря об его «удивительных заблуждениях». Но, с другой стороны, было бы неправильным видеть в попытке очистить имя деда Пушкина от лежащих на нем тяжелых обвинений стремление всячески обелить поведение его в отношении его первой жены и дочери. Ганнибал, оставив жену и дочь, не только не интересуется их дальнейшей судьбой и забывает

о своих отцовских обязанностях, он изобретает версию о том, что жена «скрылась от него неизвестно куда», забрав не только свое, но и его имущество, версию, нужную ему для того, чтобы вину за прекращение супружеского сожительства (если обвинение в прелюбодеянии, как не подтвержденное формальными доказательствами, будет отвергнуто) свалить на нее. Он обвиняет ее вместе с ее братом в систематических кознях против него, не имея на то достаточных оснований; он всячески старается очернить ее в глазах консисторских судей и государыни. Изъявляя во втором и третьем прошении готовность уделить четвертую часть своего имения «на пропитание» ей и дочери, он действует исключительно, уступая совету старшего брата и надеясь этим путем снискать от Екатерины разрешение на восстановление его второго брака.

Когда эта попытка не удается и второй его брак революцией Екатерины признается «уничтоженным», он, несмотря на состоявшийся указ, путем возбуждения тяжбы в верхнем земском суде, старается всячески урезать свои обязательства, доводя дело до сената из-за нескольких крестьянских душ, излишне якобы взятых дворянской опекой в пользу его дочери. Он затевает длительную судебную тяжбу со старшим братом из-за неотдачи ему 10 000 руб. из отцовского капитала, отказанного в распоряжение брату, пожелавшему затем употребить эти деньги на обеспечение его дочери. В этих имущественных распрях виден дух конца XVIII в., дух корыстной алчности, свойственный тогда дворянским кругам. Но во всем этом видна и направляющая рука Устиньи Толстой. Она, как мы увидим из дальнейшего, опутывает его различными обязательствами по отношению к себе, вызывает его на большие затраты в ее пользу, постоянно наговаривает ему против брата и Пушкиных и в его отсутствие не только продолжает его тяжбы, но и засыпает Екатерину своими слезными мольбами об отнятии от Пушкиных неправильно захваченных ими частей дер. Кобрино и мызы Руново, о выплате Иваном Ганнибалом доли из отцовского капитала Осипу Ганнибалу. Действуя так, она не скрывает эгоистического мотива, лежащего в основе ее обращения: она просит об этом, «дабы он (т. е. О. Ганнибал) через то мог ее удовлетворить, иначе она лишилась бы... имения», т. е. возможности получения 27 000 руб., которые она, якобы в виде приданого, по рядной записи,¹ передала Ганнибалу

¹ Совершение «рядных записей» на приданое жены вошло в употребление в России со времени Петра I (см. указы его от 23 марта 1714 г., 15 апреля 1716 г. и изданные после его смерти указы 28 мая 1725 г и 17 марта 1731 г.); до того, по существовавшему исстари порядку, приданое жены поступало в полную собственность мужа; Петр, в целях охраны интересов жен, приведенными указами постановил, что приданое жены поступает лишь во владение и распоряжение мужа.

при вступлении с ним в брак. Об этой «рядной» будет еще речь впереди. Она, несомненно, была сделана, но соответствовала ли она действительному имуществу, переданному мужу Толстой, в этом приходится весьма сомневаться. В свете этой «рядной» для нас становятся ясными не только прошения У. Толстой, поданные ею во время отсутствия Ганнибала в 1785 и в 1786 гг., но и ее более ранние челобитные, в которых она «ласкала себя надеждою» получить обратно своего мужа и заявляла о том, что «кроме Иосифа Ганнибала, я ни с кем жить не желаю» и «ни за кого другого итти не хочу». Имея в своих руках крупное имущественное обязательство со стороны О. Ганнибала, она угрозой взыскания могла легко воздействовать на его волю и побуждать его к учинению тяжб по имуществу, на получение которого для себя она рассчитывала.

При жизни Екатерины, знавшей, повидимому, со слов Турчанинова и других родственников Пушкиных и Ганнибалов о характере «особливой привязанности» Устиньи Толстой к Ганнибалу и давшей ей при подаче второго прошения 1786 г. предупреждение об ответственности, грозящей ей за дальнейшее продолжение ее упорных домогательств пред нею, Устинья Ермолаевна не рисковала вновь обращаться к вступничеству Екатерины; не рисковала она и предъявлять свою «рядную» ко взысканию, мотивируя это в прошении 1786 г. тем, что не желает «раззорять его (О. Ганнибала) до основания и уподобляться в том врагам его, а потому и не прошу, что бы на мое за приданое удовлетворенно было употреблено последнее его малое имение, без чего он останется вовсе без пропитания».¹ Но стоило только умереть Екатерине, как она чуть ли не через несколько дней обращается со слезным ходатайством к Павлу I о взыскании этого долга с ее бывшего мужа Осипа Ганнибала. Самый текст этого прошения Устиньи

Толстой не найден, но содержание его мы узнаем из ответного прошения О. Ганнибала на имя того же Павла, поданного им 27 марта 1797 г., где он, жалуясь на свою участь — «человека, угнетенного несчастными стечениями в жизни своей, кои расстроили душевное спокойствие при том и состоянии» и «приближенного уже бедствиями к концу горестных и несчастнейших дней», излагает свое «чистосердечное признание». В чем же состоит это признание? В том ли, что он оклеветал свою первую жену, совершил подлог ради вступления во второй брак и несправедливо обвинял ее и Пушкиных во всевозможных «ухищрениях и пролазах», как это должен был сделать человек, действительно виновный во всем этом? Нет, его «чистосердечное признание» касается закулисной стороны его имущественных взаимоотношений с Устиньей Толстой. Это его признание многое объясняет нам в поведении Ганнибала во время его процессов.²

«По несчастью моему, — пишет О. А. Ганнибал, — бывшая жена моя Устинья Ермолаевна, жена покойного капитана Толстого, с коею брак мой блаженный и вечно славы достойная памяти августейшая родительница вашего имп. величества благоволила уничтожить и признать оной за недействительной, сего генваря месяца утруждала в. и. в. прозьбою о взыскании с меня по рядной, данной мною ей по замужестве в двадцать семь тысяч рублей. Признаюсь, всемилостивейший государь, что она действительно мною дана: но, не получая за нею в приданое ни малой части из означенного числа, коего она по состоянию ее до замужества, кое известно всему Псковской губернии благородному обществу, такового немаловажного количества она иметь никогда не могла, а дана она из одной моей к ней любви и приверженности; но оставя все сии дальновидные исследования, я, живши еще с нею, собственностью моею по-

причем при такой передаче составляется рядная запись, перечисляющая состав этого имущества и его стоимость; в случае расторжения брака имущество это должно быть возвращено жене.

¹ Рука Устиньи Толстой видна и в процессе, происходившем между Осипом Абрамовичем и его братом Иваном по поводу невыплаты последним 10 000 руб. из отцовского капитала. Когда Устинья Ермолаевна приезжала к нему в 1781 г. после решения Псковской консистории, он отнесся к ней внимательно и вступился за брата. Но уже в 1783 г. в своем втором письме к Турчанинову он, видя то влияние, которое оказывает на брата его Толстая, писал, что «по нынешнему его ослеплению и пущему его разорению» он несомненно расточит свое недвижимое имение, и выражал надежду, что «в святейших законах премудрой нашей монархии найдется средство отвратить и не допустить его до неминуемого сего несчастья». Екатерина, знакомая с этим письмом, приложенным к записке Терского, нашла это средство в виде посылки Ганнибала в долговременное плавание по морю. Но Устинья Толстая успела настроить Осипа Абрамовича против брата. Она первая стала осыпать всякими обвинениями Ивана Абрамовича в прошениях к Екатерине в 1786 г., и едва ли можно сомневаться в том, что процесс, затеянный Осипом Ганнибалом против брата в 1788 г., явился результатом ее настояний.

² Прощение это полностью напечатано А. Ганнибал в ее собрании материалов о биографиях Ганнибалов (стр. 36 отд. отт.),

строил ей в городе Пскове дом, в коем она ныне сама живет и пользуется онаго доходами; под городом купил дачу, устроил онаю, доходы оной доставляют ей непосредственное; при том сделано мною ей по ее желанию довольно число бриллиантовых вещей и серебро, доставшееся мне по разделе с братьями по кончине родителя нашего, все мною ей предоставлено, что составит сумму против рядной, и она, признав уже себя удовлетворенною по оной, дала мне в том и росписку, чтоб ей по оной с меня никакого взыскания не чинить, о чем неоднократно говорила господину полковнику Александру Максимовичу Выдомскому и артиллерии подпоручику Павлу Ивановичу Неелову. Но во усугубление совершенного моего несчастья, оная ее росписка у меня по бытности моей в ее доме похищена, а она, воспользуясь сим случаем, споспешествующим ее коварству, означенную рядную представила правительству, дабы по оной с меня учинить взыскание и тем ввела меня до бедственного состояния, в коем я ныне по несчастью нахожусь. Вот истинное мое признание, августейший монарх, моего проступка и обличения ее несправедливого поступка.

Псковская вдовушка, очевидно, с самого начала их близости сумела хорошенько опутать О. Ганнибала денежными обязательствами. Трудно поверить тому, чтобы рядная, о которой идет здесь речь, действительно соответствовала имуществу, полученному О. Ганнибалом от его второй жены при браке. Устинья едва ли доверила бы свое денежное состояние мужу, зная о непрочности заключаемого брака. Рядная была взята на всякий случай; имение Толстой и ее имущество оставались в ее владении и управлении, и она успела увеличить их за счет подарков Ганнибала, не брезгуя даже его фамильным серебром.

На прошении Ганнибала имеется карандашная пометка: «оставлено без резолюции». Очевидно Павел не хотел вмешиваться в это чисто имущественное дело. Получив отказ, окончательно уже поссорившиеся между собою,

стороны продолжили свою тяжбу в судах. Дело, повидимому, переходило из одной инстанции в другую в виду крайней сомнительности претензии Устиньи Толстой, пока не дошло до сената и здесь (очевидно за «нехождением сторон») оно застряло на долгие годы. В прошении опекуна дочери О. Ганнибала, Петра Абрамовича, поданном в 5 департамент сената в январе 1813 г., имеется просьба дать ему справку о состоянии этого дела:

«Дело, поступившее из Псковской губернии, ныне умерших брата моего родного, флота капитана Иосифа Ганнибала с бывшею его женою, по первом муже капитаншею Устиньею Толстой, друг друга порочущих в обоюдных их денежных исках, и с тем умерли, а решимости не получили. А потому я, за смертью брата моего быв попечителем в имении у наследницы его, дочери, и утверждаю правительствующий Сенат об закончении упомянутого дела, а ежели сему конец последовал, прошу снабдить меня копиями с решения».

Эту же просьбу Петр Абрамович повторил и в прошении, принесенном в октябре 1813 г. на имя имп. Александра I, где он просит об ускорении разбирательства этого дела.¹ Повидимому, по этому ли иску, или по иску против брата его Исаака Абрамовича, в мае 1810 г. на его псковские имения было наложено запрещение по иску Устиньи Толстой.²

Так и остались неразрешенными в течении 34 лет тянувшиеся тяжбы Ганнибала с его первой и второй женою. Умер Осип Ганнибал 12 октября 1806 г. в своем имении, селе Михайловском, где рядом с ним похоронена и первая жена его, Мария Алексеевна Пушкина, пережившая мужа на 12 лет и умершая 27 июня 1818 г. «Смерть соединила их, — пишет Пушкин в „Родословной“, — они покоятся друг возле друга в Святогорском монастыре». Когда Пушкин писал печальную повесть своего деда, он не знал, что с другой стороны могилы деда, пережившего тяжелую семейную драму, в том же Святогорском монастыре будет уготовлено место и ему самому.³

¹ См. материалы, приведенные у А. Ганнибал. Последняя приводит лишь выдержку из прошения на имя Александра из архива Лен. Публ. библиотеки.

² Перешедшие к дочери О. А. Ганнибала, Надежде Осиповне Ганнибал, псковские имения О. Ганнибала оказались обремененными всевозможными «запрещениями», наложенными на них разнообразными кредиторами ее отца. В удостоверении, выданном ей Псковской палатой гражданского суда от 28 июля 1816 г., перечисляется 8 различных запрещений, лежавших на этом имуществе. В числе других значится «запрещение от 2 мая 1810 г. по искам капитанши Устиньи Толстой по взаимному письму золотом и серебром в 8.500 руб.» Значительная часть этих запрещений была очищена опекой над имуществом. См. текст этого удостоверения в «Литературной летописи», «Пушкин», 1936, стр. 249.

³ Пушкин в своей «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» заканчивает свое изложение историей своего деда, Осипа Абрамовича Ганнибала. «Дед мой, — пишет он, — служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду

В истории взаимоотношений О. Ганнибала с его женами мы встречаем черты не «трагикомедии», как писал о том Михневич, а черты подлинного трагизма. Он претерпел большую часть своей жизни, став жертвою своей ревности, своих страстей и своего легкомыслия в поступках и денежных делах. Он был сыном своего века и страдал многими его слабостями, но он не был тем негодяем, которым его хотели изобразить.

Не менее грустной оказалась участь младшего брата Осипа Абрамовича, Исаака Ганнибала, также запутанного в различные денежные махинации тою же Устиньей Толстою. Мы не станем входить в изложение характера тех денежных взаимоотношений, которые имелись в деле Исаака Ганнибала с Устиньей Толстою. Свою версию она подробнейшим образом изложила в особом прошении, поданном Екатерине II 10 февраля 1796 г. и оставленном последней без рассмотрения.¹ В этом прошении, изображая себя жертвою своего «добродушия», она просит в заключение:

«Я отнюдь не ищу каким либо корыстолюбием, а только заплачу господин Ганнибал по векселю, за него мною данному, подпоручицы Крыгеровой, возврати проданное мое родовое за оный долг имение и отдай мне один настоящий по векселю и по обязательству ево капитал, а узаконенные проценты предоставляю на употребление в пользу Псковского наместничества Приказу общественного призрения».

С своей стороны Исаак Абрамович изложил свою версию этого дела в письме к князю Кура-

кину от 1 февраля 1798 г., которое характерно описанием той настойчивости, с какою взыскивала Устинья Толстая с него деньги по «Крыгерову векселю»: ²

«Сиятельный князь, милостивый государь,

«Будучи обременен судьбою выше мер содеянного, не нахожу ко спасению моему других средств, кроме особы вашего сиятельства, яко хранителя и блюстителя спасительных законов, содержание коего есть следующее:

«Источник нещастия моего есть капитанша Устинья Толстая, бывшая в замужестве за родным братом моим, при живой его жены за него вышедшая и с ним после разведенная; коей я по единственной моей оплошности и простодушию дал расписку, что заплатить за нее данной ею поручику Крыгеру в восьми тысячах пятистах рублях вексель; сия Толстая, по предьявлении на нее от Крыгера, защищалась от платежа по оному денег тою распискою, но всеми государственными местами сенат Питербургский губернии и наконец палатую та расписка как в защищение ей так и законов, не принята и о чем и дано было знать псковскому губернскому правлению.

«Оная Толстая, видя сей для нее неуспех, просила по той же самой расписке в Псковском губернском правлении, которое однако же ей отказало, но она спустя несколько лет вторично подала свою просьбу оному правлению, которое, забыв о прежнем сделанном ей отказе и о палатном решении, принудило меня по той расписке деньги взыскать и в С-Петербурге через Спб. Правление требовало объявление мне того своего

отца моего (который доводился ему внучатым братом моей матери) и сей брак был несчастлив: ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствия и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представив фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Второй брак деда моего был объявлен незаконным; бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в Черноморский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1797 году, в своей Псковской деревне, от следствия невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре». В этом описании содержится ряд исторических погрешностей. Отец М. А. Пушкиной был не братом прадеду Пушкина, а племянником. Неудовольствия и ссоры между дедом Пушкина и его первой женой кончились не разводом, а разъездом: Мария Алексеевна до самой смерти мужа числилась его законной женой; дед его представил не «фальшивое свидетельство о смерти первой жены», а просто уверил простодушного священника в своем вдовстве, а подложное письмо Михаила Пушкина было представлено им в консисторию. Дочь, родившаяся от брака деда и бабушки Пушкина, была отдана матери не по повелению Екатерины, а по взаимному соглашению супругов, и притом не в трехлетнем, а в годовалом возрасте. Наконец, Осип Абрамович Ганнибал умер не в 1797 г., а в 1806 г. Повидимому, неточным является и указание Пушкина на то, что причиной расхождения супругов являлась ревность жены; ни в одном из своих заявлений, имеющих в деле о разводе О. Ганнибала с женою, указаний на этот мотив не содержится.

¹ Прощение это напечатано полностью: А. Ганнибал. Материалы, 1915, стр. 24—26.

² Приводится в статье Н. А. Белозерской, стр. 459.

решения, по этому отозвался, что решением считаю себя недовольным и по приезде в Псков имею узаконенным порядком подписать апелляцию, что я здесь никакого имения не имею, а состоит оное в Псковской губернии, где и само то дело производится, и что охранение иска происходит при начальном его производстве, а не по решению. . . но губернское правление, не вникая сие, настояло, чтоб непременно я охранил тот иск, что видя крайнее для себя отягощение, решился поехать в Псков, куда приехав, подписал на то решение апелляцию и не пропуская указанного срока, подал я в правительствующий сенат декабря 31 дня 1797 г. апелляционное прошение; но однако-ж, к несчастью моему и всего моего семейства, по требованию с-питербургскаго губернского правления выслан и привезен сюда за наорулом яко совершенно преступник, и теперь не знаю участи моей, и в сем несчастном моем положении соперница моя полагает для себя утешение.

... всепокорнейший слуга Исаак

Ганнибал».

Из-под ареста Исаак Ганнибал обратился с прошением к Павлу I «о удержании исполнения по решению псковской палаты суда и расправы по претензии на меня от капитанши Толстой» и затем в письме к тому же Куракину, написанном в мае того же года, снова изложил свои возражения против ее иска. В июле 1801 г. он подал новое прошение на имя Александра I, где обрисовывает, между прочим, свое печальное положение:¹

«Имея 15 человек детей, из коих 3 сыновей продолжают действительную службу, а трое находятся в корпусах; из дочерей же 2 находятся в военном Сиротском корпусе, а 5 остаются при мне — не малое надлежало употребить иждивение для доставления одного только содержания, потребного к сохранению бытия их, коими паче для усовершенствования воспитания приличными наставлениями и науками. От сей уже одной причины имущество мое и жены моей, состоящее из 300 душ, неминуемо должно было прийти в истощение и уменьшение; — но к сему присоединились еще случайные обстоятельства: четырехкратный пожар и другие неблагоприятности, которые в конец разрушили мое состояние необходимым впадением в немалые долги, за удовлетворение коих, сверх понесенных мною жестоких злостраданий, лишился ныне всего имущества, а семейство мое подверглось совер-

шенной гибели, лишася пропитания, покрова и самой надежды к своему спасению».

Не получив ответа на свое прошение, он обращается в октябре 1801 г. к содействию А. А. Беклешова, а затем в июне 1803 г. Г. Р. Державина, бывшего министром юстиции, прося его любовно закончить его тяжбу с Устиньей Толстой. Отрывок из письма к последнему может характеризовать поведение Толстой в отношении Ганнибала:

«С давних лет, — пишет он в этом письме, — начавшая угнетать меня неблагополучия в таких предприятиях, кои казались соответствующими истинной пользе моей, вовлекли меня в долговые обязательства с капитаншей Устиньей Толстой; первое дано было в восьми тысячах шести ста рублях, данное для заплаты за нее по векселю подпоручицы Кригеровой. Обременил бы я ваше превосходительство изображением всего порядка и течения произошедших из того процессов: определения правительствующего Сената в 9 день декабря прошедшего 1802-го года все оное в себе заключают, коими заключил означенныя иски капитанши Толстой выскать с меня с узаконенными по роду обязательств процентами. Это есть самое погубнейшее в жизни моей обстоятельство, отъемлющее весь способ к некоторому поправлению; ибо через часть наследства, следующего мне после покойного брата моего Ивана Абрамовича Ганнибала, надеялся я разобратся с некоторыми кредиторами, вынудившими от меня за маловажныя ссуды знатныя пожертвования лутчим моим именем. Но новая оная буря стремится совсем ниспровергнуть и сии слабыя остатки надежды и счастья; а что всего бедственнее, что я имею дело с таким человеком, коего сердце чуждо сострадательности — вся толпа моего семейства естли бы превратилася в потоки слез, едва ли может возбудить к себе соболезнование; — не получа еще успеха в деле своем, в бытность свою в Пскове, (она) огласила, к крайнему прискорбию, что она единым только порабощением меня с семейством останется довольною, считая выигрыш свой как-бы вещью маловажною».²

Несмотря на потоки слез «всей толпы семейства» Исаака Абрамовича, Устинья Толстая не пошла на любовное соглашение. Это видно из резолюции Державина, написанной на том же письме:

«Как жена просителева (брата) к миру не склонна, а требует должных ей денег, то сие отдать в архир (архив). Марта 30 декабря 1804 г.»

¹ См. А. Ганнибал, «Материалы», стр. 27, отд. отт.

² А. Ганнибал, там же, стр. 28.

Впрочем, Исааку Абрамовичу не пришлось дожидаться этой резолюции. Посажённый в тюрьму за неплатеж долгов, он умер в том же 1804 г.¹

Разорение Исаака Ганнибала и характеристика, данная им Устине Толстой, могут служить дополнительным материалом для уяснения роли ее в деле его брата Осипа.

Супружеская тяжба другого из сыновей А. П. Ганнибала, Петра Абрамовича Ганнибала, с его женой Ольгой Григорьевной, урожденной фон-Данненстерн, нашла себе достаточно подробное освещение в статьях Н. А. Белозерской («Историч. Вестник», 1899, кн. 5) и дополнительных материалах, опубликованных А. Ганнибал (сборн. «Пушкин и его современники», 1915, в. XIX—XX), и потому на ней в подробностях можно не останавливаться. С бытовой точки зрения женитьба Петра Ганнибала, состоявшаяся в 1777 г., имела много общих черт с женитьбой его брата Осипа. Здесь также между супругами не наблюдалось взаимной привязанности, и муж уже вскоре после заключения брака стал заводить связи с другими женщинами. Однако супруги прожили друг с другом около девяти лет, и плодом их брака явилось рождение трех детей. В 1786 г. Петр Абрамович, следуя примеру брата, неожиданно уехал из семьи в свою псковскую деревню, откуда послал жене письмо с извещением о том, чтобы «она к успокоению его не жила более с ним вместе, а получала бы от него с детьми положенное им содержание». Причиной отъезда было увлечение Петра Абрамовича девицей Лихачевой, с которой вместе он и поселился.

Материальные условия, в которые поставил он свою жену после своего отъезда, были определены им с величайшей мелочностью вплоть до прописания количества продуктов, одежды и обуви, полагающихся на каждого из оставленных при ней крепостных, и количества сена, полагающегося в год на оставленных ей четырех лошадей и корову. Но, помимо того, поселив жену в деревне, он все управление хозяйством деревни поручил своему шурину Роткирху, который старался во всем урезать полагающееся ей довольствие. Ольга Григорьевна терпела все эти ограничения вплоть до 1792 г., когда она узнала от брата мужа, Ивана Абрамовича, что муж ее собирается продать свою деревню и, отобрав от

нее детей, устроить их в «пенцион». Это заставило ее обратиться через Г. Р. Державина, бывшего тогда секретарем «у прошений», с прошением на имя Екатерины, в котором она ходатайствовала о наложении запрещения на продажу имения, о неотобрании от нее детей и об учреждении опеки, через которую она могла бы аккуратно получать следующее ей содержание. На ее прошении Екатериной была положена резолюция, назначающая ей на ее содержание по 1000 рублей в год. Однако Ольга Григорьевна осталась недовольна этой суммой и, представив Державину подробнейший перечень испрашиваемого ею с мужа содержания, просила его об увеличении этой суммы по крайней мере до 1800 р., для чего настояла на вторичном докладе ее дела государыне. На этот раз Екатерина, повидимому, всплыла. В дневнике ее личного секретаря А. В. Храповицкого («Дневник А. В. Храповицкого», 1782—1793 г. изд. Н. Барсукова, СПб., 1874, стр. 39), под 13 февраля 1792 г., когда состоялся вторичный доклад Державина по этому делу, имеется следующая запись: «Сказали мне после доклада Державина, что он ходит с такими просьбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его». Словесная же резолюция Екатерины по этому делу, переданная ею Державину, указывала, чтобы «Петр Абрамович Ганнибал непременно по мере достатка удовлетворял жену и не доводил бы более жалоб ее до высочайшего престола». После этого Державин принял лично на себя тяжелые хлопоты об улажении спора о содержании между Петром Абрамовичем и его женою. Дело это оказалось нелегким, судя по количеству писем, полученных им от каждой из сторон и написанных им самим, а главное, посредничество Державина, повидимому, не увенчалось желательным успехом. Продав свое имение Елицы, в котором жила его жена, Петр Абрамович лишил ее и всех состоявших при ней крепостных натурального довольствия, ограничиваясь выдачей ей одной денежной суммы в 1000 руб. в год. Это побудило Ольгу Григорьевну летом того же 1792 г. вновь обратиться с слезным прошением к Екатерине, которое, однако, было оставлено без ответа.

В этом прошении, между прочим, характерны сетования Ольги Григорьевны на полное равнодушие отца к постановке обучения своих

¹ В статье Н. А. Белозерской «Предок Пушкина» («Историч. Вестник», 1899, кн. 5 стр. 459—460 и 463) приводятся два письма, написанные Исааком Ганнибалом к князю А. Б. Куракину от 1 февраля и 7 мая 1798 г., где, наряду с изложением подробностей его тяжбы с У. Толстой, приведены и два доклада, сделанных Павлу I по прошениям, принесенным на его имя женой Исаака Абрамовича Анной Ганнибал: одно по поводу выдачи им под залог их имений 35 000 руб. для покрытия долгов, другое — по поводу устройства малолетних детей Ганнибала в воспитательные учреждения.

детей, оплату учителей которых он принял на себя:

«Дети, — писала она, — в научениях имеют мало успеху, для того, что муж мой по пребыванию своему во испытание их никогда не входит, мне же по сей зависимости (т. е. в виду нераспоряжения платой учителям) ни переманять учителей, ни требовать отчетов от оных нельзя».

Эта характеристика интересна в виду того, что Петр Абрамович состоял одновременно с тем и опекуном матери Пушкина, Надежды Осиповны, воспитанием которой он, повидимому, интересовался столь же мало, как и воспитанием своих собственных детей.¹

Во всех тяжбах братьев Ганнибал с их женами и по поводу взаимных расчетов поражает обилие прошений, в которых они изливали к престолу свои сетования и просьбы.²

Такая настойчивость объясняется в значительной мере той необычайной волокитой, которая господствовала в судах, и всеилием там взятки. По словам Державина, до реформы губернских судов в 1775 г. тяжущимся приходилось, если они не желали покончить своего дела миром путем соответственной взятки воеводе, «таскаться по коллегиям и сенату по 50-ти лет, а то и больше». Введение новых судов мало в чем изменило прежние порядки. Рассмотренные нами тяжбные

дела Ганнибалов служат яркой иллюстрацией к этому. Особенной мастерицей волочить дело была Устинья Толстая, и этим объясняется стремление найти против нее защиту у государей. Но помимо волокиты и недоверия к судам большую роль в обращении к государю играла надежда получить окончательное, не знающее дальнейших апелляций и ревизий решение по делу, использовав притом имеющиеся связи. Личные влияния были сильнее законов, и милость ценилась выше права.

Семейные отношения, нашедшие свое отражение в приведенных делах, типичны для эпохи конца XVIII в. Корыстолюбивый мотив вытесняет собою все другие человеческие чувства. Не только мужа, но и жены были обуреваемы им. Их сетования на отсутствие средств «к пропитанию» имеют весьма условный характер: у каждой из них, помимо мужнего имущества, имелась и свои «души» и свои имения, доходов от которых, однако, не доставало для той жизни, которую привыкли вести дворянские женщины конца XVIII в., тратившие большие суммы на моды, наряды и другие прихоти. Круг интересов их был весьма ограниченным, и они могли довольствоваться своим тяжбам, забыв другие дела и обязанности по воспитанию детей.

¹ Выбору подходящего опекуна малолетнему придавалось уже тогда большое значение. В Учреждении о губерниях 1775 г. в ст. 215 имелась следующая инструкция относительно выбора опекунов малолетним дворянам:

«Опекунами к особе малолетнего дворянская опека определяет так же из родственников или свойственников, или из посторонних людей, тех, кои добродетельными качествами своими, честностью и не заторным поведением более подают надежды к призрению малолетнего в здравии, благородном воспитании и пристойном содержании, и от которых отеческого попечения к малолетнему ожидать непременно можно».

Петр Абрамович Ганнибал, оставивший свою жену с детьми, всячески и с необычайным упорством ограничивавший средства, отпускаемые на их содержание и весьма мало интересовавшийся их воспитанием, едва ли мог соответствовать тем качествам опекуна, о которых писалось в Учреждении. Его жена, Ольга Григорьевна, перечисляет во втором ее прошении к Екатерине такие действия по сокрытию имущества и доходов и по всяческим чинимым им притеснениям с выплаты содержания, которых постыдился бы современный «злостный алиментщик».

² По поводу тяжбы Осипа Ганнибала с его первой женою на имя Екатерины им самим было подано шесть прошений (1781, 1782, 1783, 1786, 1790 и 1792 гг.), его второю женою, Устиньей Толстой — пять прошений (1782, 1783, 1785, 1786 гг. и в феврале 1796 г.) и первой его женой М. А. Пушкиной — два прошения (1782 и 1783 гг.). Екатерине же подавались прошения обоими братьями — Иваном и Осипом Абрамовичами в связи с возникшею между ними тяжбою по поводу наследства отца. В связи с возникшею затем тяжбой между Осипом Ганнибалом и его второю женою, Устиньей Толстой, оба спорящих обращались с прошениями к Павлу I в январе и марте 1797 г. Исаак Ганнибал во время тяжбы с тою же Устиньей Толстой обращался в 1798 г. к Павлу I и в июле 1801 г. — к Александру I. Дважды в 1798 г. обращалась к Павлу I и его жена, Анна Ганнибал. В октябре 1813 г. с прошением к Александру I об окончательном решении имущественного спора между его умершим братом Осипом и Устиньей Толстой обращался Петр Абрамович Ганнибал, а его жена, Ольга Григорьевна, трижды обращалась к Екатерине в 1792 г. по делу о получении с него содержания. В общей сложности было принесено в этих спорах не менее 22 прошений; из них в 17 так или иначе была замешана Устинья Толстая.

Прогрессивные идеалы пушкинского времени резко изменили отношение к женщине. Из предмета обладания мужа-собственника, из подневольной домашней рабы, из объекта временной страсти женщина стала, по крайней мере в поэтическом ее отображении, предметом любовного преклонения, вдохновительницей высоких порывов, услудой горестных сердец. Любовная привязанность к женщине стала в центре всех переживаний, создающих радость жизни. Но контраст между этой романтической любовью и брачными узам стал еще более резким. Трагедия брака, разрушающего эту любовь или воздвигающего, в силу неумолимых законов общества, непреодолимые препятствия для любви, стала излюбленной темой поэзии. Эта трагичность брака нашла свое яркое отображение во многих произведениях Пушкина. Здесь не место углубляться в исследование творчества Пушкина с этой точки зрения. Но один мотив, проходящий красной нитью чрез многие его произведения, следует здесь все же отметить: мотив супружеской верности, которой Пушкин отдает неизменно предпочтение пред влечениями «страсти нежной», даже тогда, когда брак был подневольным. На торжестве супружеского долга построены два главных пушкинских романа. В обоих случаях подчинение женщины этому долгу служит развязкой всего романа:

— Вы свободны, — говорит Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она: — поздно! Я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите? — закричал с отчаянием Дубровский: — нет! вы — не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться!..

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью: — князь — мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала, я ждала вас до последней минуты... но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

И еще с большей силой этот мотив звучит в незабываемых заключительных строфах «Евгения Онегина»:

«Меня слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

Не одно поколение русских женщин пролило в тиши слезы над этим трагическим концом бессмертного произведения Пушкина. Но едва ли многие из них знали те сокровенные струны, которые звучали в душе Пушкина, когда он творил эти образы. Подневольный брак... действительная или мнимая измена... тиранство ревнивца-мужа... рабская жизнь... нескончаемые тяжбы и взаимные оскорбления... обивание порогов трона... Как живы были эти картины минувшего семейного быта его предков в душе поэта, и как мучительно он должен был переживать их!

П. И. Люблинский.

КОНСИСТОРСКОЕ СЛЕДСТВИЕ

Святейшаго правительствующаго синода члену, преосвященнейшему господину Инокентию, архиепископу псковскому и рижскому.

Из духовной вашего преосвященства консистории

Доношение

Прошло 1779 года августа 29 дня по присланному в консисторию псковского наместничества советника, флота артиллерии 2-го ранга капитана Осипа Абрамова сына Ганнибала от первой его законной жены, Марии Алексеевой дочери Пушкиных, о вступлении ис Ганнибалом от нее, первой его жены Марии Алексеевой, во второй без законный брак со вдовою, капитанскою женою, Устиньей Ермолаевой дочерью Толстой, оставя ее Марью ис прижитою с ним Ганнибалом дочерью Надеждою пятилетнею в совершенном презрении, прошению, произведено в консистории вашего преосвященства следствие, по которому оказалось:

Онный Ганнибал в допросе своем между прочим показал, что якоб он ту свою первую жену, во первых, от законнаго с ней сожития оставил по ее злонавию и худым поступкам и якобы ее артиллерии с порутчиком холостым, состоящим в лютерском законе, Карл Транзею, заставал неоднократно в спальне в непристойном порядке и в одной только рубашке, о чем де от него и засвидетельствовано было отставному инженер-прапорщику Гавриле Иванову сыну Лихачеву, в чем на него и слался; а хотя де о том же были сведомы и жительствующие в доме его Ганнибала дворовые люди, но те были жены его Марьи крепостные, на которых он и ссылки иметь не может (а кто оные люди по имянном и отчеством, и мужеска или женеска пола, о том от него Ганнибала не показано); а потом де писала к нему Ганнибалу в прошлом 776-м году в мае месяце, живучи в Санктпетербурге за своею рукою и за свидетельством брата ее роднаго, полковника Михаила Алексеевича Пушкина, письмо, что она с ним Ганнибалом жить не желает и оставляет его во всех претензиях свободным. И в прошлом де 1778-м году, в декабре месяце, приехал он Ганнибал в Санктпетербург и о чинении ему с тою его первою женою формального развода словесно просил ваше преосвященство; на что де ему и соизволили приказать со объяснением о том разводе настоящего дела подать прошение; но как де тогда наступал праздник рождества Иисус-Христово, а потом и будущие праздники, то и поехал он Ганнибал тогда из Санктпетербурга в Красное Село к зятю своему Александр Осиповичу Мазу; и как де он из двора по вечеру выехал, то де близ Сергиевской церкви незнаемый ему салдат подал самому ему Ганнибалу подписанное на имя его письмо, которое де он, взяв и за темнотою не читав, положил к себе в карман и на начлеге прочитал и усмотрел, что то письмо писано от брата роднаго оной его первой жены, полковника Михаила Алексеева сына Пушкина, что его Ганнибала жена, а его родная сестра померла; почему он Ганнибал, уверясь на том писме, не зная их умысла, о формальном разводе с тою его первою женою прозбу свою и оставил; которое письмо в оригинале и представил; и что он то письмо от онаго ее брата за подлинное, а не за ложное почел, в том может утвердить клятвенною от себя присягою. Буде же тот ее брат паче чаяния от того писма, что якобы он его к нему не писал, будет иметь отпирательство, то он Ганнибал и ему отдаст на таковуюж клятвенную присягу, каковую он Ганнибал и на себя приемлет. И утвердясь де на том писме и считая себя от оной его пер-

вой жены Марии Алексеевой свободным, по имени ему от роду 35 лет вступил во второй брак с вышепомянутою капитанскою женою, вдовою Устиньею Ермолаевой дочерью Толстых; венчаны они 1779-го году в генваре месяце епархии вашего преосвященства Новгородскаго уезда приходе Апросьевскаго погоста Иоанно-предтечевские церквы священником Василем Мпхайловым с причетники; и жил де с нею Устиньею до получения о вышепереченной ево первой жене, что она находится в живых, известия; а по том де он Ганнибал с тою ево второю женою, по резолюции вашего преосвященства мая 6-го дня 1779-го году, разлучен. А на оной ево Ганнибалов запрос в присланном в консисторию из Санктпербурга от повереннаго той ево Ганнибаловой первой жены, господина коллежскаго советника Александр Гавриловича Окунева доказательстве, между прочим, показано: что от него Ганнибала к единому поношению первой ево жены вышепоказанное все в допросе показано ложно; ибо де сам он Ганнибал от той своей первой жены полюбил ее крепостную девку (а как той девки имя и отечество и где ныне она и в живых ли находится, о том от него, господина Окунева, в доказательстве не объявлено) и находясь де он Ганнибал всегда в вольных домах и с публичными девками (а когда и где и с какими именно, и о том от него Окунева точно не показано и никакова на то свидетельства не представлено); и о развратной де ево Ганнибала жизни просила она родственника ево, артиллерии капитана Муравьева, но и оное де осталось без успеха, в чем им Муравьевым и свидетельствуется; в бытность де оной ево жены Марии с ним Ганнибалом в Санктпетербурге, артиллерии поруччик Карл Транзе при нем Ганнибале и без него в доме бывал, но она Мария с ним Транзю непристойных обращений не имела, да и оной ее муж Ганнибал никогда ево Транзе одного с ней Марьею в спальне в непристойном порядке в одной только рубашке не заставлял; да и в какия бы времена сие им видимо было, не называл и в том на представленного от него Ганнибала вышепоказанного отставного инженер-прапорщика Гаврилу Лихачева за свойством и их содружеством не шлется; а та ево первая жена ссылатся на самого ево Транзея; а сверх того утвердить имеет невинность свою клятвенно. А как де она ево первая жена Марья, будучи в Петербурге, узнав об нем Ганнибале, что он жительство имеет в селе Красном, то и писала к нему письмо, чтоб он взял ее к себе, но в ответ от него получила письмо ругательное, в котором именно ей запрещает к себе приезжать и что он с нею навеки жить не хочет. А потом де, по совету зятя ево Ганнибалова, господина генерал-майора Неелова, такое письмо к нему Ганнибалу она Марья написала, что она от всех претензий ево Ганнибала освобождает и на содержание требовать не будет, за свидетельствованием, по прозбе ее, брата роднаго, господина полковника Михаила Алексеевича Пушкина, и к нему послала; чтож де он Ганнибал показывает, якобы по выезде ево из Санктпетербурга пред праздником рождества Христова в Красное Село подал ему неизвестный солдат о умертвии той ево первой жены письмо и будто он оное читал на ночлеге, а как де печать, так и руку реченнаго брата ее Марьи, полковника Пушкина, совершенно знать должен, да и по приезде в Красное село мог он послать для точнаго о том сведения в дом тетки ее родной госпожи генерал-майорши Анны Юрьевны Квашниной-Самариной; и хотя де то письмо во оригинале от него Ганнибала в консисторию и представлено, но оное составлено умышленное, а не братом ее писанное; что все относится ему Ганнибалу, а не другому кому, и из вышеписаннаго ясно видно, что он Ганнибал, нарушив первый свой законный брак, вступил во второе супружество точно беззаконно.

Оной же Ганнибал на оное доказательство во оправдании своем во всем учинил запретелство, и показываемое ею якобы в приношении том на него Ганнибала зятю ево Муравьеву жалобы свидетельство к нему Ганнибалу служить не может, ибо де он Муравьев и жил с полюбовником первой ево жены, поруччиком Транзю, в одном доме; нынеж де нанесенная на него Ганнибала несправедливость через само личное с нею сужде-

ние от ней самой открыться может, что он Ганнибал ту свою первую жену с поручником Транзею в доме наедине с одною с нею в спальне в непристойном обращении застал, в том, кроме прапорщика Лихачева, имеет самолично ее доказать и под присягою подкрепить может; а против вышеписанного письма и он Ганнибал к ней писал, изъясняя, что он Ганнибал по беспутным ее поступкам никогда ни о чем слышать не хочет и ей ни на какие письма отвечать не будет, и от дому пребыванием ее у родителя отказал; и тем своим оправданием он Ганнибал просит, чтоб к самоличному с ним Ганнибалом суждению истребовать в консисторию вашего преосвященства ту ево первую жену Марью Алексееву дочь Пушкину; а то де ему Ганнибалу ответить через посредство ее поверенных и от них еще других тому уполномоченных невозможно.

А в вышепереченных представлениях со обеих сторон писем о разводе ими самих себя оказалось: начало к тому разводу, письмо писано первое от законной ево Ганнибала первой жены Марьи Алексеевой дочери Пушкиной, мая 18 дня 776-го года, в котором написано:

«Государь мой Осип Абрамович! Нещастливые как моя, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться; когда же нелюбовь ваша к жене так увеличилась, что вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более вам своею особою тягости не делать, а растая на век и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтоб дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим; чтож касается до содержания, как для вашей дочери, так и для меня, от вас и от наследников ваших ничего ни как требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная услужница, Марья Ганнибалова».

«Во уверение сего и что оное письмо подписано рукою сестры моей родной подписуюсь, орденскаго кирасирскаго полку подполковник, Михайла Пушкин».

На том-же письме, когда оный господин Пушкин по оному делу явился в консисторию, подписано тако: «1780 года генваря 31-го дня, в присутствии псковской духовной консистории, что сие письмо писано подлинно моею рукою и подписано рукою сестры моей Марьи Алексеевны Ганнибаловой и мною же засвидетельствовано, сие утверждая, подписуюсь. Полковник Михайла Пушкин».

Второе на оное письмо от него Ганнибала к ней Марьи в ответ писано:

«Мая 29-го дня 776-го года. — Государыня моя Марья Алексеевна! Письмо ваше от 18-го числа сего мая я получил, коим со стороны вашей признается для меня быть тягостною и что разстались от меня навеки, да притом меня оставили от всех ваших претензий свободна, а требуете только, чтоб отдать вам дочь вашу Надежду, а на содержание для ее для всех вас от меня и от наследников моих ничего никак требовать не будете; и на оное имею объявить, что я издавна уже оное ваше желание и нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличившиеся ваши, в досаждение мое, и несносные для меня поступки и поныне от вас носил с крайним оскорблением; и затем ныне и я во всем по предписанному вашему требованию и со стороны моей согласуюсь, и в ваше удовольствие, как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня, свободу навеки; а дочь ваша Надежда припорушена от меня в Красном Селе моему приятелю господину маэору и управителю Александр Осиповичу Мазу для отдачи вам, которую и можете от него получить благопристойно, а кормилица при ней, как не собственная моя, так я и власти не имею оставить вам при дитяте, и затем желаю пользоваться вам златою волностию, а я в последния называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

В третьем спорном и сумнительном письме написано:

«Ноября 21-го дня 1778-го года. Государь мой Осип Абрамович! Хотя у вас с сестрою моею, а вашею женою, и несогласно было, однако я не мог того преминуть, чтоб не уведомить вас об оном, что сего ноября 3-го дня жена ваша, живучи в Москве, скончалась;

дочь же вашу я взял с собой в известныя вам деревни Воронежской губернии; прошу меня уведомить, у нас ли позволите ей жить, или к себе возмете; на оное ожидать буду от вас ответу. В протчем остаюсь ваш, государя моего, покорный слуга, Михайла Пушкин».

На том же письме своеручно оным Ганнибалом подписано: «получено 30-го числа декабря 1778-го года». И то письмо предпомянутому господину полковнику Пушкину в присутствии консистории объявлено; на котором он своеручно подписал тако: «1780-м году генваря 31-го дня, в присутствии псковской духовной консистории, по объявлении мне сего писма, по совести и по присяжной должности и по чести моей уверяю, что оное писано и подписано подлинно не моею рукою; в том и подписуюсь своеручно. Полковник Михайла Пушкин». В поданном же в консисторию от господин полковника Пушкина объяснении объявил: из всего де ясно видно, что не токмо ему Ганнибалу невозможно было принять сие письмо за подлинное ево Пушкина, но что и все сие ощутительно ложно, и вероятнее, что он Ганнибал, зделав такое беззаконие — от живой жены женился, изыскивая способ к своему оправданию, сочинил сам сие подложное письмо; да хотя бы и так, како он объявляет, что он оное письмо принял за подлинное ево Пушкина, то можно ли вообразить, чтоб человек с здравым рассудком, не осведомясь нигде о смерти жены своей, имел способ верно узнать в доме тетки ее родной, госпожи генерал-майорши Квашниной-Самариной, которой дом ему очень известен и неподалеку от дому отпа ево, на таком сумнительном письме основался, и приступил к такому важному преступлению, как есть нарушение священного таинства брака; ежели же всех сих ясных изобличений не довольно, то безо всякаго угрызения совести клятвенно утверждать будет, что того писма о смерти сестры своей не писывал и что оно точно подложное; а ему Ганнибалу на присягу отдать в силе законов не должно, ибо, вступив в без законной второй брак, зделался он явным клятвопреступником и прелюбодеем; с сим же подложным письмом просит учинить в силе законов о пасквилных писмах.

А понеже, хотя господин капитан Ганнибал на первую свою законную жену Марью Алексееву дочь Пушкину, еще живучи с ней в законном супружестве, вышепоказанное якобы с порутчиком Транзей, равно и оная ево первая жена Марья Алексеева дочь и на него Ганнибала с неизвестными девками прелюбодейство друг на друга и показывают, но онаго ныне за действительное почесть невозможно, потому де что в то самое время с обеих сторон нигде о том прозбы никакой не происходило, никому было не объявлено и после того оба они жили в законном супружестве; второе, от обеих же от них в том и ныне никакого законнаго свидетелства не представлено; и затем о точном их прелюбодействе, подлинно ли от них оное происходило, за справедливость, как ныне они между собою показывают явные друг на друга подозрения, признать и невозможно; при том же и капитану Ганнибалу, что он, жениась от живой своей первой жены на другой, сие ко оправданию служить не может. Хотя же оба они и присягою утвердить соглашаются, но уже оные их друг на друга доносы ныне вступили, по их непрекратимой ссоре, а не тогда, когда от них то прелюбодейство якобы происходило; и потому, как их совести закрыты, чтобы чрез то и не последовало от кого либо какого душевредства, до той их клятвенной присяги, в силу воинских процессов 2-й части главы 9-й, 10-го пункта, допускать сумнительно, а предать их в том суду божию.

Что же он капитан Ганнибал вступил по вышепрописанному одному сумнительному письму, без всякаго якобы о умертвии той ево первой жены разведывания, во второй яко уже без законной брак с капитаншей Толстой, и в том он оказывается виновен, потому что то письмо якобы все подлинно было писано рукою полковника Пушкина и по свидетелству консистории с характером других писем руки онаго Пушкина много сходства не имеет. Да и оной же полковник Пушкин, будучи в присутствии консистории, сам довольно оное

разсматривая, объявил, что онаго письма никогда не писал и характер письма писан подлинно не его рукою; в чем на нем и учинил выше сего написанную при присутствии консистории надпись; в самом же том подлинном письме, ис какового оное селения писано или с почты получено, и никакой на нем печати не значится. В допросе же он Ганнибал показал, что тогда, когда он ваше преосвященство словесно просил, наступал праздник рождества Иисуса Христова, а потом и будущие праздники, то и поехал он Ганнибал тогда к зятю своему Александру Осиповичу Мазу с таковым расположением, чтоб по прошествии тех праздников непременно просить вашему преосвященству о формальном с тою его первою женою разводе; а письмо якобы о смерти жены ево получил уже декабря 30-го дня 1778-го года. И то ево показание о получении того письма оказалось несправедливое, потому что 30-го числа декабря было уже по наступлении праздника рождества Христова, а не так как он показывает, что оное получил, ехав из Санктпетербурга пред тем праздником. Да и на то письмо он Ганнибал к нему Пушкину не только якобы о умертвии ево жены, ниже об оставшей ево дочери, где оной впредь быть, ничего не ответствовал, почему само себя показывает оное письмо сумнительным; и в разсуждении онаго и до клятвенной присяги, которую оба они, полковник Пушкин и капитан Ганнибал, приемлют, допускать их ко оной, в силу вышепрописанных же процессов 2-й части главы 5-й 10-го пункта, нужды не предвидится. Сверх же того, ежели бы оную к решению того письма, каким ево почесть за подлинно должно, клятвенную присягу и учинить надлежалоб, то для вышепрописанных резонов следует оную исполнить полковнику Пушкину, для того, что, хотя по процессам же 2-й части 5-й главы 4-го пункта и повелено присягу очистительную ответчику, а не челобитчику чинить, и остается оное на ответчиковой же стороне, но по тем-же процессам, той же второй части 5-й главы 5-го пункта, то ответчика к такой присяге принуждать не надлежит, разве притчина ево одним свидетелем уже очищена или имеется еще в подозрении, а оной полковник Пушкин почитает ево Ганнибала, в той ево яко без законной от живой жены женитьбе, за явного уже прелюбодея и за тем ко оной клятвенной присяге ево Ганнибала не допускает, а приемлет оную на себя, которую и сам он Ганнибал ему Пушкину по допросу своему отдать не отрекся.

Вышереченный же Апросьевскаго погоста священник Василий Михайлов и пономарь Иван Евстратов в консистории за рукою скаскою показали: генваря де 9-го дня прошлого 1779-го года позван был он, священник Василий, с причетниками пред светом в дом к прихожанке ево, означенной капитанской жене вдове Устинье Ермолаевой дочери Толстой, для служения всенощнаго бдения и молебна Казанской богоматери, у которой он священник с причетники показанную службу и отправил, и после де того та госпожа Устинья Ермолаева объявила ему, священнику с причетники, что де она сыскала себе жениха, псковскаго наместническаго правления советника, Иосифа Абрамовича сына Ганнибала, с которым и желает тогож генваря 9-го дня законным браком сочетаться, и просила ево, священника, чтоб ее с показанным женихом повенчать, на что де он священник с причетники и согласился, усмотря он, священник, ее жениха в доме ее, и требовал от них подписки, что тот ее жених не имеет ли у себя другой законной жены в живых, а ее госпожу Устинью Ермолаеву знал, что она подлинно вдова и ево священника прихожанка. Тогдаж в доме ее, Устиньи Ермолаевой, показанной ее жених, после отправления службы до бракосочетания, дал ему священнику своеручное письмо в том, что он находится подлинно вдовой, которое письмо в оригинале он, священник, и представил; и по тому писму ее, госпожу Устинью Ермолаеву, он священник с дьячком Васильем Ивановым (который за известную виновность вовсе из церковнаго причта исключен и отослан из консистории для положения в подушной оклад) и пономарем Иваном Евстратовым, в показанной приходской Иоанно-предтеченской церкви по церковному чиноположению подлинно повенчал;

причем венчальными отцами были от жениха Навережского уезда помещик Назар Иванов сын Румянцев, а от невесты, приходу ево-же священника помещик же Иван Захарьев сын Яхонтов, а венчальных матерей ни с которой стороны и поезжаней никого не было; дьякон же при том венчании не был, он же, священник Василий с причетники, об означенных женихе и невесте, по силе правил святых отец и указов, повального обыска и подписки с венчальных отцев не взяли, и к присяге их не привели, потому что укрепились на бракосочетающихся и венчальных отцов совести и словесном их показании, что он Ганнибал подлинно находится вдов. А в показанном, данном священнику от него Ганнибала своеручном письме написано: «Я нижеподписавшийся находился вдов, а ныне в 1779-м году генваря 9-го дня женился на вдове же госпоже капитанше Устинье Ермолаевне Толстой, и сию подписку дал во уверение в Погосте Апросьева священнику Василию Михайлову. Псковскаго наместничества советник Иосиф Аврамов сын Ганнибал подписуюсь.» И по тому в венчании онаго Ганнибалова брака и он, священник, оказывается виновен: 1-е, в том что брак совершил, не учиня, в силу именного ея императорского величества 1765 году июля 18-го дня указа, повального обыска через неделю, что он Ганнибал подлинно вдовец; 2-е, за силу состоявшегося прошлого 1724 года генваря 5-го дня за подписанием блаженная и вечной славы достойная памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийскаго указу, бывших при том браке вышписанных венчальных отцов Румянцева и Яхонтова не привел к указанной присяге и ниже с них какова письменнаго обязательства не взял, да и совершил тот брак без венчальных матерей, да и в метрические книги онаго не вписал, да и письмо уже Ганнибал о венчании себя дал (как из самого его видно) уже после брака, а не так, как священник ис причетники в допросе показали, перед браком, и то несправедливо; за что он священник и бывший при том пономарь; и за писание разводных писем первая ево, Ганнибалова, жена Мария Алексеева дочь Пушкина; и за засвидетельствование от нее онаго и брат ее родной полковник Пушкин; равно и капитан Ганнибал, за таковоеж к ней писанное и подлежательны штрафованию; а что первая ево Ганнибалова жена Марья в законном сожитии по поданной от себя челобитной объявляет, что жить с ним Ганнибалом не желает, то по неимении ее при консистории в лицах и по не отобраанию в том от самой ее законной притчины, консистория теперь никакого средства положить не может. Того ради вашему преосвященству, с прописанием вышеявствующаго из дела обстоятельства и предписанных резонов, сим доношением почтенно представляет и обо всем том, как главному своему отцу и архипастырю, предает вашему преосвященству на главное благоразсмотрение. Декабря 18-го дня 1780-го года.

У подлинного доношения подписано: Иосиф, архимандрит монастыря Псковопечерского; семинарии ректор Святогорский архимандрит Варлаам; Иоанн, протопоп Троицкий; секретарь Николай Карпов; стряпчий Лаврентий Зотов.

2

АРХИЕРЕЙСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ.

НА ОНОМ ДОНОШЕНИИ РЕЗОЛЮЦИЯ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА ВОСПОСЛЕДОВАЛА ТАКОВАЯ:¹

Как из сего дела явствует, 1-е, что законная господина Ганнибала жена писмом своим от сожития с ним отреклась не прежде, как по оказавшейся уже к ней от него не

¹ Эта резолюция псковскаго архиепископа Иннокентия, напечатанная в кратком извлечении в статье В. О. Михневича (Истор. Вестник, 1886, № 1, стр. 119—120), перепечатана полностью в «Литературной летописи» (Пушкинский том) 1936, стр. 249, со случайного списка. Здесь она воспроизводится по копии, имеющейся в деле Осипа Ганнибала с его женою М. А. Пушкиною.

любви, столь отвратительной, что он жить с нею не желал, и на первое письмо ея, чтоб он ее взял к себе, писал к ней в ответ (как она к доказательству объявила) с ругательством, и приезжать к себе запретил, чего и сам он Ганнибал не только ни чем не опровергал, но еще в том, что он тое жену свою, якобы по злонавию и худым ея поступкам оставил в ответе своем сам признался, что, хотя б и подлинно от нея происходило, обязывало его только употреблять благопристойные меры исправлять, а не оставлять законную жену свою. А потому и открылось, что начало к расторжению законного сего брака воследовало не от жены, но от мужа; следовательно и во второй брак вступил он господин Ганнибал в противность слову божию и церьковным правилам не законно, паче же беззаконно. 2-е. Что-ж касается до подозрения в прелюбодеянии, показуемаго им господином Ганнибалом на жену свою: сие показывать он начал в самое то время, когда уже сам от нее, чрез вступление его в незаконной брак, в явном прелюбодеянии обличен, до тогож времени, за сим акибы винословием, о разводе с нею, формальной прозьбы не смел, да и ныне, по начавшемуся уже о сем делу, ничем того не доказал. Сверх сего, по одному подозрению, хотя-бы и доказано было, без явного в прелюбодеянии обличения, по слову божию и законам, разводу чинить не следовало. 3-е. Что же паки касается до извинения его, господина Ганнибала, о вступлении его в незаконной брак, яко бы по дошедшему до него сведению о смерти законной жены ево: и будто-бы учинилось сие чрез письмо брата ея господина полковника Пушкина, то и сие оказалось не справедливым. Ибо, не только по отрицательству ево, господина Пушкина, от того письма под клятвенным, ежели б потребовалось, в том уверением, но и по свидетельству консисторскому о несходстве того писма с письмом руки ево, господина Пушкина, точно оное оказалось подложным. Подлог сей обличается сверх того и самим ево Ганнибаловым показанием: что якобы оное подано ему в Санктпетербурге, в проезд ево из онаго в Красное Село на дороге, от неизвестнаго ему солдата, пред праздником Рождества Христова, — а на том письме, рукою его подписано, что оное получено декабря 30 дня 1778 года, читал же де оное письмо на начлеге, какового по близости от Санктпетербурга до Красного Села и быть не могло. Но, хотяб оное письмо писано было и подлинно братом жены его, тогда б он, господин Пушкин, только подлежал суждению за сей обман; брак же учиненной им, господином Ганнибалом, с госпожою Толстою, яко при живой законной жене, не мог оставлен быть без расторжения. 4-е. Письма, представленныя от него, господина Ганнибала, и жены ево, увольняющие друг друга от брачного сожития, как слову божию и законам государственным противныя, не могут быть сильны к расторжению законного их супружества. Почему и остается он, господин Ганнибал, как в оставлении законной своей жены, так и во вступлении от нея в беззаконное супружество, виновным. — В слове-же божиин, у Матфея в главе 19 положено: «Иже, аще пустит жену свою разве словесе прелюбодеянаго, и оженится иною, прелюботворит». В правилах святых отец: Первое шестаго вселенскаго собора 87: «Яже от мужа пущена бывши жена за другаго пойдет, пролюбодеяца есть. И пустивый жену свою и ину поим, прелюбы творит по господню глаголу». Второе: архангельскаго собора 107-е: «Малыянца распушающаяся, аще не смиритася, да преследует тако: аще ли ни: к покаянию да понуждена будет». В толковании: угодно быть отцем собора сего, по евангельскому и апостольскому учению «ни комуже своя жены не изгнати просто, ни разлучатися от нея. Аще же прилучится или мужу восхотевшу, или жене, разлучитися от сожительства и не смиритася и не восхоцета паки снитися и купно жить, да пребудут тако воединстве, и другому браку да не сочетаются. Понеже, аще кто пущеницу поимет, прелюбы творит. Аще же муж поимет иную жену, или жена ицого мужа, в покаяние да приведут, и любодеяства запрещение да примут». Третие: Василиа великаго 9-е: «Аще муж жену пустит и ину поимет и сам прелюбодей, и той прелюбодеяти творит, и живущая с ним прелюбодеяца есть».

Четвертое: Его-ж 77-е: «Иже свою жену оставил и другую поим, прелюбодей сый семь лет запрещение да примет. Лето едино да плачется, два лета послушая божественных писаний, три лета припадая и седьмое стоя с верными без общения, и потом да причастится святых даров». Военных процессов в главе 20-й артикул 171: «Кто при живой жене своей на другой браком сочетается и тако две жены разом иметь будет, онаго судить церковным правилом». Той же главы артикул 172: «А ежели супруг или хотя супруга к тому обмануты, в супружество вступит с тем, кто уже женат, оной от всякого наказания уволен и в прежней чести и достоинстве содержан будет». Того ради, учинить консистории следующее: 1-е. Брак сей, господина Ганнибала с госпожею Толстою, как противной слову божию, правилам святых отец и государственным узаконениям, а потому и баззаконной, расторгнуть вовсе и в брак не почитать. И чтоб он, Ганнибал, ее, госпожу Толстую, своею женою, а она его мужем не именовали и незаконнаго сожития не имели, в том обоих их обязать подписками, о чем, как во Псковское наместничество, так и законной жене ево Ганнибала дать знать по надлежащему. 2-е. Ему, Ганнибалу, естли законная жена ево сожитие иметь с ним паки пожелает, быть в супружестве с нею по прежнему; в том и поручить кому следует сделать им увещание. А буде она непреклонно к тому окажется, то ему, Ганнибалу, яко в явном прелюбодеянии обличенному, быть по смерть свою, или жены ево, безбрачну. 3-е. Сей же его, Ганнибала, жене, естли жить с ним не согласится, равно как второй незаконной, как невинным лицам, когда вступить пожелают в другия законныя супружества, дозволить. 4-е. На него, Ганнибала, за сие законопреступление, в силу святых отец правил, наложить церковную седьмилетнюю епитимию, а именно: 1-е. Год содержатся ему в монастыре, чего ради и истребовать ево по команде откуда подлежательно. Где будучи, приходит ему на всякое церковное пение и просить со умилением от бога прощения в своем согрешении; в келии же упражняться в чтении духовных книг и молитве, что наблюдать самому настоятелю, или кому от него поручено будет; при том во все четыре поста поститься и исповедываться, а до святого причастия, как в сей так и в протчия шесть лет, кроме смертнаго случая, не допускать. 2-е. По прошествии года, естли окажется плоды достойныя покаяния, от монастырскаго подначалия свободить, а отправлять ему оную епитимию, где находится будет, под присмотром отца ево духовнаго. 3-е. Естли законная жена ево Ганнибала и он жить паки вместе согласится, доложить; по чему и о уменьшении возлагаемой епитимии будет рассмотрение. 4-е. Чтож касается до показаннаго в прошении ево, Ганнибала, законной жены с дочерью пропитания: объявить ей, чтоб просила она о том где по законам надлежит. 5-е. Священника совершившаго сей беззаконной брак, за некоторыя, о чем в деле явствует, ево в том упущения, послать в монастырь без священнослужения, в крылосное послушание, на полгода. 1781-го года, генваря 19-го дня.

Подлинная резолюция подписана тако:

Иннокентий, архиепископ Псковский.

3

РЕШЕНИЕ СИНОДА ПО АПЕЛЛЯЦИИ

1782-го года генваря 26-го и февраля 22-го числа, по указу ея императорского величества святейший правительствующий синод, слушав апелляционной челобитной, вступившей в святейший синод означенного генваря 26-го дня, морскаго флота второго ранга капитана Осипа Аврамова сына Ганнибала, в которой, он, принося на синодальнаго члена

преосвященнаго Иннокентия, архиепископа Псковского, и Псковскую консисторию жалобу, в несправедливом решении производившегося во оной консистории о вступлении им от живой жены Марьи Алексеевой дочери Пушкиной, со второю женою вдовою капитаншею Устиньею Ермолаевою дочерью Толстых дела, представляет между прочим: что он нашел помянутую первую жену свою в своевольной распутной и соблазнительной жизни, и что она, влюбясь артиллерии в поручика Карла Транзея, коего де в дом свой впускать он запрещал, чинила нарушение супружеской должности, чего де сам он был очевидным свидетелем, заставая ево, Транзея, неоднократно в спальне наедине с нею в непристойном обращении в одной только рубашке; и когда де в таком положении решился он скрыть свое и фамилии своей безчестие и, взяв отставку, жить в доме его родителей, то и тогда оказывала к родителям ево непочитание, а ему безпрестанное неудовольствие, досады и ругательства; напоследок, по отлучке ево в Красное Село и спрося от родителей ево дозволение, по видимому для удобнейшаго продолжения непотребного жития своего, отлучилась в Санкт-петербург, и от сожигания с ним писмом своим отреклась, почему де и он ей в ответ писал, что и он ей дозволяет итти куда хочет, а после де того, где она жительство имела, совсем ему неизвестно было, а посему он и имел намерение просить помянутого преосвященнаго Псковского о разводе с нею его, Ганнибала, о чем ему преосвященному в бытность свою в Санкт-петербурге словесно и изяснялся, который де ево в том и уверил, как только скоро подаст формальную о том прозбу, но будучи к оной прозбе воспрепятствован наступившим тогда праздником рождества Христова и едуци к зятю своему в Красное Село, получил на дороге из Москвы с почты неизвестно от какого та солдата запечатанное черным сургучом письмо, котораго по бывшей тогда темноте не читал, а, остановясь на ночлеге в деревне Панове, распечатал и увидел, что оное подписано рукою роднаго той жены его брата отставнаго полковника Михайла Пушкина, которым он уведомляет, что показанная жена его, Ганнибала, ноября 3-го дня 778-го года, живучи в Москве, скончалась, почему так же и по слуху о том же от других, он Ганнибал, возвратясь во Псков, спустя несколько время вступил во второй брак с помянутою вдовою Толстых; но по кратком де времени, по партикулярному письму помянутогож Пушкина, что первая ево Ганнибала жена находится в живых, по резолюции онаго преосвященнаго Псковскаго, он Ганнибал со второю женою без суда, до точнаго о первой его жене, подлинно-ль она в живых, исследования, для соблюдения в непорочности совести и чести их и во избежание соблазна, разлучены; а потом де в 779-м году августа 2-го дня вступило в Псковскую консисторию от означенной первой его Ганнибала жены Марьи Алексеевой челобитье, будто о уезде ево из мызы отца ево, оставя ее, незнаемо куда и о прочем и о исследовании о том его со второю женою якобы незаконном браке, которое де и произведено; а при оном де помянутой полковник Пушкин в объяснении своем о вышеозначенном письме о смерти первой его, Ганнибала, жены не совсем заирается, объявляя, что оно подписано только именем ево Пушкина и то очень несходно с его рукою, а его Ганнибала прежде суда назвал уже явным клятвопреступником и прелюбодеем, консистория ж де Псковская, в противность прописанных в том челобитье законов, не входя во обстоятельства представленных от него оправданий, не изтребовав жены его к личному суждению и не учиня справки с отцом ево, на котораго де со обеих сторон была ссылка, но приняв разные затейные противников ево доказательства, рассматривала оное дело без мала полтора года, и не дав ему экстракта из дела прочитаты и по оному подписаться, представила то дело преосвященному Псковскому; а наконец де генваря 19 дня 781 года последовало от помянутого преосвященнаго Псковского решительное определение, которое ему Ганнибалу того ж году февраля 3-го дня от Псковской консистории и объявлено следующего содержания: «1-е. Что он Ганнибал оказался виновником к расторжению брака а не жена его. 2-е. Подозрение свое в прелюбодейнии на жену

свою не ранее показывать начал, как по подаче от нее челобитной, а по начавшемуся от нее уже делу; онаго подозрения не доказал, да сверх де сего по одному подозрению, хотяб и доказано было, без всякаго явнаго в прелюбодеянии обличения, по слову Божию и законам, разводу чинить не следовало. 3-е. Утверждение его Ганнибала на уведомительном письме о смерти жены его несправедливо, ибо полковник Пушкин оное не писал, первое, потому что он Пушкин сам говорил, что не писал, второе, и в том в потребном случае присягнуть хочет, третье, свидетельство консисторское нашло письмо то не сходно с письмом руки его Пушкина, да и он сам Ганнибал сказал, что письмо то получил пред праздником рождества Христова, а рукою своею на том письме подписал, что оно получено декабря 30-го дня, что и доказывает виновность его в показании на Пушкина; к тому же де никакого ночлега между Петербургом и Красным Селом быть не могло. 4-е. А хотя бы то письмо и было Пушкина, но брак бы со второю женою расторгнут быть должен, почему и остается он Ганнибал как в оставлении жены своею так и во вступлении от нее в незаконное супружество виновным, и для того, по прописании святых правил, им преосвященным определено: оной брак его Ганнибала со второю женою расторгнуть, и им друг другу женою и мужем не именоваться, в чем и взять с них подписку; жить ему Ганнибалу с первою женою естли она на то согласится, а буде не согласится, то ему Ганнибалу по смерти его или жены его яко прелюбодею быть безбрачну; и как первой жене, естли она жить с ним не согласится, так и второй незаконной— дозволить вступить за других, естли пожелают, а на него Ганнибала за сие преступление наложить церковную седмилетнюю епитимию, в начале коей содержать год в монастыре куда и изтребовать по команде; а как де человек, неведением а паче умышленно обманом в погрешность приведенный, в силу всех прав никакому наказанию не подвергается, то и приведенныя по сему делу правила из книг священных к нему Ганнибалу приложить не можно, ибо де оныя все касаются до такого мужа, которой зная что жена ево жива, а притом не имея доказательства на нее в прелюбодеянии, другую жену поимет, однако де консистория, учиня решительное определение, с коего бы ему Ганнибалу по силе указа 762-го года июля 30-го дня копию получить надлежало, но не получил, настояла на него, чтоб он согласился жить с первою женою и в том бы обязался подпискою, а он де Ганнибал, от многих претерпений зделавшись тогда болен горячкою, а паче опасаясь от строгой епитимии еще опаснейших следствий для его здоровья, принужден был дать оную, а первая де ево жена Марья Пушкина и ныне называется его фамилиею; и для того просит, чтоб оное производившееся во Псковской консистории дело взять на рассмотрение в святейший синод, и его Ганнибала от возложенной на него епитимии, к которой он из команды требуется, свободить и со второю женою жить дозволить, а первой жене его, Ганнибала, фамилиею, не именоваться; с поминаемым же в том деле полковником Пушкиным за обещание его Ганнибала поносными словами поступить по законам. Приказали: По оной апелляционной челобитне решенаго синодальным членом преосвященным Иннокентием архиепископом псковским дела на апелляцию к рассмотрению в святейший синод не требовать, для того, что имянным ея императорского величества о апелляционных делах 762-го года июля 30-го дня состоявшимся указом точно повелено: «когда где какое дело решено будет и протокол подписан, то оной тот час как истцу так и ответчику объявить и, списав за скрепою секретарскою, обоим им дать копии объявля притом, что естли кто из них решением не доволен, тот бы под делом подписал, не продолжая более трех дней, а по крайней мере недели, что будет бить челом в вышнем над оным правительстве о апелляции». А хотя в том же указе ниже изображено, что: «Естли кто паче чаяния по решению в нижнем судебном месте, по объявлении решительного определения и не подпишется, что возмет апелляцию, то однакож ему сего в вину и просрочку о апелляции не почитать, но положенной

срок остается в своей силе потому, что сие единственно ко удовольствию и облегчению обиженных устанавливаем. Но как весь тот высочайший указ о апелляции таким просителям, кто решением нижнего правительства будет недоволен, а напротив того означенный проситель флота капитан Ганнибал сам в челобитной своей показывает, что он копии с решительного определения хотя не получал, но по объявлении ему того о расторжении второго его Ганнибала с Устиньей Ермолаевою Толстых брака определения, сходственно со оным о жительстве ему с первою его женою, февраля 3-го дня 781-го года подписался, то само по себе значит, что он тогда таковым решением оказал себя довольным, а потом и апелляцию вносить право свое потерял; что же он Ганнибал в нынешней своей челобитной показывает, что подписку принужден учинить по настоянию о том от консистории, зделавшись тогда от многих претерпений болен горячкою, а паче опасаясь от строгой епитимии еще опаснейших следствий для его здоровья, то сие вероятно не наслуживает, ибо в такой болезни и в консисторию ему притйти невозможно было, а консистория настоять, чтобы он под определением подписался, долг имела, но он Ганнибал, естлибы из того определения усмотрел в чем несправедливость, не должен был давать такую подписку, и для предохранения себя от опаснейших, по его соображению, следствий мог иметь более побудительную причину поспешить подписанием точного своего оным решением не удовольствия и о будущей от него апелляции в нынешнем правительстве, и чрез то остановить до рассмотрения сего дела в святейшем синоде все по тому определению исполнение; сверх того, буде бы от консистории усматривал он какое себе притеснение, или бы на то время подлинно был в горячке, то ему о сем тогда же, где надлежит, и просить надлежало, но он не только после того целый год без восьми только дней, о том нигде не доносил, но и ныне в своей челобитной, чтоб консистория точно к таковой, какую он дал, подписать принудила, не показывает; по каковым обстоятельствам означенной его, Ганнибала, челобитной, в противность выше прописанного высочайшаго о апелляционных делах указа, в действие принимать не следует, да хотя бы к принятию той от него апелляции такового препятствия не настояло, то и затем в рассмотрение онаго решенаго епархиальным преосвященным о нем Ганнибале дела вступать святейшему синоду нужды не состоит, для того, что сам он, Ганнибал, тою же челобитною себя изобличает: что первая его законная жена Марья Алексеева и ныне находится в живых, и во второй брак, не будучи с первою по правилам разведен, вступил он в противность слова божия и всех церковных правил, какового соблазна в церкви терпимо быть не должно, и вторую его, Ганнибала, жену, каким бы образом он ни вступил с нею в брак, при первой его находящейся в живых законной жене, признать законною отнюдь не возможно, а как и в высочайшем ея императорского величества наказе комиссии о составлении проекта новаго Уложения 10-й главы в 178-м отделении изображено: «Где законы ясны и точны, там долг судьи не состоит ни в чем ином, как вывести наружу действие», действие же в разсуждении дела помянутого Ганнибала собственным его во означенной его челобитной признанием уже выведено, для того и решению об нем синодального члена преосвященного Псковского, яко с словом божиим и с правилами святых отец согласному, остаться в своей силе, тем паче, что проситель Ганнибал и в нынешней своей челобитной сверх произведенного уже следствия, по которому он виновным признан, вновь таких обстоятельств, коибы могли представить ко оправданию его новые доказательства, могущие переменить существо действия, ничего не показывает, хотя же он, Ганнибал, о вступлении ево во второй брак извиняется, первое, показуемым на законную жену подозрением, второе, неведением, а паче умышленно обманом от другого полученным им якобы о умертвии той ево первой жены писмом, но оное к сожитию ему со второю мнимую его женою оправданием не служит, ибо одно подозрение на законную жену

(в чем он кроме самого себя никакого постороннего свидетельства не представил) хотяб и доказано было, то по слову божью разве словесе любодейна, брак не расторгается. А что письмо подложное, в том самую жизнь первой его жены явственно изобличается; буде же бы сыскалось, что им и подлинно он обманут, то посему он заслуживал бы только облегчение в возложенной на него эпитемии, но и в том никто им не доказан; а в бесчестии на полковника Пушкина должен он, Ганнибал, естли пожелает и доказать может, просить в светском суде, чего ради о сем ему, Ганнибалу, и мнимой его жене объявить по надлежащему.

Подлинной, за подписанием святейшаго правительствующего синода, марта 15-го дня 1782-го года.

4

ЧЕЛОБИТНЫЕ НА ИМЯ ЕКАТЕРИНЫ II

А. Прошения М. А. Пушкиной

I

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом артиллерии 2-го ранга капитана Осипа Аврамовича, сына Ганнибала, жена Мария Алексеева дочь, урожденная Пушкина, о чем мое челобитье, тому следуют пункты:

1-е

В прошлом 1772 году от родителей моих выдана я была в замужество за предписанного Ганнибала, который, прожив приданное мое движимое и недвижимое имение, оставя без пропитания ис дочерью, в 1776-м году меня покинул, а потом в 1779-м году от меня, живой своей жены, вступил во второй незаконный брак, о чем от меня в Псковской духовной консистории и прозьба производила, и по исследовании как в означенной духовной консистории, так и по рассмотрению святейшаго синода, найден он во всем виноватым, почему и определено ему в наказание семилетняя Епитемья, а мне как невинной вступить по желанию моему и в другое законное супружество дозволено; что касается до состояния моего, что я осталась ис дочерью без пропитания, объявлено мне, чтоб просила я где надлежит по закону.

2-е

С самого того время как в 1776-м году муж мой меня покинул я по сие время не имею никаких доходов, чрез что и лишена я тех способов не токмо, чтоб дать дочери моей приличное благородной особе воспитание, но необходимого к своему содержанию не имею; желание ж родственников мужа моего есть, чтоб из его имения составить мое и дочери моей состояние так, как из приложенного при сем письма деверя моего генерал порутчика и кавалера Ивана Аврамовича Ганнибала, писанного к свойственнику моему, полковнику Петру Ивановичу Турчанинову, явствует.

И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое челобитье в Санктпетербургское губернское правление принять и по силе вашего

императорского величества высочайшего учреждения, главы XVI статей 212, 213, 215 и 217, к имени мужа моего определить опекунов, которые по благоразсмотрению своему из движимого и недвижимого его имения как на воспитание дочери моей, так и по законам мне принадлежащее доставили, всемилостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье решение учинить. Апреля « » дня 1782 года.

К сей челобитной морской артиллерии второго рангу капитанша Марья Алексеева дочь Ганнибалова руку приложила.

(Дата о получении 18-го апреля 1782 г.).

К сему приложена справка губернского правления от 29 апреля 1782 года.

II

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом морской артиллерии капитана 2-го ранга Осипа Абрамова сына Ганибала жена его, Мария Алексеева дочь, а о чем мое челобитье, тому следуют пункты:

1-е

С 1772 году, вышед замуж за означенного Ганибала, узнала я, что за худое его поведение находится он под гневом у отца своего, который, не токмо чтоб давать ему на содержание, запретил ему себя видеть и по невоздержности своей имел на себе долги, для чего я принужденною нашлась, будучи с мужем моим в Муроме, продать приданую свою деревню в Ярославском уезде тридцать семь душ и те заплатить его долги. Потом, поехав в Санкт Петербург, испросила у отца мужа моего ему прощение и позволение к нему приехать.

2-е

Муж мой, возвратясь в дом ко отцу своему, недолгое время жил в порядке, но, следуя дурным своим склонностям, часто заслуживал гнев родительской и, чтобы от него избавиться, бежал из дому, оставя к отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся. Я же, будучи оставлена мужем с грудным ребенком, употребляя все способы узнать куды он скрылся, наконец сведала, что он пребывание свое имеет скрытно у приятеля своего Красносельского управителя Маза, куды писала я к мужу моему, чтоб он меня к себе взял, но он меня принять к себе никак не хотел.

3-е

Издержав я для заплаты долгов мужа моего все мое движимое и недвижимое имение, будучи я так нагло покинута с малолетнею дочерью и оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в деревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался. Потом в 1779 году муж мой, будучи во Пскове, женился от меня, живой жены, на другой, и во Псковской духовной консистории оное его преступление исследовано и кончено, и решение консистории святейшим синодом утверждено, и он найден во всем виновным. Второй его брак яко незаконный опровержен и я с ним формально разведена, но что-ж касается до прожитого за мужа моего имения и что я осталась из дочерью безо всякого пропитания, объявлено мне, чтоб просила я, где по законам надлежит, почему в прошлом 1782 году от меня челобитье было в здешнее наместническое правление, чтоб, по силе высочайшего вашего императорского величества Учреждения, дворянская опека вошла в призрение

бедственного моего и дочери моей состояния, но она челобитная возвращена мне с пописью. И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено бы сию мое челобитье принять, и как я нахожусь из дочерью безо всякого пропитания, указать из имени мужа моего составить мое и дочери моей состояние.

Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем прощении решение учинить.

К сей челобитной морского флота второго ранга капитанша Марья Алексеива дочь Ганнибалова руку приложила.

(*Пометка*): Сей подаче надлежит к рекетмейстерским делам.¹

Б. Прошения О. А. Ганнибала

I

Всемилоостивейшая государыня!

Монаршее вашего императорского величества о благоденствии подданных ваших попечение ласкает меня надеждою получить на сие всеподданнейшее прошение всевысочайшее и человеколюбивейшее вашего величества внимание.

1772-го года Ноября 9-го дня соединился я законным браком с девицею Марьею дочерью Пушкиной, которая потом, предав себя своенравию и распутной жизни, чинила мне стыд и поношение. Все благоразумия и пристойности меры к отвлечению ея от предосудительных поступок нимало не соответствовали моему усиленному старанию. И к крайнему сердца моего поражению принужден был очевидным быть свидетелем ея соблазна. В таком положении, желая скрыть свое безчестие, уговорил ее жить в мызе покойного отца моего Генерала-Аншефа и кавалера Аврама Петровича Ганнибала, где, как в уединенном месте, предав прежнее забвению, надеялся лучше успеть в ея исправлении. Но в сей надежде я весьма обманулся! Жена моя на все снисходительныя и ласковыя увещевания моих родителей ответствовала только непочитанием их и огорчениями. И наконец во время моей отлучки, выманив у отца моего денег, со всем своим имением, кроме одной малолетней дочери, в Петербург уехала. От куда прислала ко мне писменный отзыв, с коего подношу копию, засвидетельствованный ея братом подполковником Михайлою Пушкиным, что она жить со мною более нежелает и растается на веки, не требуя ни чего на свое содержание ни от меня, ни от моих наследников. И пробыв потом в Петербурге более трех месяцев, скрылась неизвестно куда. Крайний сей жены моей поступок не обещал мне никакой надежды к ея поправлению. Почему и просил я преосвященного Инокентия архиепископа Псковского о разводе меня с нею, который изволил меня уверить в решении по моему желанию. В ожидании коего, за случившимся тогда рождества Христова праздником, едучи из города в Красное Село, получил я из Москвы с почты от родного брата жены моей, Михайлы Пушкина, письмо, которое так же при сем подносится в копии. В оном уведомляет он меня, что сестра его, а моя жена, 3-го ноября 778-го года в Москве померла. И так, я не имея нужды продолжать начатую прозьбу о разводе, поехал в Псков к своей должности; где на конец поступил во вторый брак со вдовою госпожею Толстою. В коем супружестве начал я забывать горестныя напечатления перваго брака и уже спокойствие духа совсем возвратилось, как объявили мне, что первая жена моя жива и просит о разводе со второю. Сие странное явление поразило меня крайне и купно открыло, что Михайло Пушкин с сестрою своею, зная о моей прозьбе и чувствуя, что мне по разводе и при жизни ея вторично жениться можно будет, умыслили прислать ко мне упомянутое письмо на тот конец, что естли я, положась на известие его Пушкина, прозьбу

¹ Прошение это передано Екатерине А. Д. Ланским 14 февраля 1783 г.

как уже тогда не нужную, оставляю и женюсь вторично, как то и самую вещь случилось, чрез то неправому их делу дам вид вероятности и запутаю свое. Сей умысел их тем более оказался, что упомянутой Пушкин от письма того, рукою его писанного, отрекся, да и дерзнул еще упрекать меня в сочинении того, что я делать ни малейшей не имел надобности; ибо брак мой с сестрою его Пушкиной в силу вашего императорского величества законов должен был упраздниться так, как упомянутой преосвященной в том меня и уверил, я же отъезжая не имел намерения поступить во второе обязательство, а сделалось то случайно. В чем оправдает меня свидетельство родного ее брата, яко важное и несомнительное.

Дело производилось в Псковской духовной консистории, где однакож первая жена моя по усильному моему требованию самолично к оправданию не предстала, а действовала поверенными, из коих первой на мои оправдания, не учинив ни каких уличений, отозвался писменно не именем у него на то документов. Другие же поверенные составляли только ябеды и клеветы, до проволочки дела касающиеся, так что упомянутая консистория, не исследовав истинну дела того, как законы вашего императорского величества повелевают, представила о том преосвященному Инокентию, которой присланною резолюциею в консисторию изволил приказать: ПЕРЬВОЕ, заключить меня по разводе со второю женою, яко явнаго прелюбодея, без всякого в том обличения, на год в монастырь, куда меня уже неоднократно по команде и требовали, с наложением еще шестилетней Епитимии; ВТОРОЕ, не именоваться ей моею фамилиею; ТРЕТЬЕ, если первая жена согласится жить со мною, то оное дозволить, буде же не согласится, то дозволить, как ей, так и второй жене, вытти за муж.

Сие решение сколько не справедливо, столько и строго; несправедливо: — поелику побег жены моей, писменный ея отказ от сожития со мною, которой она и во время производства дела в консистории подтвердила, и прозьба моя, ухищрением упомянутых Пушкиных без действия оставленная, явно обличают решение оное в несправедливости; а строго; — для той причины, что оно в пользу такой персоны, которая безчинством своим учинилась недостойною мужнина ложа, ея самую нежеланного, разлучает безвинно двух не токмо законом, но и взаимною склонностию связанных, и чинит оных неправедно злощастными прелюбодеями. Таковое решение не может быть основано на правилах святых отцев. В защищение от строгости изображенной резолюции, его превосходительство Яков Ефимович Сиверс чрез письмо уверял его преосвященство о моей невинности равно и о честном поведении, за которое я всегда как от начальников, так и всего благородного общества псковскаго наместничества, заслуживал отличныя доверенности к себе знаки, получал всегда и при выборах почетнейшия места, от куда по имянному вашего императорскаго величества указу назначен был в советники в Санктпетербургское правление; но мучительныя мои обстоятельства, причинившия мне болезнь тяжкую, воспрепятствовали пользоваться всевысочайшею сею милостию.

Всемиловитейшая государыня! Милосердие и суд исходят от престола вашего величества; ниспослите луч правосудия на пораженнаго Ганнибала неправедными фамилии Пушкиной происками. Востановите жизнь мою человеколюбивым возвращением меня от 7-ми-летней Епитимии, не по достоянию на меня возложенной! Таковая высочайшая вашего величества милость пребудет в памяти моей и всего моего рода непреложна; к отвращению же всякаго первой жены моей не удовольствия, не будучи к сему обязан, отдаю ей в купе с малолетною моею дочерью четвертую часть моего отцовскаго именина.

Вашего императорскаго величества

Всеподаннейший раб

Иосиф Ганнибал.

(Прошение это было подано в сентябре 1781 г. и доложено 22 декабря 1781 г.).

II

Всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая государыня!

На поднесенное мною вашему императорскому величеству всеподданнейшее письмо относительно неправого во Псковской духовной консистории решения, по бывшему во оной от первой жены моей Марьи Алексеевой, дочери Пушкиной, о разводе со мною делу, рассмотреть оное святейшему правительствующему синоду всемилостивейше указать благоволили; в следствие сего в оной и подана от меня апелляционная челобитная, с коей при сем подношу копию с экстрактом; но святейший синод, держа оную у себя несколько месяцев, наконец определил: «по оной апелляционной челобитне решенного синодальным членом преосвященным Иннокентием архиепископом псковским дела на апелляцию к рассмотрению в Святейший Синод не требовать», прописывая имянной вашего императорского величества о апелляционных делах 1762-го года июля 30-го дня состоявшейся указ, для того что оной высочайший указ силу свою заключает «о апелляции таким просителям, кто решением нижняго правительства будет не доволен, а, напротив того, означенной проситель флота капитан Ганнибал сам в челобитной своей показывает, что он копии с решительнаго определения хотя не получал, но по объявлении ему того о расторжении втораго его Ганнибала с Устинькою Ермолаевою Толстых брака определения, сходственно с оным о жительстве ему с первою его женою февраля 3-го дня 1781-го года подписался; то само по себе значит, что он тогда таковым решением оказал себя довольным, а по тому и апелляцию вносить право свое потерял; что же он Ганнибал в нынешней своей челобитне показывает, что подписку принужден учинить по настоянию о том от консистории, зделавшись тогда от многих претерпений болен горячкою, а паче опасаясь от строгой Епитемии еще опаснейших следствий для его здоровья, то сие вероятия не заслуживает, ибо в такой болезни и в консистории ему притти не возможно б было, а консистория настоять, чтобы он под определением подписался, долг имела; сверх того, буде бы от консистории усматривал он какое себе притеснение, или бы на то время подлинно был в горячке, то ему о сем тогда же где надлежит и просить надлежало, но он не токмо после того о том нигде не доносил, но и ныне в своей челобитной, чтоб консистория точно к таковой, какую он дал, подписке принудила, не показывает; по таким обстоятельствам означенной его Ганнибала челобитной в противность вышепрописанного высочайшаго о апелляционных делах указа в действие принимать не следует».

Несть достойный раб глаголай ложь царе своему, и я готов пред лицом вашего императорского величества именем всемогущего сердцевида учинить клятву, что прежде и после подписки долгое время хотя не лежал, а истинно был болен, не токмо телом но и духом, который, поражен будучи от непрерывных консистории притеснений, находился тогда в совершенном оцепенении или расслаблении, чему и то служит доказательством, что я не умел пользоваться имянным вашего императорского величества указом о выборе меня советником в здешнее губернское правление, где для меня удобнее и скорее было бы освободиться от всех беспокойств и угнетений. К тому ж о болезни моей известно было всем, между протчими и самим консисторским членам. А может ли человек во время такой болезни где являться; в том свидетельствуюся опытом и медиками. Что же касается до притеснений со стороны духовнаго правительства, то оныя точно изображены в поданной в синод челобитне. Да и самая данная мною подписка доказывает сие ясно, ибо надлежало бы духовной власти прежде спросить жену мою, яко челобитчицу, желает ли она жить со мною и в сем настоять ей увещаниями, а потом, в случае ее согласия, меня к сожитию с нею обязывать; но она, не учинив сих предварительных поступков, в противность духовнаго регламента принудила меня к подписке, не знаю, на какой конец.

Вероятно, заготовляя себе на случай некоторой вид оправдания. О таком и подобных сему притеснениях приносил везде жалобы и просил о защищении себя бывшего тогда в должности генерал губернатора и кавалера Якова Ефимовича Сиверса, которой о том с отменным о мне одобрением писал тогда к преосвященному архиепископу Иннокентию. Так же на свой кошт посылал губернского стряпчего Вишнякова в Санктпетербург настоять об отмене того решения преосвященным Новгородскому и Псковскому, и наконец, по укрывательстве моем от поисков консистории чрез губернское правление, как скоро открылся свободный случай, уехал в Санктпетербург, еще не совершенно свободившись от болезни, где и не умедлил поднести вашему императорскому величеству означенное мое письмо. Да и сам святейший синод неложность моего показания доказывает противоречием в вышепрописанной статье своего определения, ибо в оном на одном месте изволит писать, что я в нынешней своей челобитне о принужденной и во время болезни мною данной подписке показываю, а ниже на другом месте, что онаго в той челобитне не показываю.

И когда бы святейший синод первую сию притчину находил довольною к неразсмотрению моей челобитны, то не настояло бы ему надобности продолжать в своем решении «да хотя бы к принятию той от него апелляции такового препятствия и не настояло, то и затем в рассмотрение онаго решенаго епархиальным преосвященным о нем Ганнибале дела вступать священному синоду нужды не состоит, для того что сам он Ганнибал тою же челобитною себя изобличает, что первая его законная жена Марья Алексеева и ныне находится в живых, и во второй брак, не будучи с первою по правилам разведен, вступил он в противность слова божия и всех церковных правил, какового соблазна в церкви терпимо быть не должно, и вторую его Ганнибала жену, каким бы он образом ни вступил с нею в брак при первой ево находящейся в живых законной жене, признать законною отнюдь невозможно», которое следствие единственно из того, что первая жена мужа находится в живых, ни мало не следует, ибо прелюбодеяние жены, как то ниже самое гласит решение, освобождает мужа ея от даннаго обязательства: «хотя же он Ганнибал о вступлении ево во второй брак извиняется, первое показуемым на законную жену подозрением, второе неведением, а паче умышленно обманом от другаго полученным им яко бы о умертвии той ево первой жены письмом, но и оное к сожитию ему со второю мнимую женою оправданием не служит, ибо одно подозрение (в чем он кроме самого себя никакого посторонняго свидетельства не представил), хотя бы и доказано было, то по слову божиию разве словесе любодейна, брак не расторгается, а что письмо подложное, то и самую жизнь первой ево жены явственно изобличается; буде же бы сыскалось, что им и подлинно он обманут, то по сему он заслуживал бы только облегчение в возложенной на него Епитимии, но и в том им никто не доказан».

Нет в том ни малейшего спора, ни сомнения, что первая жена моя жива и что по сему означенное письмо подложно, но все дело состоит в том, точно ли первая жена моя объявлена была умершею в публице, и писал ли ко мне о смерти ея родной ее брат, отставной полковник Михайло Пушкин? А сие все в моей челобитне неоспоримым доказано образом. К тому ж подозрение, когда оное доказано, уже не есть подозрение, а сущая известность о содеянном действии. И как можно счесть подозрением поступок жены моей, которая после разных и многих предосудительных своих действий, забрав все свое и мое имение, бежала из дому моего и не день, не месяц, но более целых трех годов (кормчая же книга позволяет развестися мужу с женою, отбывшею от него на одну только ночь) не известно где жила безгласна и наконец умершею разглашена, а мне таковою от родного ее брата, всегда в одном месте с нею жившаго, своеручным ево письмом объявлена? Для сих ясных притчин, не знаю каким образом должен я относительно втораго моего брака сознан быть нарушителем закона божия и нести положенное законом прелюбодеу нака-

зание; когда напротив сего жена моя, во всем уличенная, ни малейшаго от закона не чувствовала наказания, а паче получила свободу итти за муж за другога. При таковых обстоятельствах не ищю я, ваше императорское величество, никакого удовлетворения от противников моих за причиняемые мне ими безвинно чрез только лет волокиты, чувствительныя убытки и несносныя обиды и поношения. Всевышний возмездник видит совесть мою, знает так же произведение дочери моей, которой однако охотно соглашаюсь дать четвертую часть доставшегося мне после отца моего недвижимого имени, дабы только оставлен был в покое со второю женою моею, ибо первая кроме того, что троекратно в суде от сожигия со мною отреклася, и ныне о том слышать не хочет.

Всемиловитейшая государыня со слезами прибегаю ко престолу вашему, на нем же председают милость и правосудие, освободите изнемогшую уже невинность от рук Пушкиных, преуспевающих хитростию и пролазами, вершите горестную судьбу мою данною вам свыше властью, коей решения с благоговейным подобострастием приемлю и лобызаяю.

Вашего императорскаго величества

Всемиловитейшей государыни

всеподданнейшій раб

Иосифъ Ганнибал.

(Прошение это было подано в июле 1782 г.).

III

Всемиловитейшая государыня!

Поднесенными мною вашему императорскому величеству прошедших 1781-го в сентябре и 1782-го годов во июле месяце челобитьями, невинность мою изъявляющими, всеподданнейше просил о всемиловитейшем меня разрешении от эпитимии и утверждении законом освященнаго моего союза со вдовою Устиньей Ермолаевою, дочерью Толстых. Во ожидании на оное божественнаго вашего изрешения, со стороны бывшей моей жены, Марьи Алексеевой дочери Пушкиной, для пресечения тяжбы нашей, неоднократно предлагаемо мне было о уделе ей из моего наследия, в сем то единственно состояла цель всех ухищрений, оказанных ею против меня с братом своим полковником Михайлою Пушкиным; до сего простираются и нынешния их усиливани. Ибо она, Марья Пушкина, до суда, в течении и после онаго, много кратно писменно отозвалась от сожигия со мною.

Желая спокойствия сколько себе, тем более законной жене моей Устинье Ермолаевой дочери Толстых, как совсем безвинно страждущей от поношения публики, охотно даю на пропитание бывшей жене моей Марье Алексеевой дочери Пушкиной с малолетною ея дочерью Надеждою, из доставшегося мне после отца моего генерал-аншефа и разных орденов кавалера Аврама Петровича Ганнибала, наличнаго недвижимаго имени четвертую часть, состоящую в самых лутчих местах близ Санктпетербурха из деревни Кобрино, с принадлежащими ко оной части землею и угодьями.

Всечеловеколюбивейшая мать отечества, вся строгость законов устремлена на меня одного и жену мою, нимало не касаясь виновников того прегрешения, коего мы, жена моя без наималейшей вины и я, уловлен другаго обманом, учинилися участниками; возрите чадолюбивым оком на понесенныя нами чрез толико лет безпокойствия, убытки, и поношения и повелите по данной вам от бога власти утвердить второй мой брак и осво-

бодить меня от положенной эпитимии. Такое матернее благодеяние восстановит гиблущую честь жены моей и приведет в забвение все мои претерпения, наполняя сердца наши вечным благоговением к божественной особе.

Вашего императорского величества

Всеподданнейший раб

Иосиф Ганнибал.

(Подано в начале 1783 г., точная дата не приведена).

В. Прощения Устиньи Толстой¹

I

Всемиловейшая государыня!

По семилетнем моем вдовстве соединилась я законным браком с господином Иосифом Ганнибалом, но несколько времени спустя объявили мне именем консистории, что я незаконная жена мужу и следственно не должна впредь жить с ним вместе и именоваться его фамилиею. Сей ужасный удар привел мысли мои в совершенную растрейку, во время которой исполнители воли консисторской принудили меня дать письменное обязательство исполнять в точности консисторское определение, которого я и не понимаю, ибо оно приказывает не жить с тем, с которым я сопряжена законом и ко коему я особливую имею привязанность, а итти за другога, называя меня незаконною женою, чем чести моей во всей публице наносится несносное посрамление.

Всемиловейшая государыня! Лишенная мужа, обиженная и неимеющая никакой другой защиты и покрова кроме человеколюбивого вашего императорского величества правосудия, повергая себя ко освященным стопам, со слезами всеподданнейше прошу высочайше указать возвратить мне моего мужа, подобную участь претерпевающего, кроме которого я ни за кого другога итти не желаю, что я приму за особый бога и вашего монаршего милосердия дар.

Вашего императорского величества

Всеподданнейшая раба

Устинья Тальстая.

II

Всемиловейшая государыня!

Ваше имп. величество, нося на себе образ всевышнего отца и благодетеля, всюду изливаете милость и правосудие, коих плоды, переходя пределы свыше данного вам правления, распростираются и до отдаленнейших земли областей, удостойте меня, всеподданнейшую рабу вашу, матернего вашего на подданных своих внимания. Уже тому три года как несла тяжкое иго разлучения от мужа моего, питаюсь надеждою, что закон, который мне дал онога, паки мне возвратит его; но сия надежда пресеклась решением святейшего синода, который первую жену мужа моего, преступившую во сожитии с ним все правила благоразумия и пристойности, нарушившую святость брака и все сие заключившую нако-

¹ Оба прошения не имеют даты, но, очевидно, были поданы Екатерине еще до решения по делу Марии Алексеевны Ганнибал, так как в резолюции, вынесенной по докладу Терского 10 апреля 1784 г., упоминается, что в числе других прошений по этому делу имелись и прошения Устиньи Толстой.

нец побегом из дому его и более не жили, трехлетним отбытием от него в неизвестных местах, при сем том признал законною женою или оправданною и дал ей свободу вытти замуж за другога, в случае когда с мужем, ею сообезпеченным, вместе жить не пожелает. Напротив того меня, которая по уведомительному письму о смерти жены Иосифа Ганнибала вступила с оным в супружество законным порядком, объявил незаконною женою и с ним разведенною без всякой вины моей, чрез что честь благородно воспитанной женщины, главное ее украшение, в публичке отъемлетя; и естли такое снисхождение первой жене, преступившей закон, оказывается от закона по милости, то и я, будучи невинна, ласкою себя надеждою получить от онога справедливость, тем паче что я, кроме Иосифа Ганнибала, ни с кем жить не желаю, а первая жена от сожития с ним уклоняется.

(В дальнейшем после усиленных восхвалений Екатерины Устинья Толстая просит: «Защитить невинную слабость пола моего, освободить честь мою от тяжкого ига напрасного поношения, восстановить спокойствие отчаянного духа моего возвращением мужа моего».)

III

ИЗ ДОКЛАДА А. И. ТЕРСКОГО, ПРЕДСТАВЛЕННОГО ЕКАТЕРИНЕ

Устинья Толстая в поднесенном вашему величеству прошении между прочим пишет, что именным 784-го года указом велено назначенную четвертую часть недвижимого из деревни Кобринно, с принадлежащими по оной части угодьями, отдать в ведомство Дворянской Опеке и на содержание дочери его, но вместо части из деревни Кобринной, к отдаче в опеку следующей в 75-ть душ, отнята и в опеку взята не только вся та деревня, в коей боле ста душ, но и другая мыза Рунова, совсем не принадлежащая к тому. Во время посылки на море мужа ея отнято и все движимое имение под видом угодий и что на такое превратное толкование, происшедшее в верхнем земском суде, употреблена просьба палаты гражданского суда, которая войдя в рассмотрение определила: выдела из деревни надлежащую часть, прочее несправедливо отнятое, а также и мызу с движимым имением возвратит; но опекуны опять всем тем завладели. Сверх того брат бывшего мужа ея генерал-поручик Иван Ганнибал взял к себе отданной в ломбард отцом их капитал 60000 ру., пользуется он им сам, выдав наконец из онога двум братьям своим по 10000 ру., но бывшему мужу ея по многократным требованиям и просьбам в присутственных местах ничего не отдает. Бывший же муж ея охотно бы отдал ей полученное за нею по рядной приданое слишком 27.000 ру., но исполнить того не в состоянии, ибо занятjem мызы и движимого имения и за неотдачею братом капитала, не остается ему кроме малой части раззоренных псковских деревень; но и те заложены в дворянском банке. И всеподаннейше просит, чтоб, приняв обоих их милосердное защищение, повелеть, чтобы бывшему мужу ея возвращено было ему принадлежащее, дабы он через то в состоянии был ее удовлетворять; иначе она будучи безвинно вовлечена в несчастье неприятелями мужа ея, которые умели подложным письмом обольстить и уверить его о кончине первой жены его, лишилась чести и имения; то позволить ей только несчастной но безвинной, пользуясь имением ея мужа, проводить остатки дней ея с ним, который равно ей более несчастлив, нежели виновен.

По справке оказалось, что по таковому уже ею, Устиньей Толстой, поднесенному вашему величеству прошению, в Генваре месяце сего 1786 года, ваше императорское величество высочайше указать соизволили: ей объявить, что означенное ея прошение до рассмотрения вашего величества не следует, потому: 1-е, О взятии опекунами в свое ведомство не принадлежащего имения Иосифа Ганнибала не она, но он Ганнибал просить должен на тех опекунов в судебных местах, где по законам следует. 2-е, О неотдаче Ганниба-

ловым братом взятого из ломбарда отца их капитала принадлежащей части также следует просить ему Иосифу Ганнибалу самому в тех правительствах, до рассмотрения коих надлежит. 3-е, Если она Толстая имеет по рядной или по чему другому сама свою на Иосифе Ганнибале претензию, то и в таком случае во отыскание оной должна просить в нижних правительствах, до рассмотрения коих принадлежит.¹

К этой справке приложена следующая выписка из законов для объявления просительнице:

Законами велено:

Воинским 33-м артикулом: «Ежели кому какая нужда просить, то позволяется о себе и о своих обидах просить, а не обще».

Указом 765 года Генваря 19-го дня «Если явятся таковые продерские, которые, не бив челом о своих делах прежде в учрежденных на то правительствах, прошения свои подавать будут вашему величеству и тем утруждать осмелятся, с таковыми поступать по нижеследующему:

Чиновных людей жен за подачу прошения первый раз штрафовать взысканием с них третнего жалования по окладу мужей их; за второй содержать в домах их месяц под арестом; за третий содержать же в присудственном месте, где они по жительствовам ведомы, под караулом год; а в четвертый, естли также кто отважится, таковым жить в своих деревнях, не выезжая в столицу».

5

ЗАПИСКА О ДЕЛЕ МОРСКОГО ФЛОТА 2-го РАНГА КАПИТАНА ОСИПА ГАННИБАЛА С ЖЕНОЮ ЕГО МАРЬЕЮ АЛЕКСЕЕВОЮ ДОЧЕРЬЮ ПО ОТЦЕ ПУШКИНОЮ²

В 780-м году морского флота 2-го ранга капитана Осипа Ганнибала жена его Марья Алексеева дочь, по отце Пушкина, била челом в псковской духовной консистории на показанного мужа ее в том, что он, оставя ее ис прижитою с ним пятилетнею дочерью Надеждою в совершенном презрении, вступил во 2-й брак со вдовою, капитанскою женою, Устиньею Толстою.

По тому челобитию во псковской консистории произведено следствие, при котором Ганнибал показывал, что та жена его в непристойном обхождении с другими оказывалась ему подозрительна и что он женился на второй жене по писму, поданному ему на дороге неизвестным ему человеком, от брата жены его Пушкина, коим он уведомил, что та жена его умре. Но напротив того Пушкин показал, что такова писма не писал, а сочинил его сам Ганнибал в свое оправдание.

По окончании следствия консистория, а наконец по представлению ея и псковской епископ Иннокентий определил:³ 1-е. Брак Ганнибала со 2-ю женою уничтожить. 2-е, первой жене Ганнибала, естли она с Ганнибалом жить не согласится, равно и второй, как невинным лицам, и в другие супружества, естли пожелают, вступить дозволить. 3-е. На Ганнибала за сие законо-преступление наложить церковную семилетнюю эпитимию; год содержатьца ему в монастыре, а потом, естли окажет плоды достойныя покаяния,

¹ Первое из этих прошений было подано 16 ноября 1785 г., а второе — в августе 1786 г. Приводим оба эти прошения в кратком изложении А. И. Терского в виду их большого многословия.

² Составлена А. И. Терским перед докладом дела Екатерине II 10 января 1784 г.

³ Консistorское представление было декабрия 18-дня 1780 г. Архиерейское решение последовало генваря 19-го 1781 г.

от монастыря свободить, а опрavelять ему оную где находится будет, под присмотром отца его духовнаго. 4-е. Касательно же до пропитания первой жены с дочерью, то просить о том где по законам надлежит.

На те решения, называя оныя неправильными, Ганнибал подносил вашему величеству прошение, где между прочим упоминал, что ко отвращению всякаго первой жены его неудовольствия, согласен отдать ей с малолетнею дочерью 4-ю часть его отцовского имения.¹

На то прошение в 781-м году декабря 22-го дня, ваше величество в резолюцию Ганнибалу объявить указали: что естли он решением псковского архиепископа и консистории недоволен, тоб по основанию 762-го года указа, просил в святейшем синоде.

На поданоеж от Ганнибала в синод прошение в 782-м году,² марта 15-го дня Синод определил по тому прошению дела на апелляцию не брать.³

В том же 782-м году, первая Ганнибалова жена Марья Пушкина поданным в Санкт-Петербургское губернское правление челобитьем показывала, что муж ее Ганнибал, оставя ее без пропитания ис дочерью, женился на другой жене. О чем рассматривано в консистории и в синоде; и найден он виновным. За что и семилетняя эпитимия на него возложена. О пропитанииж ее с дочерью объявлено ей просить где надлежит. Желание же родственников мужа ее есть, чтоб из его имения составить ее и дочери ее состояние так, как ис письма деверя ея, генерала поруччика Ивана Ганнибала, писанного к сзойственнику ее бригадиру Петру Турчанинову видно,⁴ которое приложя, притом просила, чтоб в силу высочайшаго о управлении губерний учреждения главы 16-й, статей 212-й, 213-й, 215-й и 217-й, к имению мужа ее определить опекунов, которые б, по рассмотрению своему, из движимаго и недвижимаго его имения, на воспитание дочери ее и ей по законам принадлежащее доставили.

Та челобитная от губернского правления возвращена ей Ганнибаловой обратно, с таковою надписью, что она по существу своему рассмотрением до губернского правления не принадлежит. Ежели же она желает о том просить, чтобы была челом где надлежит законным порядком.

После того показанная ж Ганнибалова жена поднесла вашему величеству прошение,⁵ которым показывала.⁶

¹ В приложенной при том прошении копии с письма писаннаго к Ганнибалу в 776-м году от первой жены его, коим она просила об отдаче себе на воспитание дочери, между прочим написано: что она на содержание как дочери, так и ее, от него Ганнибала и наследников его ничего требовать не будет.

² Прошение подано генваря 26-го, 782 года.

³ Далее приводится подробное изложение синодского определения, которое мы опускаем в виду напечатания его выше полностью. (П. Л.)

⁴ В письме генерала-поруччика Ивана Ганнибала к бригадиру Турчанинову от 19-го февраля 782-го году из Херсона, между прочим, написано: что соединение невестки его с братом, сколько старания его ни было, открывается делом невозможным, и принуждение сие кажетца с обеих сторон будет бесполезно: но он, не опровергая ничем справедливое ее требование в рассуждении дочери брата его, которая конечно по непримиримому несогласию родителей своих безвинно пострадать может, входит в такое жалостное состояние, и дает свой совет просить правление, доставшееся на часть брата его после отца недвижимое имение запретить ему продавать и закладывать, потом как ему достается деревни и усадьбы в двух местах одно во Псковской провинции, а другое в Ингерманландии, чтоб одно отдано было ему, а другое невестке с дочерью на содержание так, как наследнице и всего имения.

⁵ Сие прошение с повелением вашего величества прислано ко мне при письме генерал-майора Александра Дмитриевича Ланского.

⁶ Далее идет изложение второго прошения М. А. Ганнибал (см. выше. П. Л.).

По выслушании того прошения, в 783-м году марта 8-го дня, ваше императорское величество высочайшие указать соизволили: как из учиненной против того прошения выписки оказалось, что Ганнибал в поданном вашему величеству прошении между прочим упоминал, что он отдает жене ево четвертую часть из недвижимого принадлежащего ему имения, и для того брегадиру Турчанинову отобрать от него сведение, в каких имянно деревнях та назначенная от него Ганнибала жене его часть состоять должна, и что покажет доложить.¹

После того Иосиф Ганнибал, поднес вашему величеству два прошения в коих между прочим пишет:²

Устинья Толстая в поднесенном же вашему величеству прошении, пишет: три года, как несла она иго разлучения от мужа ея; но питаюсь надеждою, что закон, которой ей дал онаго, возвратит его.³

Предписаннаго ж Иосифа Ганнибала брат, генерал поручик Иван Ганнибал, в присланном к брегадиру Турчанинову письме пишет, что он, согласен будучи с предложением его Турчанинова касающимся до дел брата его Ганнибала с бывшею его женою, старался, сколько возможности его было, преклонить брата своего к решительному с нею положению: но со огорчением его должен теперь признаться, что тщетны были на сей случай все его дружеские советы, и что не мог ево никак привести на мысль означуающаго человека здраваго и без пристрастного разсудка. Потеряв тем всю надежду предуспеть в его желании к прекращению всево и в недопущение фамильных их дел к обремененному важнейшими делами престолу, находит еще единственно сие средство, полагая из доставшегося ему одному после отца их капитала выдать на содержание малолетней дочери брата его 10000 ру., уповает, что решение его по справедливости должно быть и почитается безобидным с обеих сторон. А чтож касается до недвижимого имения брата его, которое по нынешнему ево ослеплению к существу ево раззорению может быть им разточено, то он уверен, что в законах найдется средство отвратить и недопустить ево от неминуемаго сего нещастия, о чем и просит в том его посредства.

6

Резолюция Екатерины

По этому докладу Екатериной II была вынесена следующая резолюция:

«1784-го года генваря 10-го дня ея императорскому величеству правящим генерал-рекетмейстера должность, статским советником и кавалером Терским докладывано:

По записке учиненной у генерал-рекетмейстерских дел из производившегося и решенного сперва во Псковской консистории, а потом в синоде дела морского флота 2-го ранга капитана Осипа Ганнибала о разводе его с первой женою Марьей Алексеевной, дочерью по отце Пушкиной и о расторжении брака со второю его Ганнибала женою Устиньею Толстою, и против прошений, поданных ея величеству от Осипа Ганнибаловой жены его Марии и бывшей второй Устиньи Толстой, и по письму, присланному от генерал-поручика Абрама Ганнибала к брегадиру Турчанинову, е. и. в. высочайше указать соизволила:

1-е. Марью Пушкину Осипу Ганнибалу почитать законною женою. 2-е. Учиненной Осипом Ганнибалом второй брак с Устиньею Толстою (признать) уничтоженным и ее за законную ему жену не признавать. 3-е. За учиненное Осипом Ганнибалом преступление вступлением во второй брак при живой жене его, вместо наложенной на него церковной эпитимии, послать его

¹ По выправке оказалось, что за мужем челобитчицы Осипом Ганнибаловым состоит имение, доставшееся ему по полюбовному разделу с братьями отцовского имения в Софийском уезде 109 душ, в Псковском 443 души.

² Идет изложение содержания обоих прошений Ганнибала. (П. Л.)

³ Идет изложение первого прошения Устиньи Толстой. (П. Л.)

на кораблях в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим соделанное им преступление заслужить мог. 4-е. Что принадлежит до прошения Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной в оставлении ей на прожиток из мужнего имения, то как она в письме своем к мужу ея Осипу Ганнибалу от 18-го мая 1776 года за свидетельством брата ее статского советника Михайлы Пушкина написала, что она от него и от наследников его на содержание свое ничего требовать не будет, то затем ныне ей при живом ее муже, как на то и закону нет, из имения его ничего определять не следует. 5-е. Назначенную самим Ганнибалом в поданном к ея величеству прошении из доставшегося ему по наследству после отца его четвертую часть недвижимого имения, состоящую близ Санктпетербурга из деревни Кобриной с принадлежащими ко оной части угодьями, отдать в ведомство дворянской опеке, дабы оное употреблено было в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери, прижитой с женою его Марьею по отце Пушкиною, как о том в Учреждении, изданном для управления губерниями XVI главы 215 статье предписано, и на таком основании заготовя указ, поднести ея величеству к подписанию, который 17 генваря и поднесен.

На подлинном подписано тако:

Аркадий Терской.

МАТЕРИАЛЫ ОБ ИМЕНИЯХ А. П. ГАННИБАЛА И О РАЗДЕЛЕ ИХ МЕЖДУ ЕГО СЫНОВЬЯМИ

I

Жалованная Елизаветы Петровны А. П. Ганнибалу на Село Михайловское с деревнями (Михайловскую губу)

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской ис правительствующего сената вотчинной конторе. Сего генваря 12-го дня ея императорское величество имянным своего императорского величества указом все милостивейше пожаловала генерал-майору и Ревельскому обер-коменданту Авраму Петрову сыну Ганибала за его долговременные и верные службы во Псковском уезде пригорода Воронича Михайловскую губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана по дворцу, и по ведомости из дворцовой конторы показано по переписи генералитетской пять сот пездесят девять душ со всеми к ней принадлежащими землями в вечное владение, и, во исполнение одного ея императорского величества указу, правительствующий сенат приказал в вотчинную контору послать указ и вотчинной конторе о том ведать и чинить по оному ея императорского величества указу. Генваря 14-го дня 1742 году.

У подлинного пишет тако,

обер секретарь Павел Севергин

Секретарь Семен Орлов

Канцелярист Алексей Логачов

У сего указу ея императорского величества печать.

На том же указе помета: получен генваря 18-го дня 1742 году.

II

СПРАВКА О КОЛИЧЕСТВЕ ЗЕМЛИ И ДУШ, ИМЕВШИХСЯ У А. П. ГАННИБАЛА¹

Правительствующего сената к генерал рекетмейстерским делам, из государственного Санкт-Петербургского архива старых дел требовано к выправке с делами вотчинной кон-

¹ Приводимая здесь справка затребована была и. д. генерал-рекетмейстера А. И. Терским по указанию Екатерины II для разрешения вопроса о выделе одной четвертой части имущества Осипа Абрамовича Ганнибала его дочери от брака с М. А. Пушкиной — Надежде. Взята из дела о разводе О. А. Ганнибала с М. А. Пушкиной. (П. Л.)

торы, сколько за покойным генерал-аншефом и кавалером Аврамом Петровичем Ганнибалом, Псковского наместничества в Опоченском уезде в Михайловской губе, в деревне Устье, что ныне село Михайловское, с деревнями Косохново, Репшино, Вашково, Морозово, Локтево, Вороново, Лунцово, Лежнево, Цыболово, Гречнево, Махново, Брюхово и Паршюгово, состояло числом душ; также и коликое число во оных деревнях четвертей земли. И оное сведение как можно доставить к оным делам незамедля.

А по справке в архиве, в делах вотчинной конторы по реестру 742 года прискано состоящее в книге под № 135 дело, из которого выписано, что означенному господину генерал-аншефу и кавалеру Авраму Петровичу Ганнибалу, в силе имянного ея императорского величества 742-го генваря 12-го указа, всемилоостивейше пожаловано было во псковском уезде при городке Воронича, по переписи генералитетской, 569 душ со всеми принадлежащими землями в вечное владение.

А на посланное из вотчинной конторы требование из оной ответствовано, что в показанной губе по генеральной переписи написано мужеска полу душ и по отказным 1732-го году книгам капитана Семена Полоченинова, а сколько в тех требуемых деревнях показано четвертной пашни и сенных покосов и всяких угодий, и крестьян мужеска полу душ, о том значится по сим:

	По генеральной переписи мужеска полу	По отказным книгам		Четвертей пашни и сенных покосов и всяких угодий под показными деревнями написано
		Мужеска	Женска	
А именно: в деревнях:				
Косохнове	13	19	14	Пашни 23 четверти без четверика и полтретника, сена 10 копен.
Репшине	9	14	11	Под тою деревнею написано в пищей книге показано Бакино, Зубалино пашни — 8 четвертей, сена — 20 копен, лесу пашенного — 5 десятин полчетверти.
Вашкове	7	14	11	Не показано
Морозове	10	11	15	Пашни 12 четвертей, сена 20 копен.
Локтеве	6	6	13	Не показано.
Лунцове	10	17	18	В деревнях Большой и Малой Лунцевых — пашни 13 четвертей, сена 50 копен, лесу непашенного 4 десятины,

	По генеральной переписи мужеска полу	По отказным книгам		Четвертей пашни и сенных покосов и всяких угодий под показными деревнями написано
		Мужеска	Женска	
Лежневе	7	5	6	В Лужневой, Воробьево тож.
Цыблове и в тоже .	21	20	20	Пашни 12 четвертей, сена 20 копен, лесу непашенного 2 десятины.
Гречневые	9	11	14	Не показано.
Сверх генеральной переписи, по отказным книгам капитана Полоченинова в деревне Махнове . . .		5	7	Не показано.

По названиям написанных в запросе деревень Вороново, Брюхово и Паршюгово в ответствии из дворцовой конторы не оказалось, кроме пригородка Воронича (то может вместо онога названа после деревня Вороново) и в той Ворониче:

вотчинных бобылей и приставов — 15, бобыльских детей — 4, прописных бобылей — девять, итого — 28.

А всего со оными во всей пожалованной деревне, по генеральной переписи, 569 душ, а по отказным 732 года книгам мужеска 629, женска 648;

Да по отказным 732-го года книгам реченного капитана Полоченинова показано пашни и сенных покосов: пашни 682 четвертей и пол-третника в поле а дву потомуж, сена 1387 копен, лесу пашенного — 29 десятин, а непашенного — 71 десятина.

А по писцовой книге 186-го года — 654 четверти, сенного покосу — 1218 копен, лесу пашенного 23 десятины, лесу непашенного — 58 десятин.

Секретарь Иван Сапожников.

За Архивариуса Протоколист Иван Алексеев.

Марта 4 дня

1783 года.

III

СПРАВКА О РАЗДЕЛЕ ИМЕНІЙ А. П. ГАННИБАЛА В СОФІЙСКОМ УЕЗДЕ МЕЖДУ ЕГО СЫНОВЬЯМИ ¹

Доставшіяся после покойнаго генерал-аншефа Аврама Петровича Ганибала в Софійском уезде детям его вотчины.

А именно:

Генерал порутчику и кавалеру Ивану Абрамовичу:	Душ:
в Суйдовской мызе дворовых людей	45
В селе Воскресенском крестьян	187
В деревне Мелнице	33
В деревне Пижне	42
	<hr/>
Итого	307

Артиллерии полковнику Петру Абрамовичу:	
Елицкой Мызы дворовых людей	13
В деревне Елицах крестьян	38
В Погоской	32
Вновь заселенной Кузнецкой	46
В малых Таицах	10
	<hr/>
Итого	139

Флота артиллерии 3-го ранга капитану Исаку Абрамовичу:	
В малой Таицкой мызе дворовых людей	9
В деревне Имочале крестьян	5
В Старицкой	7
В Становской	30
Тихвинке	18
Истинной	45
Большей Пегелевой	6
В малой Оровке	8
В большей Оровке	8
	<hr/>
Итого	136

Флота ж артиллерии 2-го ранга капитану Иосифу Абрамовичу:	
В мызе Руновке дворовых людей	3
Вновь заведенной деревне Кобринской крестьян	106
	<hr/>
Итого	109

А всего за вышеписанными господами Ганибаловыми:	691
За ним же Иосифом Абрамычом в Псковском наместничестве крестьян	443
А всего за Иосифом Ганнибалом	552

¹ Из того же дела.

IV

ПРИГОВОР С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПАЛАТЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДА ПО ДЕЛУ О. А. ГАННИБАЛА С ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕР. КОБРИНОЙ

1784-го года декабря 21-го дня, по указу ея императорскаго величества в Санкт-петербургской губернии палаты гражданского суда, ревизовав дело, внесенное во оную палату верхнего земского суда из департамента гражданских дел, по подписанной во оном департаменте апелляции и поданной палате морской артиллерии отставного капитана 2-го ранга Осипа Аврамова сына Ганнибала апелляционной челобитной в несправедливом верхним земским судом утверждении за малолетною его дочерью, прижитой с женою его Мариєю по отце Пушкиною, доставшихся ему Ганнибалу по наследству после отца его, покойного генерал-аншефа, кавалера Аврама Петровича Ганнибала, состоящей в Софийском уезде в сей деревне Кобриной и принадлежащей ко оной деревне мызы Руновой а в ней и движимаго имения, показывая в той апелляционной челобитной, якобы малолетней дочери его в пользу и на содержание ее от него Ганнибала назначено, и имянным ея императорскаго величества сего года марта 2-го дня высочайшим указом велено препоручить в опеку не всю деревню Кобрино, а четвертую ея часть, просил: чтоб, за выделом малолетней дочери его из одной деревни Кобриной четвертой части, достальное, так же и мызу Рунова с движимым имением, предоставить в его, Ганнибала, владение.

Приказали: Учиненные по сему делу в верхнем земском суде сего 1784-го года апреля 9-го и октября 7-го чисел определения, первое: — о принятии Софийской дворянской опеке в свое ведомство сей объявленной деревни Кобрино с принадлежащими к ней угодьями, а естли окажется что мыза Рунова заведена на тех землях и угодьях, которые принадлежат деревне Кобрино, то о приеме ее в ведомство той же дворянской опеки а второе: — об отказе Осипу Ганнибалу в прозбе о возвращении ему движимаго его находящегося в той мызе имения, по такому резону, хотя-де в имянном высочайшем указе о движимом, состоящем в деревне и мызе, имении что из него что-либо в опеку отдать не сказано, но как-де тем указом означенное недвижимое имение отдать повелено с надлежащими угодьями, а чтоб движимаго никакого имения малолетней не отдавать, во оном высочайшем указе повеления нет, то-де верхнему земскому суду удовлетворение ему Ганнибалу учинить невозможно, отставить; для того претензии¹ палатою сего дела оказалось, что имянным ея императорскаго величества высочайшим указом, состоявшимся сего года марта во 2-й день, между прочим в 5-м пункте повелено следующее: «Назначенную морской артиллерии капитаном Осипом Ганнибалом, из доставшегося ему по наследству после отца его 4-ю часть недвижимаго имения, состоящую близ Санктпетербурга из деревни Кобриной с надлежащими ко оной части угодьями отдать в ведомство дворянской опеки, дабы оное употреблено было в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери, прижитой с женою его Мариєю, по отце Пушкиною, как о том в учреждении, изданном для управления губернией XVI главы в 215 статье предписано».

Палата гражданского суда (судья) по точным словам онаго высочайшего указа, что оным повелено в пользу и на содержание малолетней отдать в ведомство дворянской опеки назначенную самим Осипом Ганнибалом из оставшегося ему по наследству после отца

¹ Очевидно следует читать: «при ревизии».

его 4-ю часть недвижимаго имения (как то ниже изъяснено), состоящую близ Санктпетербурга не в деревне, а из деревни Кобриной с надлежащими ко оной угодьями, то верхнему земскому суду, равно и Софійской дворянской опеке, следовало учинить обстоятельную высправку, сколько ему Ганнибалу досталось по наследству после отца его мужеска и женска полу недвижимаго имения, и потом, выделя четвертую часть, из той деревни Кобриной с принадлежащими ко оной части угодьями отдать в ведомство дворянской опеки; а бес точной высправки к принятию в опеку всей той деревни Кобриной приступать не следовало, а колми паче еще к ней присоединять мызу Рунова, и под именем угодий и движимое его Ганнибала во оных мызе и деревне имение не надлежало; и то учинено Софійской дворянской опекой и верхним земским судом с вышписанным имянным ея императорскаго величества указом не согласно, ибо от Осипа Ганнибала в палате показано было: 1-е, что после кончины отца его, по полюбовному между им и братьями его разделу, досталось ему на часть Псковскаго наместничества в Опочецком уезде сельцо Михайловское и тринадцать деревень, в коей (т. е. части), по последней четвертой ревизии состоит мужеска полу двести тринадцать душ, как то свидетельствуют аттестаты, имеющиеся в государственном Санктпетербургском банке для дворянства, за подписанием Опочецкаго уезднаго суда; 2-е, в Санктпетербургской губернии Софійском округе по тому же разделу досталось ему на часть мыза Рунова и деревня Кобрино, о коих он Ганнибал изъяснял, что в 1762-м году покойной отец их купил у помещика Дмитрия Александровича Симонсо^{ва} мызу и деревню, так называемую Елицы, с принадлежащею ко оным дачею, в которой состояли пустоши со следующими названиями: Погост Новый, Кузнецы, Обша, Матренкина, Пижны и Кобрино, и все сие за ним тогда отказано и отмежевано было вообще одною дачею, так как одного помещика владение. Когда же покойному отцу их рассудилось зделать в своем имении распоряжение, каковое и всякому хозяину делать по своей воле не запрещено, то и поселил он на некоей из тех пустошей деревне, как-то на пустоше Пижне, погосте Новом и Обше, оставил оных при тех же названиях и назначил к каждой из них земли и другие угодья особыми межами, из коих бывшую пожню Пижны отделил от помянутой мызы Елиц (и) причислил к мызе Суйде, погост же Новый и Обшу оставил по прежнему принадлежащими к мызе Елиц, равным образом и пустошь Кобрино, населив переведенцами из мызы малых Таиц, назвал деревню Кобрино, и назначил особую ей межу, по которой та деревня и донныне владение свое имеет. Мыза же Рунова так назвала и построена отцом его на отделенной уже по примеру протчих его мыз и деревень им же самим, яко хозяином, земле от пустоши Кобриной живым урочищем, то есть речкою Кобриною, впадающею в речку Суйдовку, так что владение мызы Руновой состоит по правую, а деревня Кобрино по левую сторону речки Кобринки. По таком покойного отца его распоряжении и назначении в деревнях и мызах межей, они же учинили полюбовной между собою раздел в здешней-же палате гражданскаго суда, по которому достались брату Ивану Абрамовичу — мыза Суйда и деревни Воскресенская и Мельница и Пижна, лежащие на отделенной от купленной дачи Елицкой земли; брату Петру — мыза Елицы и деревни Елицы, погост Новый и Обша; а ему, Осипу, — мыза Рунова и деревня Кобрина, из коих в первой состоит три, а в последней сто семь душ по последней ревизии, по которой и мыза Рунова от деревни Кобриной особо значится. Согласно со оным его, Ганнибала, показанием, по учиненным сею палатою, конторою дворянскаго банка, казенною палатою, и с учиненной во оной гражданской палате писанною у крепостных дел прошлаго 1782-го года августа 8-го дня, между наследниками покойного генерала аншефа и кавалера Аврама Петровича Ганнибала детьми его генералом порутчиком, генералом цехмейстером и кавалером Иваном Абрамовичем, артиллерии полковником Петром, объявленным Осипом и флота капитаном Исаком Аврамовым, детьми Ганнибалами, оказалось, что в Софійском

уезде мыза Рунова и деревня Кобрина как в той разделной записи, так и по поданной к четвертой ревизии скаске, значится каждая особо, а в них мужеска полу в мызе Руновой три, а в деревне Кобриной сто семь душ, в имеющемся же в конторе государственного банка для дворянства аттестате, данном объявленному капитану Осипу Ганнибалу из Опочецкого нижнего земского суда, что за ним, Осипом Ганнибалом, состоит в Опочецком уезде Михайловской губе, в селце Михайловском з деревнями, мужеска полу двести тринадцать, а всего с вышеписанными триста двадцать три души. Следовательно по точной силе прописанного имянного ея императорского величества указа и долженствует из означенного, доставшегося ему по наследству после отца его, недвижимого имения выделить четвертую часть из состоящих близ Санктпетербурга деревни Кобриной, причислив те души, которые поныне как в Опочецком так и в Софийском уезде в тех деревнях по выправкам вновь рожденными найдутся, на противу же исключя, буде умершие окажутся, с принадлежащими ко оной части пропорции в той деревне Кобриной наличного числа душ угодыми, не касаясь мызы Руновой, и потом оную четвертую часть отдать в ведомство дворянской опеки, а достальное за тем выделом во оной деревне Кобриной число душ и принадлежащую ко оным землю, чем донныне владение было, ис ведомства дворянской опеки исключя, со всем движимым его Ганнибала принадлежащим к этой мызе именем, без изъятия отдать, а также и мызу Рунову предоставить в полное владение немедленно объявляемому Осипу Ганнибалу попрежнему. Что же в поданной в палату от Осипа Ганнибала апелляционной челобитной показано, яко в ползу и на содержание малолетной его дочери назначена им четвертая часть из одной только деревни Кобриной, оное его показание —неправильное и с тем имянным ея императорского величества указом, которой прописан выше сего, нимало не согласное, ибо по оному точно повелено, как выше значит, в ведомство дворянской опеки отдать назначенную им Ганнибалом из доставшегося ему по наследству после отца его четвертую часть недвижимого имения, состоящую из деревни Кобриной, а не так, как ныне им Ганнибалом несправедливо показано, что велено отдать из одной деревни Кобриной четвертую часть; чего ради во оной его прозбе ему Ганнибалу отказать. И сие решительное определение, по силе высочайших Учреждений о управлении губерний, главы IX-й статьи 126-й, апеллятору Осипу Ганнибалу и определенным к имению малолетной дочери его опекунам, генерал майору Петру Аврамовичу Ганнибалу и статскому советнику господину Пушкину или их поверенным, при открытых дверях объявя, списав дать за скрепою секретарскою копии, и в удовольствии и неудовольствии узаконенным порядком подписать дозволить; а потом, по силе той же главы высочайших Учреждений статьи 133-й, для надлежащего по сему определению исполнения в верхний земский суд послать указ и велеть внесенные во оной за перенос сего дела в палату денги — сто рублей, за переменою палатою онаго верхнего земского суда определения, по силе высочайшего учреждения главы XIV статьи 177, возвратить апеллятору Осипу Ганнибалу.¹ А за употребленную по сему делу вместо гербовой простую бумагу Софийской дворянской опеки, в верхнем земском суде и во оной палате, за двадцать листов, за каждый по десяти копеек, — два рубли, да с четырех исходящих: печатных пошлин с каждой по пятидесяти копеек с половиною, а всего четыре рубли две копейки, истребо-

¹ В силу ст. 174 Учр. о губ. 1775 г. сторона, недовольная решением верхнего земского суда и изъявившая на то неудовольствие (на что давался недельный срок), могла приносить жалобу в палату, но в виде залога должна была вносить в суд сто рублей; в случае оставления ее жалобы без последствий этот залог поступал в пользу суда и распределялся между судьями, в случае же отмены или изменения решения низшей инстанции он возвращался жалобщику. Эта пеня за неосновательную жалобу была заимствована из лифляндского права.

вать от апеллятора, Осипа Ганнибала, записав в приход. Подлинное за подписанием палаты господ присутствующих, за скрепою секретаря Ивана Иванова подписано генваря 22-го дня 1785-го года, а господин председатель Неклюдов онаго не подписал потому, что он по сему делу присутствовал по бытности его в верхнем земском суде председателем.¹

Канцелярист Иван Маклаков.

Скрепил секретарь Иван Иванов.

¹ Участие судьи в качестве председателя или члена в суде первой инстанции лишало его права участвовать в ревизии этого дела.